

18+

Виктория Кравченко

*Мистика
в космосе
культуры*

Виктория Кравченко

Мистика в космосе культуры

«Издательские решения»

Кравченко В.

Мистика в космосе культуры / В. Кравченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-604632-0

Книга адресована тем, кто осознает, что в основах бытия лежит вечная Тайна. Каждая этническая культура пытается по-своему Ее разгадать и научиться с Ней существовать... В истории прослеживается линия попыток постижения непостижимого, именуемая древнегреческим термином «Мистика»... На основе этно-энергетической концепции культуры представлена предыстория мистики; ее взаимодействия с мифом, магией, религией, философией, наукой; основные понятия, а также виды мистики — от шаманской до гениальной.

ISBN 978-5-00-604632-0

© Кравченко В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
А. Основополагающие принципы создания предлагаемой книги	6
Б. Человек мистический в свете современной антропологии	8
В. Мистика как явление и представление	13
Г. О рассмотрении мистики в аспекте этно- энергетической концепции культуры (ЭЭКК)	16
Часть первая.	20
Глава 1.	20
1.1. Миф	20
1.2. Магия и ее этнокультурные трансформации	57
1.3. Древние религии в свете этно-энергетической концепции культуры	89
1.4. Древние философии – от мифа к логосу	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Мистика в космосе культуры

Виктория Кравченко

© Виктория Кравченко, 2023

ISBN 978-5-0060-4632-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Именно научная (строго) философия и теология (это наиболее плодотворное соединение для науки) имеют дело с концептами наивысшего

уровня абстрагирования.

#

Курт Гёдель, 13-й тезис из основных мировоззренческих положений

А. Основополагающие принципы создания предлагаемой книги

Предлагаемая книга, по убеждению автора, отличается от подавляющего числа исследований мистики, поскольку основывается на следующих основных положениях.

1. Мистика признается как отражение в конкретной этнической культуре неисповедимой Тайны, лежащей в основах существования людей; Тайны, которая проявляется во множестве фактов и явлений.

Обращаясь к мировоззренческим положениям Курта Гёделя¹, подчеркнем ещё один выдвинутый им пункт: «б. Познаваемое a priori – неизмеримо больше, чем то, что мы знаем сейчас».

А интерпретируя его знаменитую теорему о неполноте, констатируем, что исходя из современных научных представлений о мире и человеке, **человечество принципиально не способно обрести «истину в последней инстанции» и Тайна (как предельная совокупность разнообразных тайн, загадок, секретов, неопределенностей...) всегда и неизбежно будет являться неотделимой частью его существования.**²

Эту Тайну человечество обречено вечно разгадывать и учиться с Ней существовать... Эта многоликая Тайна, по-особому ощущаясь в каждой этнической культуре, приводила к формированию уникальных способов взаимодействия с Ней; но на протяжении всей человеческой истории можно проследить определенную линию попыток постижения непостижимого, которую в древнегреческой культуре называли Мистикой.

То, что в широком смысле называется мистикой (таинственным, непостижимым, невероятным и т.д.), на наш взгляд, всегда связано с реальными фактами и объективными явлениями как в «окружающем мире», так и в человеческой психике, что может и должно подлежать научному рассмотрению, подробному анализу в различных аспектах. Также необходимо выявлять и отдельно исследовать последствия проявления и воздействия мистических «феноменов» как на отдельного человека, так и на социальные процессы и разнообразное культурное творчество.

¹ См. в конце книги в Словаре имен подробнее.

² Так, Ю.Н.Олейник, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает: «На протяжении всей жизни Гёдель пытался расширить границы применимости математических теорем неполноты, определить их значение не только для математики и логики, но и для сферы научного познания в целом. Теория относительности была весьма удобным объектом для таких целей, поскольку она потрясла не только физику, но и весь массив общемировоззренческих установок. Показав внутреннюю неполноту теории относительности, можно было, таким образом, показать сомнительность и относительный характер базовых научных представлений о мире. И Гёдель это сделал, /.../ показав, как на одних и тех же основаниях в теории относительности можно получить совершенно разные результаты». – Олейник Ю. Н. Вращающиеся миры и относительность существования: семь приближений к философии Курта Гёделя // Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org>. Вып.27 (декабрь 2019). С. 220.

2. Исследование мистики в данной книге предпринимается на основе этно-энергетической концепции культуры (культурного поля) (ЭЭКК), начала которой были изложены в моей монографии «Симфония человеческой культуры» (2017). Методология исследования рассмотрена ниже, в пункте В данного Предисловия.

3. Само предпринимаемое исследование является мультисциплинарным, опирающимся, в первую очередь, на достижения философии, истории, культурологии, религиоведения, этнографии, социологии, астрономии, биологии, физиологии, психологии, нейронаук...

4. Данное научное исследование базируется не только на теоретическом осмысливании научных данных и сведений, но также на личных встречах с практикующими мистиками-людьми, на непосредственных практических опытах в области мистических направлений, переживаний и т. д.

Важнейшими этапами в моем исследовании мистики можно считать следующие:

– посещение Индии, как общепризнанной «родины мистицизма» во время прохождения докторантуры в Российском государственном гуманитарном университете. Поездка представляла собой целенаправленное посещение мистических центров и древних святынь группой людей, специально интересующихся мистическими учениями и практиками (я была единственным философом в группе, другие ее члены – йогины, саньясины, медики, историки);

– участие в первом Международном Симпозиуме «Центрально-Азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (Улан-Удэ, озеро Байкал, июнь 1996 г.), на котором присутствовали не только ученые и исследователи шаманизма из различных стран мира, но и все известные шаманы из Бурятии и Тывы; многочисленную монгольскую делегацию возглавлял Главный шаман Монголии Цэрэн-Зарэн Бо;

– участие в спиритических сеансах и практическое освоение «автоматического письма»;

– знакомство с некоторыми группами современных нетрадиционных культов в России и за рубежом;

– практическое освоение принципов мистических практик: йоги, цигуна, эвритмии в антропософских традициях Р. Штейнера, гурджиевских «движений», дыхательных практик (пранаяма), динамической йоги Раджниша, крийя-йоги на опыте ашрамов Шри Ауробиндо Гхоша и других;

– посещение некоторых «мест силы», связанных с задокументированными мистическими опытами и практиками выдающихся мистиков прошлого (например, финского озера Сайма, связанного с поздним мистическим творчеством Вл. С. Соловьева; храма Тируваннамалаи и горы Аруначала в индийском штате Тамилнад, связанных с деятельностью выдающегося мистика XX в. Рамана Махарши; Иволгинского дацана в районе озера Байкал, центра буддистов Забайкалья; сегодня – это место нахождения нетленного тела выдающегося бурятского религиозного деятеля и буддийского подвижника Пандито Хамбо-лама XII Даши-Доржо Итигэлова (1852—1927) и др.).

5. Постоянное участие в конференциях, семинарах и симпозиумах, связанных с изучением мистических феноменов (например, конференция «Между мирами: магия, чудеса и мистицизм» («Between the Worlds: Magic, Miracles, and Mysticism»), Болгарская Академия наук, 2020; регулярные международные научные конференции Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма, СПб.) и др.

Б. Человек мистический в свете современной антропологии

Мистика – искусство союза с реальностью.

Мистик – человек, который достиг этого союза в большей или меньшей степени; или – кто стремится и верит в такое достижение

Э. Андерхилл. Практическая мистика

В современной антропологии человек рассматривается как биологическое, социальное, культурное и т. д. существо. В своих предыдущих работах мы предлагали сосредоточиться на нескольких важнейших аспектах исследования: человек как существо космическое, психологическое (и конкретно – эмоционально-чувствующее), философствующее, творческое и энергетическое.³

В данной работе необходимо подчеркнуть, что человек – это *мистическое* существо.

Непосредственным поводом для оправдания мистического человека послужило развернувшееся в среде современных психологов и психиатров противостояние по вопросу мистического опыта. С одной стороны, широко популяризируется новое научное направление – так называемая «нейротеология», которая стремится полностью нивелировать духовные проблемы, как таковые, сводя их на уровень нейромеханики и физиологии. Так, один из родоначальников данного направления Мэтью Альпер считает духовность (включая мистику), религиозность и нравственность – *психофизиологическими рефлексамии человеческого мозга*, а мистический опыт, вслед за некоторыми психиатрами, – следствием височной эпилепсии. Утверждая нейротеологию как современную и научно-обоснованную форму *атеизма*, Альпер пытается доказать, что любой духовный и религиозный опыт есть результат нейрофизиологического механизма, направленного на выживание отдельного организма в экстремальных условиях (закрепленный в геномном механизме, он обеспечивает выживание человеческого вида).⁴

Другие же психологи и психиатры мистический опыт рассматривают не просто как нормальное явление психики, но как духовное событие, необходимое каждому человеку, кто целенаправленно совершенствует свое физическое и психическое здоровье. Например, известный психолог Эндрю Ньюберг вместе со своими коллегами считает, что мистический опыт «вшит в наш мозг», и задача любого активного человека – научиться использовать все преимущества этого необычного, но плохо изученного состояния сознания. (Подробно о мистике в аспекте психологии и психиатрии см. далее в главе 3.)

С нашей точки зрения, проблема состоит не в том, чтобы рассматривать духовные и религиозные феномены с позиции нейрофизиологии, что, в определенном плане, правомерно и интересно. Проблема в том, что сводя рассмотрение духовности и религиозности исключительно на нейрофизиологический уровень, М. Альпер и подобные ему **ученые сводят понимание человека однозначно на биологический уровень**. Ученый подчеркивает: мы животные, хоть и необычные. Более того, мы – биороботы, в которых все реакции обусловлены нейрофизиологией. И даже те особенности людей, которые связаны с их социокультур-

³ Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017; Кравченко В. В. Философия полета в идейном наследии русских космистов // Информация и космос. СПб., 2018. №2. С. 174—179.

⁴ Самое поразительное, что М. Альпер различает духовное и религиозное! – См.: Альпер М. Бог и мозг: Научное объяснение Бога, религиозности и духовности. М.: Эксмо, 2014. С.307. И хотя и то, и другое ученый сводит на уровень инстинкта (нейрофизиологического механизма по снижению стресса и высокой тревожности), сам факт того, что он вообще осознал *сущность духовности*, свидетельствует в пользу того, что он, по его же определению, относится, как минимум, к той части среднестатистических людей, у которых достаточно развиты духовные и религиозные способности. Или, по крайней мере, он эти способности признает, как таковые.

ным воспитанием, деятельностью и взаимодействиями в обществе, Альпер пытается низвести исключительно к **инстинктам и рефлексам!**⁵

Вопрос о том, КАК возник человек со своими инстинктами и рефлексам, для М. Альпера остается за скобками. Он поясняет: природа так устроила! Но природа создала всех животных, так почему человек категорически отличается от других? Можно согласиться с тем, что Природа создала все живые организмы, в том числе, людей; она наградила их генами, инстинктами и рефлексам; и она же способствовала именно у людей развитию этих рефлексов, чтобы они компенсировали некоторые механизмы, которые мешают людям выживать... Но что нужно понимать под «природой»? Можно ли сказать, что природа выше человека и безраздельно управляет им? Или человек – часть природы, но в какой-то момент он сам может ею управлять? И даже если согласиться, что человеком управляет материальная природа, то опровергнуть существование духовной реальности невозможно.

Представляется, что «нейротеология» – бесперспективное направление, ограничивающее и примитивизирующее человека, подводящее его к деградации и духовной смерти.

Наше представление о мистике основано на следующих положениях, категорически противостоящих «нейротеологии»:

1) духовная реальность существует наряду с тем, что мы можем назвать Природой⁶; духовная реальность изначальна и не ограничена пространственно – временными рамками, а Природа – материальная часть мироздания, в пределе – Вселенная, а в непосредственном человеческом восприятии – материально-вещественная среда обитания как обозримая часть Вселенной, «космос» и «колыбель» человечества;

2) человек в сущности своей двойственен, и его духовные способности, как и природные данные, категорически отличают его от всех земных живых существ. Если среди животных лев – царь зверей, благодаря своей физической силе, то человек – царь природы, поскольку он одновременно и природен, и над-природен (иноприроден);

3) человек постоянно взаимодействует и с Природой, и с Иным, поскольку существует в особой среде обитания – Культуре (в культурном поле), а именно – в выделенной, осмысленной и трансформированной части Природы, в которой существует человеческий Социум; Культура обладает собственными законами функционирования и развития.

Мистика – это неотъемлемая часть миропонимания развитого человеческого существа, сформированная в Культуре благодаря его уникальным интеллектуальным и эмоциональным способностям. Это признание неустранимой грани между известным и непознанным (непознаваемым в принципе!), между освоенным и таинственным, контролируемым и неподдающимся контролю, прогнозируемым и непредсказуемым...

Мистика – это трансцендентная функция человеческого бытования, осциллирующая линия взаимодействия между Здесь и Иным; это вечная лента Мебиуса в соприкосновении здешнего и Иного, в которой неощутимы переходы из «внешнего» во «внутреннее» и наоборот...

Мистика – это признанная трансцендентность, это «Великое Неизвестное», всегда нависающее над человечеством, всегда окружающее все узнанное человечеством, им используемое, но полностью не контролируемое...

⁵ М. Альпер утверждает: «Отличающийся от религиозного, духовный импульс порождает измененное состояние сознания..., вызывающее ощущение благоговейного трепета, умиротворенности, экстаза. Поскольку мы „запрограммированы“ приписывать духовный статус всему, в том числе и нашим впечатлениям, нам свойственно истолковывать эти измененные состояния как свидетельство некоей божественной или трансцендентной реальности». – Альпер, Бог и мозг, с.163.

⁶ См.: Кравченко В. В. Космические основы понимания «Природы» в ее взаимоотношениях с «Культурой» // Информация и космос. СПб., 2017. №2. С.180- 188.

Так, в физике символом соприкосновения Природы и Иного можно признать нейтрино, частицу, существующую и неуловимую; она – новая грань между постигнутым и непостижимым. Это еще один шаг к осознанию Тайны, которая не только вовне и вокруг, но – и внутри нас, летящая сквозь нас, пронизывающая всё и вся; Тайна *непостижимая, но реальная*...

Истинно человеческая жизнь – это сосуществование с Тайной; фантазии о Ней (миф), признание Ее и осмысливание возможности выживания в Ее постоянном присутствии (философия), преклонение перед Ней (религия), раскрытие Ее некоторых сторон (наука), использование Ее доступных свойств (техника). Но самое дерзновенное приближение к Тайне – это стремление перейти границу и слиться с ней – Мистика...

По гипотезе М. Альпера, мистика коренится в некоем **инстинкте**, связанном с предполагаемым им «**геном духовности**». Но ученый странным образом не замечает, что вне культуры духовность и мистика не проявляются, как не формируется речь вне общества, хотя все предрасположенности в организме человека есть. *Культура в целом генетически не передается*, чему есть множество подтверждений.

В моей монографии «Симфония человеческой культуры» обосновывается концепция особого «культурного поля», в котором только и может формироваться, развиваться и сохраняться человек, как человек. А целый параграф посвящен рассмотрению научных исследований так называемых «детей-маугли» (или «феральных» детей), которые в силу обстоятельств росли в природе, вне человеческого общества и людьми не стали, и в принципе стать не могли!⁷

Мистика связана **не с механикой** нейробиологии, а с **социокультурной деятельностью развитого человека**, использующего «генную и физиологическую механику» для определенных духовных целей, на механическом уровне не постижимых. Мистика укоренена в Культуре, которая не только генетически не передается, но в принципе является надбиологическим феноменом!

Так, медведя можно научить механически передвигаться на велосипеде. Но вне цирка (как культурного учреждения) медведь свое умение использовать вряд ли захочет по своей воле (разве что не сможет отказаться от привычки, выработанной в течение многолетней дрессировки), потому что в природе ему некуда и незачем ездить на велосипеде! Это что касается механики езды. А смысл циркового представления и его культурная цель медведю и вовсе не нужны и для него непостижимы.

В обществе некоторые люди (но далеко не все представители человеческого рода!), осваивая возможности мозга, техники выхода в духовную реальность, научаются существовать в ней, использовать свои *механические* способности для *духовных, социокультурных целей*: Самопознания, Творчества, получения новых знаний и способностей (в том числе, в измененных состояниях сознания).

Логика духовности категорически отличается от материалистически-механической логики атеиста. Так, М. Альпер утверждает: «...мы навечно привязаны к нашей относительной, человеческой точке зрения, обусловленной тем, как наш мозг обрабатывает информацию. Следовательно, чтобы понять природу человеческой реальности, прежде всего надо понять лежащую в ее основе природу работы нашего мозга».⁸

Мы же, признавая не только материальную, но и духовную реальность, полагаем, что научное изучение мозга вне культурных смыслов, ценностей и целей не просто неэффективно, но разрушительно для самого мозга и опасно для человека и человечества. Уже существующие научные данные свидетельствуют о том, что тайны мозга можно соотнести с тайнами атома и атомной энергии, и одновременно – с тайнами бесконечной Вселенной...

⁷ О понятии «культурное поле» см. подробно: Кравченко, Симфония, с.190—293.

⁸ Альпер, Бог и мозг, с.372.

Мозг, как особое достояние человека, вне всяких сомнений, чрезвычайно важен и для максимально эффективного существования, и главное – для постоянного развития человека. **Мозг** как таковой **является воплощением «пограничья» между здешним и Иным**, потому так велик соблазн рассматривать его или только как материальный и природный механизм, вырабатывающий инстинкты и рефлексy; или как вместилище духовных феноменов (когда мистический опыт «вшит» в него); или как «врата» в Непостижимое; или как само Непостижимое, не просто «квантовый компьютер», а нечто, привнесенное в материальный мир из Иного...

Уникальность человека проявляется не столько в его мозге, сколько в разнообразной деятельности, в его творческих способностях. Когда сегодня говорят о человеке, как уникальном существе, наделенном разумом, резонно уточнить, что, с точки зрения современной науки, **человек** – это существо, наделенное **мозгом**, с которым соотносится **сознание**, существуют «автоматизмы» (инстинкты и рефлексy), развивается рациональный разум и эмоциональный интеллект (часто называемый «интуицией»), а также в нем имеются различные «режимы» функционирования (так называемые обычные и измененные состояния), которые предоставляют человеку различные «картины мира».

Никто не может определить и тем более доказать, какая из этих «картин мира» – истинная: физическая, математическая, техническая, астрономическая, химическая, биологическая, психологическая, нейрофизиологическая, генная, философская, эстетическая, религиозная, мифологическая... Наконец, мистическая.

Поскольку мистика- Тайна пронизывает все существование человека, она, как никакая другая «картина мира», в наибольшей степени соответствует представлению о целостности человека, как живого существа; мира, как всеединой открытой динамической системы; органичной встроенности человека и человечества в мироздание, в каком бы аспекте его ни рассматривать.

В отношении мистики применим, скорее всего, *апофатический метод*, известный еще со времен древнейших индийских упанишад, когда Абсолют (Брахман) и Абсолют, осознающий свое собственное существование (Атман), трактовались как «не это и не то» (не-и-не-и).⁹ В православно-философской традиции апофатическое богословие (негативная теология) было одной из важнейших форм познания Бога (Псеудо-Дионисий¹⁰, Григорий Нисский).

Согласно апофатическому методу мы и будем проводить историко-культурологическое исследование, начиная с духовных проблем возникновения человека и культурного поля, и затем подчеркивая, что мистика – это не миф, не магия, не религия, не философия, не наука, не художественное творчество, хотя со всеми этими видами духовной деятельности мистика неразрывно связана. Можно сказать, что мистика формируется в противовес каждому из этих духовных феноменов, лишь на определенном этапе социокультурного развития оформившись в отдельное духовное направление относительно всех других.

Сущность мистики связана не только с мозгом, но с целостным человеческим организмом, поскольку природное/ материальное человеческое тело – лишь часть того феномена, который именуется «человеческим существом». Не только мозг, но и весь человеческий организм находится на пограничье здешнего и Иного. По аналогии с известным рисунком Леонардо да

⁹ В древнеиндийском трактате «Брихадараньяка-упанишад»: «Он, этот Атман, [определяется так:] «Не [это], не [это]». Он непостижим, ибо не постигается, не разрушим, ибо не разрушается, неприкрепляем, ибо не прикрепляется, не связан, не колеблется, не терпит зла...». – Упанишадy. В 3 кн. /Пер., предисл. и комм. А.Я.Сыркина. М.: Наука; Ладомир, 1992. Кн.1. С.127.

¹⁰ В «Мистическом богословии» Св. Дионисия Ареопагита читаем: «...при славословии Сверхъестественного отрицательные суждения предпочтительнее положительных, поскольку /.../ отрицая мы восходим от самых низших (свойств Его – В.К.) к познанию изначальных; таким образом, мы отказываемся от всего сущего ради полного ведения того неведения, которое сокрыто во всем сущем от всех, кто хотел бы познать его, и ради того сверхъестественного Мрака, который сокрыт во всем сущем от тех, кто хотел узреть его». – Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие // Мистическое богословие. Сборник. Киев: «Путь к истине», 1991. С.7.

Винчи (так называемым «витрувианским человеком»), можно представить не две, а множество совмещенных проекций человека в различных измерениях, и каждая по отдельности будет недостаточной для его истинного определения...

В. Мистика как явление и представление

С большой благодарностью мы отмечаем труды целого ряда авторов, проведших огромную обобщающую работу, что позволяет, лишь ссылаясь на соответствующие исследования, не останавливаться на истории разработок конкретных проблем.

Необходимо упомянуть классическую работу Эвелин Андерхилл «Мистицизм» (первое издание 1911 г.)¹¹. Она впервые рассматривала мистицизм как результат общечеловеческого универсального опыта взаимодействия человеческих существ с Абсолютом, вне зависимости от различий конфессий и религиозных традиций. Причем именно опыта практического (или, если угодно, праксеологического), а не абстрактно-теоретического или религиозно-схоластического. Андерхилл, будучи католичкой, тем не менее, мистицизм рассматривала как нерелигиозное явление. А полемизируя со знаменитым трудом У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта», видела необходимость выведения исследований мистицизма не только за рамки известных религий, но – и исключительных претензий психологии на рассмотрение мистических явлений. Нам близок ее интерес к работе Р. Бекка «Космическое сознание», которая дала ей ведущие идеи для современной интерпретации мистицизма. Именно Э. Андерхилл влияла на воззрения нескольких поколений первой половины XX в. целым рядом своих содержательных и оригинальных работ по важнейшим проблемам мистицизма, формулируя их смело и актуально. В чем значение тех личностей, которые, в отличие от большинства, обретают мистический опыт? Какую роль играют мистические опыты и их результаты в жизни общества? Как соотносятся между собой религиозный и мистический опыты? Как теология и учения различных церквей воспринимают мистические опыты?.. Таким образом, именно английской исследовательнице и ее авторитету, главным образом, мы обязаны тем, что теория, история и различные практики мистицизма стали предметом не только устойчивого общественного интереса, но – и постепенного формирования научных подходов и школ, как на Западе, так и в России.

Не умаляя значения известной работы У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» для формирования интереса к необычным религиозным и мистическим опытам, в том числе, в самых широких слоях читающей публики во всем мире, все-таки подчеркнем профессиональное стремление Джеймса изучать мистику преимущественно в рамках психологической науки. Сегодня в Европе и США проблемами мистицизма занимаются многие школы в рамках культур- и социо-антропологии, психологии, психолингвистики, психофизиологии и т. д. Наиболее интересные и перспективные, с нашей точки зрения, наработки психологов и нейрофизиологов в области исследования мистики с помощью современного оборудования мы рассмотрим в соответствующей главе.

С конца 1990 гг. академическое признание получили независимые исследования западного «эзотерицизма», занятые рассмотрением «тайного» и «запретного» знания, преимущественно оккультного, но и мистического, долгое время находившихся вне поля научных исследований и преследуемых официальными религиями.¹² Некоторые результаты западных ученых-эзотерицистов мы, конечно, будем отмечать в нашем исследовании.

Однако необходимо обратить внимание на неочтенные до сих пор на Западе достижения русских философов и, если можно так сказать, психо-философов, работавших за пределами России. Именно они определили совершенно уникальные подходы к изучению и интерпретации мистики и мистицизма, поскольку изначально стояли на особых основах их исследования – религиозно-философских, философско-практических и психолого-философских.

¹¹ Underhill E. *Mysticism: A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness*. 1911.

¹² *Dictionary of Gnosis and Western Esotericism*/ Ed. By W.J.Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006.

О существенных различиях эзотерики и мистики, эзотерицизма и мистицизма в их европейском и русском представлении уже изданы специальные статьи.¹³

Всегда с восхищением и почтением обращаюсь к работам выдающегося ученого -синалога и оригинального философа **Е. А. Торчинова** (1956—2003), с которым мне повезло общаться в связи с защитами моих диссертаций (Евгений Алексеевич был у меня вторым оппонентом на защите кандидатской и первым оппонентом на защите первой докторской диссертаций.) Ему, занимавшемуся исследованиями психотехник в восточных философских системах, чрезвычайно импонировал мой деятельный подход к мистике. Кроме того, ученый горячо поддержал развиваемую мной тему *русского мистицизма* (которая сейчас мной трактуется в рамках целостной этно- культурной парадигмы), в то время как целый ряд философов 1990-х годов, когда я училась в докторантуре, скептически относились к подчеркиванию национальных особенностей в проявлениях и описаниях мистического опыта в русской культуре, не только потому что вовсе отрицали философский подход к мистицизму, но и поскольку не признавали национальной специфики мистицизма. С Евгением Алексеевичем мы обменивались своими книгами и увлеченно их обсуждали. Его поразительная и вдохновляющая человеческая и научная щедрость в личном общении, потрясающие лекции, беспримерная эрудиция, несомненно, помогли мне утвердиться в выбранном направлении исследования.

Несмотря на естественные разногласия (скажем, я не во всем принимаю трансперсональную трактовку мистики и соответственные подходы к определению мистического опыта), кардинальные принципы моих исследований были сформированы под безусловным влиянием Е. А. Торчинова. Это – исследования мистики и мистицизма в разнообразных аспектах кросс-культурного взаимодействия, с преобладающим интересом к древневосточным истокам мистических традиций; особое внимание к мистическим практикам, выявляющим не только общие духовно-практические, «делательные» методы, но и специфические – личностные и национальные аспекты мистической активности конкретного мистика; подчеркивание уникальных этно- культурных особенностей трактовки результатов мистического познания и многое другое.

Необходимо подчеркнуть, что предлагаемое исследование является творческой интерпретацией и, в известном смысле, логическим развитием учения **Л.Н.Гумилева**. Будучи космологом, автор концепций «этногенеза» и «пассионарности» не успел или не смог довести до конца теоретическое построение своих гениальных прозрений, учитывая личные обстоятельства (четыре ареста, два из которых привели к двум лагерным срокам) и жесткие рамки советской науки.

В нашей работе подчеркивается и развивается культурологический и гуманитарный аспекты концепции этногенеза, в то время как Лев Николаевич, опираясь на свою широчайшую эрудицию историка, явно тяготел к естественнонаучному рассмотрению этого процесса. Однако заложенный им в основу его учения принцип междисциплинарности позволяет и даже предполагает обоснование выдвинутых им идей в философском, культурологическом, религиозноведческом и прочих собственно гуманитарных аспектах.

В настоящем исследовании подчеркнуты философско-культурологическая и философско-религиоведческая составляющие этнической теории, которые во времена научной активности Гумилева и не могли быть развиты – в условиях засилья марксистско-ленинской философии и воинствующего атеизма. Понятно, что данная книга не претендует на то, чтобы реконструировать возможные подходы Гумилева к этим проблемам, если бы он мог высказать свое личное мнение на этот счет. Достаточно того, что в некоторых рассуждениях он прямо

¹³ Кравченко В. В. Мистицизм в русской философии // Русская философия. Энциклопедия. Изд.2. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С.382—383; Кравченко В. В. Русский мистицизм как образ «Другого» для западного эзотерицизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия «ФИЛОСОФИЯ». 2020. №3 (53). С. 174—187; Кравченко В. В. Русские мистики на Западе: столкновение менталитетов // Вестник МГОУ, серия «Философские науки». 2021. №4. С. 97—106.

касается интересующих нас вопросов, и даже есть специальные работы, посвященные истории религии, например, бон.¹⁴

Даже в историческом плане мы вынуждены распространить учение Гумилева на, так сказать, доисторический период, который, по существу, стыкуется только с гумилевскими гипотезами о судьбах кочевых народов. Но мы берем за основу системный принцип рассмотрения этногенеза, закономерности его фазового развития, определяемые взрывом и затем постепенной энтропией пассионарности. Мы развиваем гумилевское понятие об «этническом поле», вводя свое понятие «культурного поля»; усиливаем заданную Гумилевым био-психологическую составляющую путем детального рассмотрения значения эмоций, переживаний и чувств; уточняем проблему источников энергий культурного развития, с привлечением современных психологических, космологических и философских теорий. Используя материалы современных полевых этнографических исследований, мы, безусловно, опираемся не столько на исторический, сколько на философско-культурологический ресурс, что позволяет рассматривать гумилевские концепции только в качестве отправных моментов.

Представляется необходимым и даже закономерным развитие этно-социальных аспектов гумилевской теории этногенеза, далеких от марксистских схем, а с привлечением результатов развития современной социальной и культурной антропологии.

Из недавних научных работ о мистике/ мистицизме остановимся лишь на некоторых. Об исследовании сущности и понятия «мистического опыта» в западной литературе написала объемную монографию Т. Малевич.¹⁵ Для того, чтобы подробно разбирать ее собственные взгляды на «мистический опыт» и характеризовать даваемые ею оценки целого ряда исследователей, нужно написать отдельную книгу, которая все равно не исчерпает затронутого необъятного предмета исследования. Потому в соответствующем моменте своего текста я ограничусь ссылкой на те определения «мистики» и «мистического опыта», которые сформулированы в указанной работе Т. Малевич и выскажу свое мнение по их поводу, а главное – подчеркну бесперспективность, с моей точки зрения, попыток выявить более-менее «общепризнанные» дефиниции, имеющие отношение к области мистики и мистического. Особенно, если четко не определена собственная позиция исследователя – философская, религиозная, прагматическая...

Безусловно, важную роль играют исследования мистицизма как особого феномена на различных ступенях культурно-исторического развития человечества, в частности, рассмотрение «всплеска» мистицизма в эпохи культурных кризисов. Сборники, объединяющие работы видных ученых, философов, религиоведов, начинавших свои исследования еще в советское время, не теряют своей оригинальности.¹⁶ По крайней мере, они отражают марксистскую философскую и социокультурную позицию, которая приводит к конкретным историко-философским и социокультурным выводам по поводу функционирования мистицизма как множества религиозно-мистических направлений. К сожалению, в данном аспекте нет возможности рассмотрения самого феномена «мистики» (как и «мистического опыта»), поскольку он изначально предполагается на уровне «...стойких мистических настроений, концептуальных идей и социально-утопических проектов...»¹⁷, а также особого рода «знаний» в области обыденного человеческого сознания и поведения, которые и оформляются в бесконечное разнообразие направлений «мистицизма».

¹⁴ Гумилев Л.Н., Кузнецов Б. И. Бон (Древняя тибетская религия) // Доклады ВГО (Всесоюзного географического общества). Вып. 15. Этнография. Ленинград, 1970.

¹⁵ Малевич Т. Теории мистического опыта. Историография и перспективы. М.: ИФ РАН, 2014.

¹⁶ См.: Мистицизм: теория и история / Отв. ред.: Е.Г.Балагушкин, А.Р.Фокин. М.: ИФРАН, 2008.

¹⁷ Мистицизм: теория и история, с.5.

Г. О рассмотрении мистики в аспекте этно-энергетической концепции культуры (ЭЭК)

В данной монографии предлагается новая концепция мистики в аспекте ЭЭК и поставлена задача переосмыслить и интерпретировать огромный объем самого разнообразного материала – исторического, культурологического, религиоведческого, философского и т. п. в аспекте предложенной концепции. Потому автор оставляет за собой право не отвлекаться на актуальную полемику в историко-философском, историко-религиозном, культурологическом и прочих не менее интересных аспектах.

Этно- энергетическая концепция культуры (культурного поля) разработана и обоснована в моей монографии «Симфония человеческой культуры». И хотя концепция является очерченной в самом общем плане, тем не менее, она позволяет, с моей точки зрения, вполне убедительно и предметно рассматривать феномен мистики/мистицизма в новых терминах и на новой идейной основе. Непривычные термины (культурные энергии, культурное поле, эгрегор, энерготипы) в новой концепции тесно связаны с уже известными (хоть и дискуссионными до сих пор) терминами – этнос, этногенез, пассионарность, гениальность и пр., принадлежащими выдающимся русским ученым- космистам. На базе этих, уже проработанных в «Симфонии» терминов, в предлагаемой монографии разрабатываются новые и применяются редкие специальные термины (рекомендую внимательно ознакомиться с предлагаемыми в книге Словарями терминов и имен).

Этно- энергетическая концепция культуры (культурного поля) (ЭЭК), обоснована и создана на пересечении философии, мировой истории, этнологии, антропологии, психологии личности, философии и истории религий, базовых естественнонаучных представлений об энергиях...

Не обсуждая безграничное количество разнообразных идей, теорий и концепций в обозначенных областях знания, укажем на некоторые ключевые положения, которые используются в данной книге априори.

1. В рассмотрении мировой истории мы придерживаемся взгляда на основные этапы: *«первобытное общество»* (миллионы лет собирательства, охоты и кочевой жизни примитивных племен); *первые земледельческие цивилизации*, из которых основное внимание мы уделяем средиземноморскому ареалу; *античность*, рассматриваемая на этапах архаики, классики и эллинизма в древнегреческой культуре и в римской культуре; европейское *Средневековье и Возрождение*; *Новое время* (Просвещение); *новейшая история*. Также, вслед за К. Ясперсом, нами выделяется так называемое *«осевое время»*. Обозревая гигантскую историческую панораму становления и развития человечества, необходимо учитывать различия в подходах к исследованию макро- и микроисторических уровней. Мы будем опираться на разработанную нами ранее иерархию уровней культуры (в общем плане: мега-уровень – вселенско-космический; макро – уровень – общечеловеческий; и микро -уровень – этнический и индивидуальный).

Макро – уровень культуры связан с рассмотрением культурного поля всецелого человечества, и здесь явственно выделяются глобальные этапы, в зависимости от уровня духовного развития людей:

- 1) примитивный (до- цивилизованный),
- 2) первые цивилизации (примерно с XX в. до н.э. до II тыс. до н.э.),
- 3) «осевое время», по К. Ясперсу,

4) конкретно рассматриваемый нами средиземноморский ареал (в современной терминологии, афроевразийская мир-система¹⁸, корни которой восходят к X- VIII вв. до н.э.).

2. Этнологию мы безоговорочно трактуем по Л.Н.Гумилеву, однако считаем возможным развивать и по-особому трактовать некие базовые положения этногенеза. Терминология ЭЭКК базируется на фундаментальных понятиях Л. Гумилева (этнос, фазы этногенеза, пассионарность и т.п.)

В исследовании предыстории мистики нас будет интересовать история человечества и ДО появления известных цивилизаций, и ПОСЛЕ их формирования. Тем более, что за последние 100 лет был собран огромный объем материалов о древних и сохранившихся племенах усилиями этнологов, этнографов, историков, антропологов, археологов, лингвистов и огромного числа энтузиастов, обладающих знаниями в самых разных областях.

Поэтому мы обратимся к исследованию зарождения и развития древнейших и реликтовых этносов в аспекте складывания основы глобального культурного поля современного человечества, на базе современных этнографических исследований.

Ориентируясь на современные представления ученых о том, что, скорее всего, современное человечество зародилось на Африканском континенте, мы специально выделим сведения об африканских древних (доисторических) и современных реликтовых племенах, хотя будем привлекать необходимые сведения и из других регионов Земли (Меланезии, Австралии, Сибири, Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америк и т.д.).

Поскольку исследованием жизни и культуры реликтовых племен во всех частях мира всегда занимались путешественники и этнографы, обладавшие самыми различными системами мировоззрения, то полученные сведения истолковывались с самых разных точек зрения. Большинство исследователей обращали внимание, в первую очередь, на материальную жизнь племен, считая их мифические, магические, пререлигиозные и пререлигиозные представления вторичными и прямо отражавшими обыденную жизнь. В особенности, материальной стороне жизни главное внимание уделяли атеисты различных мастей (позитивисты, марксисты, технократы и т.п.), но, что странно, также и миссионеры разных религий (христианства, ислама, буддизма и т.п.). Для многих европейских исследователей некоторые стороны жизни племен с древней родословной неизбежно остаются внедуховными феноменами и принципиально неразгаданными загадками.

Наша задача – обратить внимание на *духовную* сторону жизни древних людей, которая начиналась, в первую очередь, с развития эмоционального восприятия окружающего мира и понимания своих одноплеменников и себя; формирования основ эмоционального интеллекта, который в значительной степени определял становление разума, того, что мы сегодня называем рациональным мышлением. Но главное сегодня для исследователя – осознавать уникальный контекст тех или иных духовных практик древних и современных племен, неразличимость мифического, магического и обыденного, а также зарождающегося мистического в них.

3. К исследованию предполагается привлекать данные преимущественно философской и культурной антропологии, с признанием некоторых положений антропогенеза – африканское происхождение *Homo sapiens*'а, значение неокортекса в формировании мышления, основные положения современной нейробиологии и физиологии о развитии эмоций, переживаний и чувств...

4. Психологическим аспектам мистики, которые также будут трактоваться в рамках ЭЭКК, посвящена отдельная глава.

5. Философию и историю религий мы трактуем с позиций собственного подхода (формирование ранних религий до эпохи античности; существование религий наряду и во взаимо-

¹⁸ Гринин Л. Е. Афроевразийская мир-система и истоки глобализации// Наследие Л. Н.Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. Сб. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2012. С.211—224.

действию с мифологией и трансформирующейся магией; неотъемлемое от религии взаимодействие с философией; формирование науки в тесном взаимодействии с религией, философией, магией и мифологией).

6. Рассмотрение энергий проводится на основе концепций Д.Г.Беннетта и Р. Коллина, с привлечением некоторых положений Л.Н.Гумилева и В.И.Вернадского. (Шкала энергий по Д.Г.Беннету приводится в Приложении).

Этно-энергетическая концепция культуры (культурного поля) (ЭЭК) предоставляет возможность рассмотрения особых проблем синтетического и синкретического характера. Так, ключевое понятие «культурное поле» (как особое энергетическое поле взаимодействия людей) рассматривается также в плоскости противостояния Культуры Природе, как *культурный ареал*, т.е. определенная материальная среда выделенных из природы и искусственно созданных предметов, в которой осуществляется деятельность субъектов культуры.¹⁹

Понятие «культурный ареал» позволяет выявить, например, особенности Города, как основы цивилизации, поскольку Город создается в качестве особой ограниченной территории Культуры в природном ландшафте; в нем подчеркнута противопоставление искусственной среды обитания человека – Природе, как естественной среде обитания животных.

Город, рассматриваемый как особая городская среда, особый космос (упорядоченность) и центр определенного исторического этапа конкретной этнической культуры, оказывается наиболее оптимальной формой существования культурного ареала, представляя собой максимально комфортные и устойчивые структуры организации, управления и функционирования человеческих сообществ, реально поддерживающих и развивающих свою культуру. (Так, например, Флоренция будет рассматриваться нами как культурное поле и специфический ареал уникальной консорции в эпоху итальянского Возрождения, в этногенезе которой становится возможной конкретная деятельность гениальных мистиков).

Предлагается развитие гипотезы о трансформации историко-культурных форм этногенеза в городском культурном поле, формировании «квази-этносов», наряду с преобразованием традиционных этносов, развитием субкультур и различного рода социокультурных сообществ на основе религиозных, политических, эстетических и нравственных идеалов и представлений.²⁰

В нынешней книге рассматриваются основные понятия, связанные с мистикой, мистическим опытом, деятельностью мистиков-людей. Так, например, в культурном ареале античности выделяются особые «топосы» (традиционно именуемые «оракулами»), как специфические психо-географические «объекты», в мифологическом, религиозном, мистическом представлениях определявшие характер того, что мы назовем мистической «трансгрессией».

В книге представлены виды мистики, дифференцируемые по уровню используемых энергий и в соответствии с социокультурной ролью и формами духовной деятельности мистиков-людей, существующих в этносах, находящихся в определенных фазах своего развития.

Представляется, что закономерная научная критика и начало дискуссий возможны только с учетом обозначенных выше положений.

Постановка проблемы мистики и мистицизма, как непосредственного взаимодействия мира здешнего и Иного, на первый взгляд, как будто противоречит самой идее *этнического* рассмотрения мистики. В действительности, этнокультурный аспект мистики / мистицизма позволяет увидеть реальную картину уникального мистического взаимодействия, всегда преломляющегося в парадигме той или иной культурной ситуации, того или иного культурного

¹⁹ Кравченко, Симфония, 2017, с.19

²⁰ Гипотеза была выдвинута в работах: Кравченко В. В. Трансформация диалогизма культурного поля в условиях пандемии (в аспекте этно-энергетической концепции) // Вестник МГОУ, серия «Философские науки». 2021. №1. С.53—64; Kravchenko V. The City As The Optimal Organizational Form Of The Cultural Field // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk, Russia, 2021. С. 2523—2529.

поля, хронотопа, имеющего, надо подчеркнуть, многомерный характер. В своих пространственно-временных, фазово-переходных и духовно-разнообразных измерениях мистика получает свойства некоего «магического кристалла», разнообразно и одновременно – целостно отражающего особенности «реального» взаимодействия двух кардинальных бытийных пластов. Как мы будем неоднократно подчеркивать, взаимодействия здешнего и Иного происходят часто и многообразно.

Этнокультурный фактор мистицизма, с одной стороны, специфицирует деятельность конкретных мистиков, рожденных в определенных странах, в конкретных исторических эпохах, воспитанных в специфических менталитетах и эгрегорах... Потому каждый мистик – уникал, квинтэссенция своего культурного поля, точнее, его хронотопа... Следовательно, Плотин и его мистические воззрения неотъемлемы от культуры Александрии III в., как Леонардо да Винчи и Савонарола – от Ренессансной Флоренции...

С другой стороны, результаты мистической деятельности отдельных мистиков порождают социокультурный отклик и формируют «перекликающиеся» разнообразные направления мистицизма. Как известно, Э. Андерхилл представила краткий очерк истории западноевропейского мистицизма от начала христианской эпохи до кончины Уильяма Блейка. В нашей концепции нет необходимости ограничивать рассмотрение мистики какими бы то ни было историческими рамками. Другое дело, что мысль английской исследовательницы о том, что «... периоды расцвета мистической деятельности примерно соответствуют особенно значительным всплескам художественного, материального и интеллектуального развития цивилизации»²¹, нами нисколько не оспаривается, но обосновывается с точки зрения фазовых переходов этногенеза, по Л. Гумилеву.

Важное замечание. Писать о мистике, опираясь только на научно-рациональное мышление, бессмысленно и бесперспективно. Эмоционально-интеллектуальные и художественные источники дают гораздо больше пищи для ума и творческих озарений в освоении Мистики-Тайны. Человек мистический во все времена совмещал в своем мироощущении рациональное и эмоциональное, научно-исследовательское и художественно-творческое, осознанное и бессознательное...

В мировой литературе существует отдельное направление специально мистической литературы – откровений, посланий, надиктованных «оттуда» записей и т. п. Нет никаких сомнений в том, что любое выдающееся художественное произведение написано в непосредственном приближении или прямо на пограничье с Тайной. И все подобные произведения дают нам возможность обобщить актуально осознанное на новых духовных «территориях» мистико-культурной трансгрессии, но также проникнуть (а скорее, только обозначить) те возможности духовного знания, которые были забыты, а теперь вновь доступны, или стали принципиально возможны для новых постижений с точки зрения актуальных проблем культуры и общества.

Итак, в нашем исследовании мы будем сочетать обращение к научно-теоретическим наработкам – с рассмотрением тематически близких произведений художественной литературы и телевидения²², пытаясь реально совмещать рационально-исследовательский и эмоционально-интеллектуальный подходы.

Ведь мистика существует не только как научная гипотеза, но, главным образом, как феномен целостной культуры, которая нами рассматривается как осваиваемый природный и одновременно – выстраиваемый человечеством виртуальный бесконечный Космос...

²¹ Андерхилл, Мистицизм, с.212.

²² Обратим внимание: в конце Списка литературы предложен отдельный Список художественных книг, а также телефильмов по рассматриваемой тематике.

Часть первая.

Мистика в истории и теории

Глава 1.

Предыстория современного понимания мистики (в свете этно-энергетической концепции культурного поля (ЭЭК))

1.1. Миф

*Миф не вспоминается и не забывается, миф существует всегда.
Саллюстий*

Понятие мифа

Не имея возможности глубоко погрузиться в безбрежную тему рассмотрения мифа в современных науках (философии, культурологии, филологии, психологии и т.д.), выразим солидарность с той позицией, которую сформулировала известная исследовательница японской культуры Л. М. Ермакова: «...обратимся ли мы к символической теории Кассирера, представляющей мифологическую деятельность как особую символическую форму культуры, или к функционализму Б. Малиновского, рассматривавшего миф как способ поддержания традиционности и культурной непрерывности, или к структуралистской теории Леви-Стросса, подчеркивающей способность мифа к анализу особого рода, – во всех концепциях мы обнаружим одно неперемное свойство, а именно *способность мифа к объединению освоенного и мыслимого мира под углом единого мифологического дискурса*».²³

Попробуем очертить наш подход к мифу, который в значительной степени определен признанием некоторых концепций М. Элиаде, В. Отто, А.Ф.Лосева, Е. М. Мелетинского...

В нашем исследовании мы будем рассматривать **миф** как *процесс формирования этносом предельно целостного представления о действительности или ее отдельных сторонах, позволяющий организовать жизнь этноса в сложных и непредсказуемых природных, социально- исторических и культурных обстоятельствах.*

Миф не является ни выдумкой, ни фикцией, ни фантастическим вымыслом; он должен рассматриваться, как указывал А.Ф.Лосев, «с точки зрения самого мифического сознания», представляя как»...наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность»²⁴. Миф не является «бытием идеальным» и «произведением чистой мысли»; «в основе мифа лежит аффективный корень, так как он всегда есть выражение тех или других жизненных и насущных потребностей и стремлений»²⁵. Миф не является примитивно- научным представлением; он всегда «эмоционален, аффективен, жизнен»²⁶.

²³ Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 149 (курсив мой – В.К.).

²⁴ Лосев А. Ф. Диалектика мифа// Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 24.

²⁵ Лосев, Диалектика мифа. С. 25.

При этом само существование мифа не связано только исключительно с первобытной эпохой, он трансформируется и обретает различные формы на всех исторических этапах существования общества.²⁷

С нашей точки зрения, трагедия современного общества состоит в том, что оно представляет культуру не как динамическое явление, а главным образом как статический результат деятельности предшествующих поколений; как наследие, требующее только сохранности и механической преемственности. А в действительности, культура жива сиюминутной, непосредственной деятельностью, освещенной и стимулируемой непосредственными и яркими эмоциями, переживаниями и чувствами. Неравномерность и неустойчивость культурного поля и связана с тем, что люди разных этносов относятся к разным энерготипам и способны к различным проявлениям многообразных эмоций, переживаний и чувств, в том числе – универсальных чувств, непосредственно формирующих, поддерживающих и сохраняющих общечеловеческое культурное поле.

Миф первичен, в определенном смысле стихичен и далек от рассудочности. Но он не статичен, он развивается наряду с природными и социальными трансформациями, при этом всегда оставаясь в подоснове культуры. Его древние формы, постепенно «олитературиваясь», становятся остовом, «матрицей», базовой решеткой этнической культуры.

Миф в древности воспринимался как подлинная реальность, и отношение к мифу – это совсем *не вера*, в современном понимании этого слова, как сугубо рациональное отношение. Отношение к мифу в рамках *мифического сознания* – это отношение *иррационально-обыденное, эмоциональное принятие* вещей такими, какими они только и могут быть (и никакими иначе; и даже в голову не приходит мысль о том, чтобы придумать что-то еще). Если говорить о «статике» мифа, так она – именно в примитивном его восприятии; для древнего человека миф нерушим, единственен и обыденно-привычен.

Истоки мифа

Во всем мне хочется дойти
До самой сути. (...)
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Б. Пастернак

Откуда же берется миф? Почему вдруг примитивные люди так внезапно «поумнели», что стали создавать истории о происхождении не только своего племени, но и окружающего мира?

Мы с интересом рассматриваем позицию многих исследователей культуры, мифологов, религиоведов, которые полагают, что в начале человеческой истории, вполне возможно, состоялся Контакт, явление неких высокоразвитых существ (в данном случае, неважно – из космоса, из будущего, из параллельных реальностей или из сохранившихся на нашей планете центров древнейших земных цивилизаций и т.п.), которые пробудили в примитивных людях священный ужас, дикий страх, жгучее любопытство и безусловную покорность. Эти «пришельцы» стали Учителями, наставниками, помощниками, можно сказать, великими Режиссерами будущих цивилизаций.

Логика наших рассуждений проста и очевидна. Сегодня ученые доказали на исследованиях феральных детей (или детей- «маугли»), что ребенок не становится человеком, если

²⁶ Лосев, Диалектика мифа С. 28.

²⁷ Подробнее см.: Кравченко В. В. Мифо-логика А.Ф.Лосева в свете этно- энергетической концепции культурного поля // Сб. М.:МАКС- пресс, 2019.С.422- 428.

он воспитывается вне человеческой культуры.²⁸ Более того, если он до 3—5 лет не попадет в культурное поле, он *никогда не сможет стать человеком!* Он будет существом, воспринявшим биологическую программу тех животных, которые его воспитали (волки, обезьяны, козы, кошки и т.п.). С другой стороны, если обычный взрослый человек «выпадает» из культурного поля на срок примерно до 5 лет, он рискует перестать быть человеком (реальный случай матроса Александра Селькирка, ставшего прообразом Робинзона Крузо).

Таким образом, резкая трансформация культурного поля – под влиянием мощных энергетических воздействий представителей более развитой культуры – неизбежно приведет к формированию новых путей развития конкретного этноса.

Несомненно, нужно учитывать и непосредственное влияние космоса на человечество. Обратимся к классике – к гипотезе Л.Н.Гумилева о естественных причинах этногенеза, носящих космический характер, согласно которой люди, как часть биомассы и биологические существа, населяющие определенный географический ландшафт, периодически подвергаются мощным энергетическим воздействиям из космоса.

Сегодня подобная мысль не кажется фантастикой, поскольку в научной среде восприняты и успешно развиваются идеи А.Л.Чижевского, доказавшего, что одиннадцатилетние ритмы активности нашей звезды Солнца определяют биологические ритмы животных и растений, а также индивидуальные биоритмы людей и даже – глобальные социальные процессы.²⁹

Приведем одно из важных научных положений, развивающих идеи русского космиста, которое приводится Элеонорой Чирковой в ее статье о современной гелиобиологии: «...длительности периодов биологических и солнечных ритмов совпадают, что позволяет говорить о связанности всех природных ритмов. Ведущими в этом ансамбле являются космические ритмы. От них зависят все остальные природные, в том числе, биологические, ритмы организма... /.../ Идентичность длин периодов биологических ритмов с ритмами изменения солнечной активности и волновыми периодами планет солнечной системы доказывает объективности существования поличастотной резонансной связи между волновыми процессами в Космосе и биологическими процессами на Земле. Вселенная представляет собой систему взаимосвязанных, взаимосогласованных и взаимообусловленных ритмов».³⁰

Л.Н.Гумилев указывал на важное значение космической энергии, приходящей на планету Земля не только из ближнего космоса, но из нашей Галактики Млечный путь, а также из дальних энергетических источников во Вселенной. Ученый прямо называл космическую энергию третьим важным источником этногенеза, наряду с энергией Солнца и энергией распада радиоактивных элементов внутри Земли. Л.Н.Гумилев писал: «...третий вид энергии, который мы получаем небольшими порциями из космоса, – это пучки энергии, приходящие из Солнечной системы, иногда пробивающие ионосферу, достигающие дневной поверхности планеты и ударяющие нашу Землю, как, скажем, ударяют плеткой шарик, обхватывая какую-то часть ее, молниеносно производят свое энергетическое воздействие на биосферу, иногда большое, иногда малое. Приходят они более или менее редко, во всяком случае неритмично, в время от времени, но не учитывать их, оказывается, тоже невозможно».³¹

По предположению Л.Н.Гумилева, такие энергетические «удары» затрагивают относительно небольшие (в планетарных масштабах) географические пространства. Он приводил такие свои наблюдения за проявлением пассионарных «взрывов» или «толчков», связанных с космическими воздействиями: «Выделенные узкие полосы шириной около 300 км, тянущи-

²⁸ См. подробно: Кравченко, Симфония, с 206 и далее (параграф «Особенности культурного поля», а также далее параграф «Социализация, ментальность, инкультурация»).

²⁹ Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976.

³⁰ Чиркова Э. Современная гелиобиология // Сетевое издание «Информационно аналитический портал „VIPERSON“» – viperson.ru.

³¹ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Ленинград: Наука, 1990. С.23.

еся то в меридианном, то в широтном направлении примерно на 0,5 окружности планеты, похожи на геодезические линии. Возникают толчки редко – 2 или 3 за 1000 лет и почти никогда не проходят по одному и тому же месту... Один и тот же толчок может создать несколько очагов повышенной пассионарности (и как следствие – несколько суперэтносов). Так, толчок VI задел Аравию, долину Инда, Южный Тибет, Северный Китай и Среднюю Японию. И во всех этих странах возникли этносы-ровесники, причем каждый из них имел оригинальные стереотипы и культуры».³²

Л.Н.Гумилев, стремясь убедительно доказать свою гипотезу, рассматривал обозримый исторический период, опираясь на известный этнологический материал.

Мы вынуждены только предполагать, что за те десятки (или сотни?) тысяч лет, в течение которых люди существовали на африканском континенте, пучки космических энергий также ударили по некоторым зонам, вызывая пассионарные «взрывы», отголоски которых слабо известны нам по сохранившимся мифам.

Каковы реальные результаты прямого воздействия космических «пучков энергии»? Проявляется пассионарность как «биохимическая энергия живого вещества биосферы, определяющая способность этнических коллективов совершать работу, наблюдаемую историками как их активность (миграционная, природообразовательная, военная, экономическая и т.д.)».³³

Кроме того, происходят генные мутации, ведущие к резкому повышению интеллекта и творческой активности у некоторых индивидов в разной степени, включая появление пассионариев, людей энергоизбыточного типа. Повышение энергии проявляется в массовом изменении поведения людей, в первую очередь, под влиянием пассионарного воздействия или «заражения».

Рассмотрим несколько подробнее проблему первичных «контактов» или «пассионарного заражения» в формирующемся этносе, имея в виду, что далеко не все древние племена и довольно редко (максимум трижды в течение тысячи лет!) обретали такой уникальный опыт.

Если и были некие внешние пришельцы, они только способствовали «пассионарному взрыву», а фаза этнического подъема начиналась благодаря деятельности единиц из числа членов племени, кого мы называем «пассионариями». Это именно те индивиды, которые находились под непосредственным влиянием внешних культур- триггеров и/или обрели свои выдающиеся способности, благодаря космическому излучению. По определению Л. Гумилева, это люди, «...обладающие врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется только для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по видоизменению окружающей их среды».³⁴

Даже принимая в расчет теорию палеоконтактов, роль племенных пассионариев не уменьшается, поскольку только исключительно выдающиеся люди могли максимально эффективно воспринять и плодотворно применить полученные знания. (По мнению одного из известных сторонников палеоконтактов, Захарии Ситчина, сами пришельцы с планеты Нибиру (аннунаки) создали мутантов, соединив свои гены с генами земных приматов. Это еще один вариант гипотезы о конкретном пассионарном взрыве, определившем формирование шумерских племен и затем – развитие шумерской цивилизации.³⁵)

С началом неизбежной экспансии развивающегося этноса, с его захватом новых территорий (в случае шумеров – их приход из неизвестных мест на территорию нынешнего Ирака) и, соответственно, с воздействием на новые, по сравнению с пришлым этносом – более отста-

³² Гумилев Л. Н. Тысячелетия вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 18.

³³ Гумилев Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. С.509.

³⁴ Гумилев, Этносфера, с.506.

³⁵ См.: Ситчин З. Двенадцатая планета. М.: ЭКСМО, 2005. (Это одна из наиболее известных и переведенных на русский язык работ. В действительности, знаменитый криптоисторик и писатель создал целый цикл книг об аннунаках и их воздействии на Шумерскую цивилизацию.)

лые племена, были возможны всплески новых «пассионарных взрывов». И уже под влиянием пассионариев бурно развивающегося этноса оказывались все новые местные племена; по учению Гумилева, неизбежно создавался суперэтнос. Особенно это было возможно в акматической фазе развития пришлого этноса, когда разворачивалась борьба за лидерство между пассионариями в одном этносе, и некоторые из них, побежденные или не получившие должной поддержки среди одноплеменников, уходили в другие племена и становились там «застрельщиками» новых этногенезов. Или более слабые этносы покорялись более активным...

Еще один вариант: деятельность «культурных героев» – представителей прежних, древнейших и совершенно неизвестных ныне цивилизаций, которые могли передавать культурную эстафету новым, незрелым и примитивным племенам. Здесь, в первую очередь, мифы об Атлантиде, Гиперборее, материке Му... Об этом до наших времен сохранилось множество мифов, когда некие необычные люди или человекоподобные существа из океанов, морей, озер и рек становились «Учителями» некоторых племен во всех уголках Земли.

Наконец, можно обратиться к гипотезе Э. Р. Мулдашева о земном «генофонде», который, правда, тоже был создан в незапамятные времена некими космическими силами. По мысли известного исследователя и врача с мировым именем, в труднодоступных регионах нашей планеты (в горах, на дне океанов, в подземных пещерах и т. п.), находятся особые укрытия, где в состоянии «сомати»/ «самадхи» (анабиозе) в течение тысячелетий сохраняются представители всех возможных человеческих «рас», т.е. людей, способных обитать в самых различных средах: на земле, под землей, под водой... Когда на поверхности Земли происходит очередная катастрофа, «просыпаются» те виды людей, которые будут способны существовать в новых условиях жизни на Земле, и начинают новый виток развития человеческих цивилизаций.³⁶

Для нашего исследования важно просто допустить, что некие невероятно развитые «первопредки» нынешних людей существовали. В монографии «Симфония человеческой культуры» подробно рассматривались особенности культурного поля, и мы исходили из аксиомы: «... человек может становиться и оставаться собственно человеческим существом только в среде себе подобных при обязательном условии разнообразных культурных взаимодействий».³⁷

Также, повторим, мы привлекали значительный материал о так называемых «детях-маугли» («феральных детях»), которые в силу обстоятельств во младенчестве оказались в природной среде и воспитывались различными животными. Из более чем 100 случаев, когда человеческие дети попадали в природу и росли там, после их обнаружения и возвращения в культуру, НИ ОДИН из них человеком так и не стал! Человек может становиться, развиваться и оставаться человеком только в Культурном Поле, которое само по себе в Природе не возникает.

Итак, основной вывод ученых такой: человек как человек может формироваться только в человеческой культуре, причем при условии, что его реальное воспитание начнется не позже 3 – 4 лет. Иначе говоря, человеческий детеныш должен быть помещен в культурное поле. При отсутствии культурного напряжения, в среде животных человеческое существо может стать только животным, которое по достижении 4—5 летнего возраста уже никогда не сможет превратиться в человека.

В нашем контексте понятно, что **культурное поле** – это, в первую очередь, *культурное напряжение, прямые и непосредственные энергетические взаимодействия человека с себе подобными и культурно значимыми предметами и объектами, а не просто физическое существование человеческого существа среди людей и материальных культурных объектов*».³⁸

³⁶ См.: Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М.: Читающий человек, 2016.

³⁷ Кравченко, Симфония, с.209.

³⁸ Кравченко, Симфония, с.210.

Таким образом, человек, с нашей точки зрения, не мог ни самозародиться, ни самовоспитаться в культурное существо, ни самостоятельно развиваться, чтобы задумать и создать цивилизацию. Вслед за Мирча Элиаде мы утверждаем: «Миф – это история о том, ... что сделали боги или божественные существа в Начале Времен».³⁹

Как известно, еще в III в. до н. э. Эвгемер выдвинул идею о том, что в мифических образах обожествлены реальные исторические персонажи. Однако вряд ли нашу концепцию можно назвать очередной вариацией «эвгемеризма» (которых в европейской культурной традиции существовало достаточно много), поскольку фигуры первых Учителей человечества мы можем обозначить лишь условно. Но мы можем предположить, что во Вселенной, наряду с непрерывным процессом «панспермии» существует и непрекращающийся процесс, если так можно сказать, «цивилизационной эстафеты», когда более развитые разумные существа помогают ускорить совершенствования менее развитым. Мысль далеко не новая, в наиболее яркой художественной форме она выражена в произведениях, например, братьев А. и Б. Стругацких, в частности, в романе «Трудно быть богом».

Мы убеждены в том, что *миф появился вследствие реального соприкосновения (столкновения, Встречи) с Кем-то, безусловно и безоговорочно необыкновенным, необъяснимым, совершенным, знающим, по сравнению с человеком...*

Как подчеркивал Е.М.Мелетинский, первопредок- культурный герой – это «... мифологический персонаж par excellence, особенно в архаических мифологиях, типологически строго соответствующий представлению о мифическом времени первотворения и моделирующий коллектив – носитель мифологических традиций – в целом».⁴⁰

Мифы о первопредках

... глухое постоянство
Упрямых предков, нами никогда
Невиданное. Маятник столетий
Как сердце бьется в сердце у меня.
Чужие жизни и чужие смерти
Живут в чужих словах чужого дня.
/.../

Л.Н.Гумилев.

Из цикла «История»

Заметим, что первопредки – культурные героини приходили к людям, принося им, кроме практических знаний, также и сведения о высших создателях мироздания. В позднейших мифах первопредки могли сливаться с представлениями о непостижимых небесных богах, но также они могли ассоциироваться с образами известных земных животных (тотемизм).

Таким образом, в представлениях примитивных людей закладывалось изначальное смутное понимание иерархии – «верха и низа», Неба и Земли, цивилизованного и примитивного... Однако сохранялось и представление о рядоположенности и взаимодействии принципиально различных вещей и явлений – знающего и невежественного, сверхчеловеческого и человеческого, но также – человеческого и звериного, одушевленного и неодушевленного... Бесконечные вариации, «проигрывания» различных форм взаимодействий и соотношений составляют смысл большинства мифов

Эту мысль разворачивал Вальтер Отто: «Вилламовиц требует, чтобы базовым утверждением было: „Там присутствуют боги“. И его требование абсолютно справедливо и оправданно. Но более точно оно должно быть сформулировано так: „Там присутствует миф“. Ибо если боги

³⁹ Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.63.

⁴⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. С.193.

„присутствуют“, если они реальны, но они не могут не иметь отличительных особенностей. При этом, однако, мы уже вполне находимся в мире мифа. И кто решится утверждать заранее, насколько велико многообразие особенностей, которые могут приписываться формам божества при первом их проявлении?»⁴¹

Первые Учителя зачастую не были человекоподобны. Древние предания описывают их *необычный облик*: у индийцев были змеевидные Наги, у древних китайцев – первые императоры в виде полулюдей-полузмей; вавилонян обучал получеловек-полурыба Оаннес; крылатый и пернатый змей Кетцалькоатль просвещал ацтеков и пр.

(Исключение составляют аннунаки из шумерских мифов, по существу, люди, отличавшиеся высоким ростом и феноменальным долгожительством⁴². Аннунаки, в отличие от «богов» других цивилизаций, добавив свои гены, сотворили или усовершенствовали людей, в прямом смысле слова, «по своему образу и подобию»).

Небесные «боги» непостижимым для людей образом сотворили мир, а затем первопредков и самих людей.

В определенном смысле, генетическое родство или, по крайней мере, биологическая близость между «богами» и людьми прослеживается в мифах многих народов. Так, в древнекитайском мифе в начале времен из первичного мирового яйца родился первочеловек Пань-Гу, после смерти которого из частей его тела образовался земной мир, а паразиты, жившие на его теле, превратились в людей. В древнеиндийских мифах люди появились из тела первочеловека Пуруши, наряду с сотворением мира из этого же тела.

Поскольку мы знаем уже довольно поздние интерпретации древних мифов, предположим, что древнейшие мифы описывают генетическое родство с богами, которое позже отразилось в *тотемизме* (когда земных животных или природные объекты ассоциировали одновременно и с воплощениями богов и с первопредками людей). Если предположить, что в некоторых случаях к примитивным племенам действительно являлись инопланетяне в образе неизвестных существ, то вполне естественно, что в дальнейших трансформациях древнейших мифов люди постепенно ассоциировали этих «неведомых зверей» с земными животными, отдаленно напоминающими первопредков. И в этом можно усматривать не столько стихийную идею о единстве человека и природы, сколько идею целостности бытия, нераздельности «священного и земного», «родного и вселенского» (по слову Вяч. И. Иванова). (О способах отражения этой смутной идеи в древней магии речь впереди, в подглавке 1.2. Древняя магия).

В позднейших мифах, когда с развитием культуры человек осознал непреходимую пропасть между людьми и богами, мифические боги создают людей из природных материалов, как бы подчеркивая их изначальную связь с природой, а не со священной/божественной реальностью. В этом плане характерен миф майя: боги Тепев и Кукумац, Созидательница и Творец, создали первых людей из дерева. Но у них не было души и разума, они передвигались на четвереньках, но главное – они не вспоминали и не почитали богов, своих создателей. Тогда боги послали на землю потоп и уничтожили большую часть деревянных людей (оставшиеся в живых превратились в обезьян). А затем боги нашли благодатные земли, где среди многих прекрасных и полезных растений росли белые и желтые кукурузные початки. Из маисовой муки боги замесили тесто и вылепили тела первых четырех людей.

В скандинавской мифологии первые люди созданы из деревьев; в некоторых древнегреческих мифах одних племен люди были созданы из камней, в мифах других греческих племен

⁴¹ Отто В. Дионис: миф и культ. М.: Касталия, 2017. С.15.

⁴² Захария Ситчин, основываясь на расшифровке шумерских глиняных табличек, писал: «Всё началось, как свидетельствуют многочисленные тексты, в незапамятные времена с приводнения в персидском заливе или Аравийском море группы из пятидесяти АННУНАКОВ – в буквальном переводе „те, кто спустился с небес на землю“». Они прибыли с планеты Нибиру, вращающейся по вытянутой орбите вокруг Солнца, чтобы добывать золото на Земле для спасения своей планеты. – Ситчин З. Божество двенадцатой планеты. М.: ЭКСМО, 2006. С. 15.

люди возникли из земли, а в мифах фиванцев люди произошли из зубов дракона, посеянных в землю... Возможно, подобные мифы создавались параллельно с созданием древних религий и являлись частью религиозных мифов.

Наставники человечества дали примитивным племенам новые навыки, небывалые растения и инструменты, основные представления о мире, которые легли в основу космогонических, теогонических и этногенетических мифов.

Необходимо подчеркнуть, что вторжение в первобытное существование высокоразвитых Учителей – это, несомненно, подлинный *взрыв*, в результате которого формировались этносы («пассионарный взрыв», по Л.Н.Гумилеву) и создавалась новая культура («взрыв в культуре», по Ю.М.Лотману). Подчеркнем, что новая этническая культура создавалась на основе освоения разнообразных инноваций, но также – формирования способов трансляции объемов знаний, заведомо превышающих способности примитивных людей. Вероятнее всего, система консервации и поэтапного раскрытия значительных объемов информации прилагалась, как сегодня инструкция к новому гаджету, в символической, мнемонической, знаковой и/или другой форме.

Здесь необходимо обратиться к основным выводам о формировании и принципах развития человеческой культуры, которые мы сделали в нашей монографии «Симфония человеческой культуры». Культура в своей основе носит заразительный, наведенный характер. На первых этапах становления, когда только формируются собственно человеческие, а затем и культурные эмоции, она носит прямо имитационный характер.⁴³ Сегодня, например, многие обсуждают проблему зеркальных нейронов в мозгу человека, которые возбуждаются как при выполнении какого-то действия, так и при наблюдении выполнения действия другим существом. (Некоторые ученые называют открытие зеркальных нейронов самым главным событием в нейробиологии за последние десять лет.) Таким образом, на нейрофизиологическом уровне человек вынуждается невольно, автоматически имитировать чужое поведение, «отзеркаливать» чужие образы, действия, эмоции. Как доказывают Джакомо Риццолатти и Синигалья Коррадо, зеркально-нейронная система, которая также имеется у приматов и некоторых птиц, осуществляет внутреннюю проекцию других существ и их действий в наш мозг.⁴⁴ В некоторых исследованиях студентам предлагали при затруднениях на экзаменах просто подумать о профессорах, и студенты становились умнее!

Говоря в целом, человеческая культура всегда строилась на имитации и обучении. Поэтому стоит ли удивляться тому, что в культурах всех древних народов так или иначе сохраняется благодарная память о первопредках- Учителях.⁴⁵

О двух уровнях мифов

<Душа> ...молчит, – и внемлет крикам
И зрит далёкие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары.
Дары своим богам готовит

⁴³ «...культура имеет привнесенный, индуктивный, наведенный, а в психологических терминах — заразительный характер. В средовом плане, культура — искусственное энергодинамическое поле целенаправленной человеческой активности, существующее в историческом и физическом планах по закону рассеивания изначального пассионарного „заряда“ и увеличения энтропии социальной системы.». – Кравченко, Симфония, с.130.

⁴⁴ Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и переживания. М.: Языки славянских культур, 2012.

⁴⁵ В моей монографии целый параграф посвящен проблеме детей-«маугли» («феральных» – от лат. «fera» – дикое животное), которые в силу различных причин в младенчестве оказались в природе, за пределами культурного поля и, воспитываясь животными, людьми не становились даже после того, как их находили и пытались воспитать и «очеловечить». – См.: Кравченко, Симфония, с.208—212.

И, умашенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Блок А. А. Стихи о Прекрасной даме. 1901 г.

Итак, люди получили от первых Учителей то, что сами никогда не могли придумать, сделать, осуществить... А главное – Учителя дали невозможные для примитивных людей знания об Ином мире, который был недостижим для людей, но, как оказалось, являлся частью целостного Бытия.

Шумерам было известно о строении Солнечной системы и ее формировании; о планете Нибиру, фактически невидимой с Земли, обращающейся вокруг Солнца по очень вытянутой орбите...⁴⁶ Майя знали о создании Ориона и Звездных вратах; ацтеки о планете Венере... Древнейшие «обсерватории» поражают воображение современных ученых, которые не в состоянии объяснить те знания древних, которые недоступны и новейшей науке...

Разумно предположить, что колоссальный объем получаемых знаний для примитивных людей требовал довольно много времени и усилий для его усвоения. Не все члены племени в одинаковой степени успешно усваивали новые сведения, а главное – необходимо было создать систему трансляции знаний следующим поколениям. Некоторым племенам Учителя давали письменность (исследователи древних цивилизаций всегда подчеркивали поразительный факт – как бы внезапное появление развитой письменности у древних народов – шумеров, египтян, индийцев и т.д.⁴⁷), в некоторых бесписьменных культурах складывалась устойчивая устная традиция (при этом создавались рисунки, пиктограммы, условные знаки, как правило, на стенах пещер).

Опыт поколений неизбежно привел к формированию *двух систем передачи знаний – сакральной и профанной*; первая, наиболее полная и сложная система знаний передавалась по линии жрецов (первых пассионариев в рядах формирующихся этносов), которые могли «подключаться» к достаточно высоким энергиям, а значит – получать, усваивать и кодировать более сложную информацию в значительных объемах. Профанная информация носила непосредственно практический характер и в доступной форме интерпретировалась в среде обычных членов племени.

Так на протяжении веков и тысячелетий в одном племени существовали две системы мифов – *сакральные*, сохранявшиеся жрецами, запретные для остальных членов племени, и *профанные* для обыденной жизни.

Сегодня известно о существовании жреческой «науки» в Древнем Вавилоне и Египте, у древних майя, индийцев, китайцев и т. д. Наиболее впечатляющим примером двух уровней древнего знания оказывается наличие двух календарей у народов с древней историей: два

⁴⁶ Цикл работ З. Ситчика о невероятных знаниях шумеров и оригинальном варианте развития человеческих цивилизаций интерпретирует широко известные сегодня ближневосточные мифы и о создании вселенной и богов, и создании Земли, и о нисхождении богов на Землю. – См.: Немировский А. И. Мифы древности: Ближний Восток. Научно-художественная энциклопедия. М.: Лабиринт, 2001.

⁴⁷ С. Крамер, убежденный в том, что «история начинается в Шумере», исследует впервые найденные учеными в XIX в. клинописные глиняные таблички и систему шумерского образования, на углубляясь в проблему появления письменности шумеров. – Крамер С. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1991. Знаменитый шумеролог Эдвард Кьера откровенно признает: «О происхождении шумеров почти ничего не известно. До сих пор не удалось даже определить, были ли они коренными жителями Месопотамии. <...> нельзя также сказать, возникло ли древнейшее письмо в Месопотамии или где-то вне ее. Некоторые исследователи начинают сомневаться в том, что честь изобретения письменности надо приписывать шумерам. Как бы то ни было, именно шумеры развили систему письма и превратили ее в клинопись; были ли они и изобретателями древнейшего письма – пока сказать нельзя». Кьера подчеркивает: «Шумеры высоко ценили искусство письма и относили его появление к самому началу своей цивилизации. Они также считали свою цивилизацию очень древней, уже ранние тексты с презрением отзываются о кочевниках, «людях, которые не знают домов и не выращивают пшеницу». <...> Стараясь быть беспристрастными, мы все же считаем, что шумеры выработали свою собственную систему письма.» Пытаясь найти логическое объяснение факту появления письменности у шумеров, Кьера выдвигает гипотезу длительного и сложного процесса выработки клинописи из рисуночного письма. – Кьера Э. Они писали на глине. М.: Наука, 1984. С.20.

календаря у майя – жреческий Цолькин, 260- дневный Священный календарь, и Хааб, 365-дневный неточный солнечный. При комбинировании обоих календарей получался 52-летний цикл.⁴⁸

Жрецы обладали не только знаниями, но и определенными умениями «перемещаться» из исторического времени в сакральное «Начало Времен» и, существуя в измерении Иного, «читать» особые символы и знаки, характеризующие виртуальную связь между сакральным и профанным. Эти знаки и символы являются поистине *тайными*, в первую очередь, потому, что для их постижения необходимо получить серьезную подготовку (посвящение) и освоить сложнейшие духовные практики. Но даже воспринятое знание будет содержать непостижимые для человеческого ума моменты, которые неизбежно придется принять как аксиомы.

Жреческая наука – это, в современных терминах, подлинно семиотическая система, о которых писал Ю.М.Лотман, система, в которой знак обретает значение только в результате соотнесенности с другими знаками той же системы, иначе говоря, их значения носят только реляционный, соотнесенный характер (как в алгебре или модернистской академической музыке).

Необходимые повседневные навыки и знания распространялись среди всех членов племени наглядно и доступно, в пра- художественной и игровой форме, главным образом, через обряд и ритуал. Определенные тайные знания, вносившиеся в общедоступной форме в коллективную практику, обычными аборигенами воспринимались нерелективно, как необходимый ингредиент, передаваясь и обыгрываясь в ритуале, обряде, обычае; а по прошествии времени – в сказании, былинке, сказке, фольклоре, как *фантастический* элемент.

Этнографы, осведомленные о делении мифов на сакральные и профанные, различают «мифы» и «сказки», однако зачастую в передаче этнического материала они смешивают сведения двух уровней мифов, в лучшем случае, интерпретируя их как варианты одной и той же традиции! Так дошедшие до нас фрагменты сакральных мифов, смешанные с профанными «сказками», «сказаниями» и «былинами», никак не проясняют, а только запутывают наше представление о миропонимании древних этносов.

Безусловно, содержание тайного знания древних жрецов, в особенности, передаваемое в изустной традиции, и до настоящего времени может оставаться недоступным широкому научному исследованию. Но сам факт сохранения древних традиций в течение тысячелетий оставляет надежду на то, что их современные адепты предпочтут привлечь в свои ряды скорее самоотверженных ученых, чем невежд и обывателей. Потому и сегодня те, кому необычные знания действительно необходимы для дальнейшего продвижения, их получают.

Представляется, что оба уровня древних мифов были напрямую связаны с начатками того, что мы сегодня называем *магией*. Некая «пра-магия» – это процесс освоения примитивными людьми полученных от Учителей знаний и навыков, которые никоим образом не могли быть ими «изобретены» и «придуманы», исходя из уровня примитивных умений. А главное – не существовало примитивных *целей* для подобной новаторской деятельности. Примитивным людям (включая их лидеров!) не были нужны пирамиды; гигантские рисунки в пустыне или тундре, невидные с земли; огромные каменные шары; колоссальные изваяния в горах и скалах; подводные циклопические сооружения и т. п. Примитивный человек всегда был практичным, выживающим, внеисторичным...

Обычный человек⁴⁹ всегда (в том числе, в настоящее время) существует по принципу сохранения энергии и никогда не будет тратить ее на нужды, напрямую не связанные с минутным выживанием. Для того, чтобы примитивный человек работал, тем более, на тяже-

⁴⁸ Подробнее: Аргуэльес Х. Фактор майя. Внетехнологический путь. Томск: Зодиак, 1994. С.232—233.

⁴⁹ Обычные люди – это большинство этноса, в нашем понимании о различных энерготипах людей в этносе, – это подавляющее большинство подвержено влиянию людей супер-страстных (пассионариев) и страстных (гениев и талантов), которых в этносе всегда меньшинство.

лых работах (таскал камни, валил лес, переносил тяжести с места на место и т.д.), его нужно заставлять, настраивать, стимулировать, иногда – обманывать, вводить в состояние измененного сознания, в конце концов, подробно объяснять, что делать!

Создание и поддержание культурного поля требует организации, дисциплины, стремления к сформулированным идеалам. В древнейших этносах *человеческое* отделялось от *звериного* с помощью системы *табу* – запретов, ограничений, неукоснительно исполняемых правил, которые жестко навязывались без объяснений и рациональных аргументов. Многие табу были связаны с сакральными знаниями и в обыденной культуре воспринимались естественно, без пиетета, но и без страха. Так и сегодня обычный человек включает выключатель и пользуется электричеством, толком и не зная, что оно собой представляет...

Потребность в творчестве также привносилась извне, в процессе «окультуривания» человека, как человека. Творчество, как и освоение и применение небывалых знаний, иногда прямо навязывалось, и для того, чтобы «сдвинуть» примитивный ум, пробудить в нем стремление к новому и лучшему в себе и в окружающем мире, приучить инертного человека к самосовершенствованию, – для этого нужны особые культурные практики, регулярные «встряхивания» и «пробуждения» человека от полуживотного существования.

Таковыми стимулами⁵⁰, средствами для прояснения человеческих целей и процедурами для закладки матриц духовной деятельности в обыденной жизни были в древнейшие времена коллективные «магические» действия; в позднейшие времена – мистерии и религиозные празднества; в дальнейшем – искусство (театр, архитектура, живопись). Эти стимулы основывались на особом возбуждении и развитии, в первую очередь, *эмоциональной сферы*, таким образом используя мощные энергии базовых и формирующихся человеческих эмоций. В подобных коллективных священнодействиях таинственное уже подчеркивалось, усиливалось, призванное вызывать священный ужас, невероятный восторг, глубокое удивление, в конце концов, сильнейшее потрясение, экстаз... Еще раз подчеркнем, и в древности, и в наши дни только таким образом создавалось и совершенствовалось, а затем – сохранялось новое этническое культурное поле.⁵¹

Пра-магия – это первые попытки рационализации знаний, полученных от Первых Учителей, и стремление увязать новые знания и умения с уже известными в целях выживания и совершенствования здешнего существования. Поэтому в магии на всем пути ее исторических трансформаций всегда был, есть и будет «*фактор X*» – нечто необъяснимое (таинственное), что берется из неизвестного источника «в готовом виде» и «*без объяснения*» (более того, наоборот, навечно связано с некими запретами -табу), а требует неукоснительного исполнения по особому ритуалу. И этот «X» – как главный ингредиент ритуала, предполагает непосредственную связь с таинственными силами, находящимися за пределами человеческого понимания и возможностей. В дальнейшей «высшей магии» упования связаны с Учителями и традицией контактов с Иным, а в народной магии помощь предполагается получить от «кураторов» в здешнем мире (духов, неизвестных сил природы, таинственных «помощников» и т.п.).

Пра-мистика формируется в процессе складывания и развития пра-магии; это, в первую очередь, эмоционально-интеллектуальное освоение полученных от Учителей представлений о возможности установления связей между здешним (понятным) и Иным (непостижимым, но реально существующим) мирами. Примитивный человек не мог стремиться в Иное, если он не знал (ему не рассказали!) о наличии этого мира. Скорее всего, пра-мистика была связана с сакральными традициями (шаманскими, жреческими и иными), изначально предполагая

⁵⁰ Напомним, этимологически слово «стимул» происходит от латинского «острая палка для того, чтобы подгонять упрямы́х ослов».

⁵¹ Подробнее: Кравченко, Симфония, с.190—293. (Глава 3. Макрокосм. Культурное поле).

сохранение/поддержание тайны проникновения в Иное и осмотровое применение полученных знаний.

Истоки пра-мистики – это результаты первого предельного эмоционального потрясения примитивного человека от соприкосновения с Первыми Учителями, а затем – поэтапный процесс критического переживания и формирования чувства Иного как принципиально непостижимого («нуминозного», по Р. Отто), невыразимого («Дао Дэ цзин» и «Иша упанишада») и забываемого. В наших терминах речь идет об истоках «мистического чувства», которое, в сущности, есть непосредственное прочувствование целостности бытия и взаимопроникновения явного и тайного, видимого и скрытого, известного и таинственного. Процесс освоения особого целостного мироощущения всегда дается лишь единицам (мистикам), открытым высшим космическим энергиям. Даже среди жрецов, проходящих посвящение и обретающих тайное знание, далеко не все мистики. Гении и таланты «мистическое чувство» подменяют переживанием «творческого вдохновения», «научного озарения»; обычные люди – «религиозного экстаза», «эстетического восторга» и т.л., поскольку все немистические «экстазы» и «вдохновения» «работают» с низкими, а иногда и вовсе низшими энергиями (подробнее о мистическом чувстве см. далее – параграф 2.8.).

Уникальность каждого этно- культурного поля в разные исторические эпохи (с учетом различных фаз развития ведущих этносов⁵² в этно- энергетических сегментах единого культурного поля человечества) естественно предполагает неповторимость каждого взаимодействия с Иным (непостижимым, непознанным). Характерные особенности этих взаимодействий «читаются» в основополагающих **мифах** конкретной культуры, в первую очередь, космогонических и теогонических.

Миф как основа этнического культурного поля

Отселе мне видно потоков рожденье.

А.С.Пушкин

Миф в его профанном понимании – это *результат коллективного ритуального действия определенного этноса, регулярно проводимого для социально-эмоционального сплочения сообщества*. С развитием культуры формируются рационально- языковые и «нарративные» аспекты мифа, которые в гуманитарной науке долго (и с нашей точки зрения, ошибочно) считались первичными и основополагающими. В действительности, определяющую роль в жизни этносов играли ритуально- делательный и энергетический аспекты мифа.

С энергетической точки зрения, **миф** — это **средство создания первичного культурного энергополя нового этноса как единого особого «эмоционального интеллекта»**.

Он формируется на основе фиксирования определенных эмоциональных «маркеров» у всех членов коллектива в ходе непосредственного исполнения совместных ритуалов и обрядов, соблюдения традиций и т. п. Только начиная с фазы подъема в развитии этноса, миф приобретает нарративную, символическую, художественную и т. д. формы, сохраняя мощный энерго- эмоциональный «заряд».

Не случайно древнейшие и первые мифы – космогонические и этногенетические, а позднейшие мифы – обыденные и праздничные; со временем все объединяются в единый комплекс и становятся традиционными и малообновляемыми...

Изначальный миф мы трактуем, вслед за М. Элиаде, как образцовую модель определенного этноса, сохраняемую как «повествование» о его священной истории, как раскрытие тайны

⁵² Как известно, Л.Н.Гумилев представлял развитие этноса в его переходе от одной фазы к другой: после «пассионарного взрыва» (собственно, момента зарождения этноса) наступала фаза подъема, затем – высшая точка развития (акмэ), следом – фаза надлома, инерции, обскурации, гомеостаз и мемориальная фаза... – Гумилев Л. Н. Этносфера, с.498.

Первых Учителей или первопредков. Как отмечал М. Элиаде: «... миф сродни онтологии: он повествует лишь о *реальном*, ... что в полной мере проявилось. Разумеется, речь идет о священных реальностях, т.к. именно *священное* и является самой настоящей *реальностью*. Ничто из того, что входит в область мирского, не участвует в Бытии... Ни один бог, ни один Герой-основатель цивилизации никогда не открывал людям мирских актов. Все, что делали боги или Предки, ... принадлежит священному, т.е. участвует в *Бытии*. Напротив, то, что делают люди по собственному разумению, без обращения к мифической модели, относится к сфере мирского, а это – деятельность пустая, иллюзорная и, в конечном счете, нереальная».⁵³

В древнейших человеческих сообществах и цивилизациях взаимодействие с Иным предполагалось через воспроизведение мифа о появлении и деяниях первопредков человечества (или конкретного племени, сообщества, народа), через определенное *действие*. Отдельных понятий «миф», «магия», «мистика» тогда не существовало. При племенной организации сообщества в подобном действе участвовало все племя. Предполагалось, что каждый член племени мог «войти в контакт» с предками (как духами) и высшими божествами. Множество этнографических материалов доказывает, что в традиционных обществах, до сих пор сохранивших древнейшие обряды и ритуалы, в определенные моменты жизни общины проводятся массовые действия, в которых предполагается вхождение каждого из участников в так называемые «измененные состояния сознания», когда они «общаются» с «потусторонним миром».⁵⁴ Эти состояния, обретаемые участниками в ходе коллективного действия, в современных терминах можно назвать состояниями «экстаза».

Как мы рассматривали выше, многие первобытные племена после того, как лишались непосредственного руководства Первых Учителей, ассоциировали их образы и продолжение земного присутствия с явлениями природы (далее мы напомним о первобытной «оборотнической логике», описанной А.Ф.Лосевым). Последующие поколения в этносах, знавшие об Учителях и первопредках только из мифов, вели свое начало от природных объектов: животных, птиц, земноводных, реке – деревьям, скалам, которых в науке именуют «тотемами»⁵⁵. Не случайно в известных нам (и в общечеловеческой истории довольно поздних) древнегреческих мифах боги часто оборачиваются животными: Зевс превращается в быка, чтобы похитить Европу; или в лебедя, чтобы обольстить Леду; Дионис превращается в плющ, а нимфы – в лавр, скалы, цветы и т. п.

Для того, чтобы трактовать конкретные примитивные мифы не с точки зрения общемирового развития, а исходя из развития самого этноса, рассмотрим диалектику мифов в соответствии с фазами этногенеза.

Диалектика мифов в аспекте этно-энергетической концепции культурного поля

...Они живут, не возвратясь обратно
Туда, где смерть нашла их и взяла,
Хоть в книгах полустерты и невняты
Их гневные, их страшные дела.
Они живут, туманя древней кровью
Пролившей и истлевшей давно
Доверчивых потомков изголовья.
Но всех прядет судьбы веретено

⁵³ Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд. МГУ, 1994. С. 63—64. (курсив М. Элиаде – В.К.)

⁵⁴ Сами подобные действия обычно именуются «посвящениями» (инициациями) и в нашем контексте мы не останавливаемся на их видах, просто принимая во внимание их бесконечное разнообразие.

⁵⁵ Научный термин «тотем» происходит от алгонкинского слова «от-отем», означавшего «его род». Алгонкинский язык, объединявший ряд индейских племен, отражал единство традиционных представлений их древних предков.

В один узор; и разговор столетий
Звучит как сердце, в сердце у меня.
Так я двусердый, я не встречу смерти
Живя в чужих словах, чужого дня.

Л.Н.Гумилев.

Из цикла «История»

Разрабатываемая нами **этно- энергетическая концепция** культурного поля⁵⁶ позволяет прояснить идею о деятельностно- ритуализированных основах коллективной жизни этноса, с одной стороны, и о значении духовно-эмоциональной составляющей в жизни этнической общности, с другой стороны.

Как известно, Л.Н.Гумилев представлял развитие этноса в его переходе от одной фазы к другой: после «пассионарного взрыва» (собственно, момента зарождения этноса) наступала фаза подъема, затем – высшая точка развития (акмэ), следом – фазы надлома, инерции, обскурации, гомеостаз и мемориальная фаза.⁵⁷

Сущность культуры и духовной жизни, которую мы называем «культурным полем», составляют реальные эмоции в их проявлении и трансформации – от уровня биологически-базовых – через напряженные переживания – к насыщенным и более или менее рафинированным культурным чувствам; в энергетическом плане они составляют основной смысл и содержание человеческой культуры.

Миф – это реальная сфера существования этноса, формируемая в соответствии с закономерностями этнических фазовых переходов.

С энергетической точки зрения **миф** – это средство создания первичного культурного энергополя нового этноса, благодаря «огненной», пассионарной деятельности («взрыву»!) талантов и гениев (фаза подъема – скрытого, а затем явного, – в этногенезе Л. Н. Гумилева⁵⁸).

Пассионарный толчок, порождающий новый этнос, – как Большой взрыв, формирующий очередную Вселенную, – дает начало *космогоническим мифам*, создаваемым (или полученным от Учителей) пассионариями данного этноса и их ближайшим окружением. Они, часто вдохновляемые не только новой информацией от Первоисточника, но и солидарными этнокультурными полями, перерабатывают и/или дорабатывают устойчивые мифологические сюжеты, как правило, переименовывая (осваивая) центральных мифологических персонажей.

Этнос, возникающий в результате «пассионарного взрыва», переносит людей в «новую реальность», которая сначала не осознается в своей «инаковости», а интуитивно и деятельностно схватывается как миф. Именно о таком понимании мифа писал А. Ф. Лосев: «Миф не есть бытие идеальное, но *жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность*»⁵⁹.

В первобытных племенах, в первую очередь, создавались космогонические мифы, которые ежегодно воспроизводились в специально разработанных ритуалах, повторяя (как естественно и жизненно необходимые действия) последовательность описанных в мифах космических событий. Миф, постепенно формируясь как магически-религиозное и творческое явление, еще не теряет своей непосредственной жизненности.

⁵⁶ Культурное поле определяется нами как «особое энергетическое поле взаимодействия и функционирования человеческих эмоций, переживаний и чувств, связанных с определенным культурным ареалом». Кравченко, с.197.

⁵⁷ Гумилев Л. Н. Этносфера, с.498.

⁵⁸ Напомним, по Л. Н. Гумилеву, этнос – это «динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка как необходимого компонента при пусковом моменте этногенеза...» – Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Мишель и Ко», 1993. С. 372.

⁵⁹ Лосев, Диалектика мифа, с.27 (курсив А. Ф. Лосева – В.К.).

Как мы рассматривали выше, миф категорически отличается от «выдумки» и «фантазии», поскольку примитивные люди его воспринимают как подлинную реальность. **Отношение к мифу – иррационально-обыденное, повышено-эмоциональное и деятельностно-практическое. А главное – жизненно необходимое для всего племени и каждого его члена.**

Для внешних наблюдателей этнических мифов, для исследователей через сотни и тысячи лет миф будет истолковываться символически, представляться особым типом мировоззрения и мировосприятия, или просто «выдумкой». Исходное эмоционально-деятельное этническое содержание конкретного древнего мифа не может быть *понято извне* никогда.

«Взрыв» примитивного существования не нужно представлять в виде благодатной картины: Учителя с распростертыми объятьями идут навстречу аборигенам, которые благоговейно падают на колени и внимают звукам незнакомой речи, с готовностью открывая умы новым знаниям...

Древнейшие мифы различных народов представляют нам совершенно другие варианты возможных первых «контактов». Так, в мифах аранда и других центральноавстралийских племен рассказывается о тотемных предках, которые отправились на поиски родственников по священным «маршрутам», а в пути охотились, останавливались и совершали обряды, а затем, утомившись, уходили под землю, под воду и в скалы. Сегодня пути предков считаются священными местами для аборигенов, где они проводят свои обряды. По современным верованиям австралийских аборигенов, первопредки в образе диких котов и ящериц-мухоловок по пути своего следования увидели людей-личинок, беспомощно лежавших на скалах, выступающих из воды. Первопредки сделали им обрезание (совершив обряд инициации и окончательно превратив личинок в людей), научили добывать огонь трением, готовить пищу, дали копья и бумеранги, разделили людей на две фратрии, снабдили каждого человека персональной *чурингой* как вместилищем его души.⁶⁰

Наш комментарий к этому мифу таков: тотемы аранда свидетельствуют о том, что мы имеем дело с довольно исторически поздними интерпретациями древних мифов, поскольку первопредки, скорее всего, представляли собой неизвестных в земной природе существ, которые со временем стали ассоциироваться с известными животными. Однако мотив «людей-личинок», беспомощных и полностью зависимых от природы, которым понадобился особый обряд обрезания, чтобы они стали людьми, активными и самостоятельными, да еще и одушевленными, – свидетельствует о сохранении памяти о культурообразующем значении первого контакта с первопредками.

Как отмечает Е.М.Мелетинский: «У племен Центральной Австралии и у палеоафриканских народностей (бушмены), отчасти у папуасов и некоторых групп американских индейцев мифические герои – это тотемные предки, т.е. прародители или создатели одновременно как определенной группы животных (реже – растений), так и человеческой родовой группы, которая рассматривает данную породу животных в качестве своей „плоти“, т.е. своих родичей, тотема».⁶¹

Здесь мы также видим развитие древнейшего мифа, который самих прародителей еще не определяет как известных животных, а утверждает единство созданных ими земных существ через указание на прямое кровное родство. Таким образом, первопредки людей в древнейших мифах – не люди, по крайней мере, – не похожи на людей, но имеют к их созданию прямое отношение, при этом наделяя аборигенов обычаями, знаниями и орудиями, т.е. основами человеческой культуры.

⁶⁰ Мелетинский, Поэтика мифа, с.179—180.

⁶¹ Мелетинский, Поэтика мифа, с.178.

Во время традиционных праздников члены примитивных племен надевали специальные костюмы, имитировали повадки и особенности своих тотемов, которые часто совсем не похожи на земных животных или весьма отдаленно их напоминают. Аборигены танцевали особые танцы под ударные инструменты (там- тамы, барабаны), вводя себя в исступление, завершая действие, как правило, кровавыми жертвоприношениями (в том числе, человеческими). Таким образом, по воззрениям дикарей, устанавливалась прямая «связь» между тотемом и членами племени, связь, в современных терминах, скорее, «магическая», нежели «мистическая».

В наиболее архаичных мифах сохранились сведения о *первопредках- близнецах*, один из которых невероятно злой, а другой – добрый. Активная стимуляция умственной активности и культурной деятельности, скорее всего, была связана с некоторыми формами внешнего насилия и жестокости, когда угроза выживанию полуживотной общины вынуждала совершенствоваться, учиться противостоять небывалой угрозе, спланировать вокруг стихийных лидеров, пассионариев из среды общины, в конечном счете, и создающих этнос. (Подобная мысль об истоках человеческой цивилизации, как известно, характерна для А. Тойнби. Он прямо писал о Вызове (Вопрошании) Бога (божественного Логоса), к человечеству, Вызове, выраженном на историческом уровне в виде природного, социального или иного испытания.⁶²)

Память о злом первопредке часто ассоциируется с первосозданием мира и онтологической противоположностью Бытия – Хаосом, Мраком, Злом (в противовес Космосу, Свету, Добру, которые затем олицетворяются во втором близнеце). Злой первопредок, как правило, ничему не учит и зачастую требует кровавых жертв, включая человеческие. Он воспринимается как первичная беспощадная стихия, которая приносит серьезные беды и испытания своему доброму близнецу. (Наиболее известен образ древнеегипетского Сета, не только ассоциируемого с жестоким песчаным ураганом пустыни – самумом, но и с убийством своего брата Осириса, которого, как известно из мифа, Сет даже разрубил на куски и разбросал по всему Египту). Злой первопредок также наделяется невероятной хитростью и способностью к превращениям, обману, изобретательным трюкам (в позднейших мифах возникает отдельный образ трикстера, в конце концов, в религиозных мифах цивилизованных народов – образ дьявола, шайтана, демона...).

Добрый первопредок – подлинный Учитель, часто – спаситель человечества. (Шумерский Энлиль, в противоположности злому Энки; египетский Озирис и его брат Сет...)

В древней мифологии тунгусов и некоторых других народов Сибири встречаются соперничающие братья-демиурги, из которых старший портит сделанное младшим; в их характеристиках много общего с мифическими меланезийскими братьями То Кабинана и То Карвуву. Причем тунгусские персонажи представлялись не фратриальными (этническими) предками, а космическими хозяевами верхнего и нижнего миров. У обских угров верхний и нижний хозяева (Нуми-Торум и Хуль-Отыр) также выступают в качестве пары братьев-демиургов. Но главный герой обско-угорской мифологии – это Эква-Пырищ, имеющий зооморфную ипостась (гусь или заяц) и являющийся сыном родоначальницы фракции мос гусыни Калдащ. Эква-Пырищ спущен с неба на землю, чтобы руководить людьми.

Е.М.Мелетинский отмечал: «Такой двойственный персонаж, как культурный герой (демиург) – трикстер, сочетает в одном лице пафос упорядочивания формирующегося социума и космоса и выражение его дезорганизации и его неупорядоченного состояния. Это противоречивое сочетание возможно в силу того, что действие в соответствующих сказочно-мифологических циклах отнесено ко времени до установления строгого миропорядка, т.е. к мифическому времени. Следует при этом учесть, что деятельность отрицательного варианта культурного героя (типа То Карвуву в Меланезии) или трикстера типа Ворона тоже в сущ-

⁶² Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

ности парадигматична, поскольку она предопределяет негативные явления и профанные действия, совершающиеся в позднейшие времена».⁶³

В некоторых мифологиях оба брата способны на злые и добрые дела, а главное – они оба приносят людям пользу. В карело-финской мифологии известны братья, из которых Вяйнямейнен, видимо, архаический герой, похищающий у хозяйки Севера небесные светила и некое чудесное «сампо»; он находит огонь в чреве рыбы и делает музыкальный инструмент из рыбных костей. Второй брат, Ильмаринен, хотя и имеет некоторое отношение к небесным светилам и таинственному «сампо», – он демиург-кузнец, развивающий материальную культуру, изготовляя плуг и другие орудия труда.

Как отмечает Е. Мелетинский, «В Северной Америке, где представление о мифическом времени весьма отчетливо, культурный герой-демиург с реликтовыми чертами тотемического предка остается центральной фигурой мифологии, причем в западной части Североамериканского континента ему наряду с серьезными творческими деяниями приписываются и плутовские проделки, т.е. культурный герой является одновременно трикстером».⁶⁴

Представляется, что двойственность предка-демиурга и Учителя уже в древнейших мифах свидетельствовала о понимании аборигенами одновременно – родственности (или по крайней мере, некоей теснейшей связи) людей с первопредками, а с другой – о коренных и существенных различиях как между различными первопредками, так и предками и людьми.

Формирование нового социума и нового миропонимания вело человечество к осознанию важнейших противоположностей мира и культуры, которые, с одной стороны, образуют некие рамки или отправные моменты явлений и вещей (Небо- Земля, жизнь- смерть, суша- море, зима-лето; а также: верх-низ, пресное- соленое, мужское- женское, сухое- влажное), с другой – могут быть объединены (как, например, в образе трикстера – Ворона, Лиса, Койота и т.п.).

Судя по всему, первопредки, обеспечив «взрыв» этноса и начало его подъема, отбывают восвояси, как правило, обещая вернуться. При желании, можно обнаружить в мифах многих народов воспоминания об отбытии первопредков и Учителей.

Память о первых Учителях сохранялась в традиционных мифах веками и тысячелетиями. Как известно, конкиста в Латинской Америке началась с недоразумения – майя и инки приняли высадившихся испанцев за своих богов, когда-то давших этим племенам культуру и обещавших вернуться...

На этапе подъема этноса, когда пассионарии сформированного этноса проявляют чудеса отваги, интеллекта, новаторской деятельности, социального творчества и т.д., о них начинают складываться *героические мифы*, в которых пассионарии предстают выдающимися людьми, гениями, образцами для подражания соплеменникам.

Подобные мифы А. Ф. Лосев раскрывает как «синтетическую жизненность», состоящую из живых личностей. Мифы предстают как особая реальность, эмоционально насыщенная, но практическая и особым образом словесно сформулированная. Лосев писал в «Диалектике мифа»: «Миф насыщен эмоциями и реальными жизненными переживаниями; он, например, олицетворяет, чтит или ненавидит, злобствует»⁶⁵.

Пассионарии, конечно, не так таинственны, как первопредки, но обычных людей в них все равно поражает неистощимая энергия, невероятные таланты и, конечно, невиданные культурные достижения.

«Великая Тайна» начала времен уступает место тайне человека, столь же манящей, иногда – пугающей, но непреходящей.

⁶³ Мелетинский, Поэтика мифа, с.189.

⁶⁴ Мелетинский, Поэтика мифа, с.187.

⁶⁵ Лосев, Диалектика мифа, с.28—29.

Этнос расцветает, мифотворчество порождает разнообразный фольклор, развиваются различные стороны экономической, политической и художественной жизни.

Тайное знание уходит на второй план, хотя продолжает играть существенную роль в жизни социума, транслируясь в тайных сообществах устно; если появляется письменность и система образования, тайное знание передается по новым линиям преемственности – с использованием собственного языка (так, наиболее известно, что в Древнем Египте письменность существовала с рубежа IV-го и III-го тысячелетий до н.э. – иероглифика (егип. *mdw nTr*, «маду нетчер» – слова бога). В иероглифике было две системы письма: в жреческой касте – книжная иератика, использовавшаяся для религиозных и литературных текстов, и иератика, которую использовали писцы для хозяйственных документов и писем. Около 700 г. до н.э. появилось народное, демотическое письмо).

В Древней Индии святые риши, хранители древнейших знаний, создают сначала устную традицию передачи священных знаний. Затем формируется «санскрит» – «совершенный язык», начинавшийся с наскальной эпиграфики, а затем ставший языком интеллектуальной и религиозной элиты (варны- касты брахманов), создававшей классические религиозные тексты (в первую очередь, «Ригведу», а затем «Сомаведу», «Яджурведу». Как мы увидим ниже, примыкающая к классическим текстам «Атхарваведа» своим источником имеет, преимущественно, магическую практику). На основе санскрита значительно позже формируются языки индоевропейской группы.

В акматической фазе этногенеза, миф формируется в целостном этносе на основе фиксации определенных эмоциональных «маркеров» у всех членов коллектива, как правило, в ходе регулярного и непосредственного исполнения совместных ритуалов и обрядов, соблюдения традиций и т. п. Миф сохраняется в форме особого единого эмоционального интеллекта и основы менталитета этноса⁶⁶.

Главное положительное качество мифа состоит в том, что без него невозможна адаптация человека к постоянно изменяющейся природе и социальной среде. Миф во все эпохи поддерживал человека в разнообразных формах борьбы за существование. В древности вера в потусторонние или божественные силы помогала переносить земные невзгоды. Кроме того, именно через мифы люди усваивали важнейшие нравственные, социальные и экологические нормы.

Когда материальные (природные и искусственные) объекты конкретного культурного ареала очевидны и освоены этносом, то духовные, в первую очередь, эмоционально- психологические особенности людей, формируемые культурным полем, проявляются только опосредованно – через язык, нормы, традиции, стереотипы, структуры поведения в определенных ситуациях, технологиях деятельности и т. п.

Здесь начинает формироваться то, что А.Ф.Лосев называет «абсолютной мифологией», которая, по его определению, «существует как единственно возможная картина мира», и в ней «ни один принцип ее не подвергается никакому ущербу»⁶⁷. Эта «абсолютная мифология», перерастая «основные и примитивные моменты», развивается уже по собственным законам, в противоречивом взаимодействии с мифологией «относительной». В нашем контексте можно говорить о *жреческой (абсолютной) и профанной (относительной) мифологии*.

Иными словами, начиная с акматической фазы этногенеза, миф приобретает нарративную, символическую, художественную и т. д. формы, сохраняя мощный эмоциональный «заряд». Пассионарии между собой разворачивают смертельные схватки, начинают героически гибнуть и пополнять эпос трагическими сюжетами. Этот момент хорошо схвачен

⁶⁶ См. подробнее: Кравченко, Симфония, с.248 и далее.

⁶⁷ Лосев, Диалектика мифа, с.172.

у А. Ф. Лосева: «Личность берется в мифе *исторически*, а из ее истории берется вся *словесная* стихия. ... Кратко: *миф есть в словах данная личностная история*»⁶⁸.

Если снова вспомнить об эвгемеризме, то здесь он вполне может быть применен к процессу превращения пассионария в народного героя и главное действующее лицо этнического фольклора. Гэсер и Илья- Муромец, Рама и Ши Хуан Ди, Чингиз-хан и Ермак Тимофеевич и т. д. и т. п.

В фазах надлома и инерции, когда кардинально меняется отношение к героическим пассионариям «первого призыва», и на историческую сцену выходят приспособленцы и эгоисты, попирающие высокие идеалы этнического расцвета, мифы приобретают идеологическую роль. Большая часть символических и художественных мифов целенаправленно трансформируются в социально-политические. Здесь возникают представления не только о метафизичности и религиозности, но и схематичности, и даже – догматичности мифа, против чего резко выступал А.Ф.Лосев. Он подчеркивал, что миф всегда был и оставался «чудом»: «*Миф есть в словах данная ч у д е с н а я личностная история*»⁶⁹. Для нас очевидно, что само понятие «чуда» раскрыло свои глубинные смыслы при рассмотрении того этапа этногенеза, когда рушатся высокие идеалы, и этнос переходит из состояния роста и совершенствования – в период угасания и стагнации. Для большинства членов этноса творчество небывалой чудесной реальности превратилось в прозу унылого выживания; чудо, потеряв вдохновенную осязательность, превратилось в несбыточную мечту. Только гении и таланты в своем жизнотворчестве способны сохранять и осознание, и ощущение, и действенность того, что для остальных представлялось недостижимым и уже несовместимым с обыденностью «чудом».

Давно известный мифологам феномен «параллельной мифологии»⁷⁰, по существу, является одновременно доказательством прохождения единообразных фаз в трансформации мифов (связанных с фазами этногенеза), и подтверждением тесных межэтнических связей, определяющих единство человечества. Этносы, находящиеся в фазах надлома и инерции, стремятся передать новым поднимающимся этносам наработанные универсальные ценности. Но они, безусловно, будут перетолкованы и приспособлены к другому этнокультурному полю и могут лишь отдаленно напоминать свой источник (как правило, также в свое время полученный от предшествующих и исчезнувших этносов и их древнейших Учителей).

Так, общеизвестна преемственность многих древнеегипетских мифов в древнегреческой культуре. Хотя многочисленные древнеегипетские боги не стали основой древнегреческого пантеона; при этом основные сюжеты, распределение функций богов и целый ряд магических практик были перенесены из мифов Древнего Египта в мифы и религию Древней Греции.

Наконец, в **фазе обскурации**, а затем и в **мемориальной фазе** миф превращается в этническое «воспоминание», один из важнейших символов данного этноса, его отличительный культурный «знак».

Таким образом, с развитием этноса, в фазах его угасания, пытаюсь сохранить «основы основ» коллективной жизни, страстные гении и таланты, духовно- энергетичные наследники зачинателей этноса, в «едином полном слове» первых пассионариев выделяли, по необходимости, «слово-понятие» и «слово-образ», утрачивая безвозвратно эмоционально-волевую составляющую деятельности «человека жизни». Ту составляющую, которая была непосредственно связана с реальными поступками «сплошь ответственного» пассионария⁷¹.

⁶⁸ Лосев, Диалектика мифа, с.134 (курсив А. Ф. Лосева).

⁶⁹ Лосев, Диалектика мифа, с.169.

⁷⁰ См.: Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

⁷¹ Здесь пассионарий рассматривается в терминах «человека поступка» у М. М. Бахтина, как «человек жизни»: в нем отсутствует «дурная неслиянность культуры и жизни», ему свойственно «поступающее мышление», «участное мышление». Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985. М.: Наука, 1986. С.105.

В поздних мифах часто действуют не герои- пассионарии, а боги и духи, которым «передается» недостижимый для обычного члена умирающего этноса энергетический заряд созидания, творческая мощь, отражаемые в подробно описываемых действиях богов. Еще и поэтому миф – это всегда «чудо», непостижимое энергетически слабому, инертному обывателю, но необходимое ему для жизненного переживания причастности своему этносу.

В то же время, по мере удаления от истоков формирования этноса, уже не героям- пассионариям приписывались «сверхъестественные» способности и качества, а обычные люди предпочитали приписывать богам обыкновенные и часто – неблагоприятные человеческие действия и страсти. Так, еще основатель Элейской школы, Ксенофан Колофонский осуждал Гомера и Гесиода, возражая против антропоморфизма олимпийских богов⁷². Ксенофан, чтобы подчеркнуть несопоставимость «священного» и «профанного», даже выдвинул идею о существовании единого бога, категорически не похожего на смертных, – вечного, шарообразного и неподвижного⁷³.

О современном племени пираха, существующем в мемориальной фазе этногенеза

Так говорил мне призрак лунный:

«Нам в смерти жизнь – Судьба судила».

В.Я.Брюсов. Атлантида

Сегодня изучение диких племен в «затерянных мирах» на всех континентах дает нам удивительный материал по древней мифологии. Мемориальную фазу существования реального южноамериканского этноса мы можем конкретно рассмотреть, благодаря современным исследователям.

Уникальное племя индейцев пираха, живущее сегодня в Бразилии, в амазонских джунглях, существует в гармонии с природой, не имеет религии, календаря, собственности, развитых орудий труда, занимается охотой и собирательством. Для пираха нет различия между днем и ночью, потому что они почти не спят. В их языке нет числительных, обозначения различных цветов, понятия «право» и «лево», «верх» и «низ», сложных предложений.

Американский исследователь Дэниел Эверетт изучал племя пираха 30 лет. Он выявил некий принцип «ибипио», характерный для культуры пираха: говорить исключительно о непосредственно виденном и слышанном, включая сны, которые считаются действительными событиями. С наличием принципа ибипио Эверетт связывает тот факт, что у пираха нет числительных, поскольку числа абстрактны и предполагают классификацию предметов в обобщенном виде, а обобщения выходят за пределы эмпирического опыта. Пираха не хранят пищу, не планируют больше, чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое.

Свои «мифы» индейцы излагают необычно. Эверетт замечает: «Пираха незнаком художественный вымысел. <...> у пираха все же есть истории, которые сплачивают людей, как и в любом другом обществе. Однако ...на момент рассказывания мифа должны быть живы его свидетели».⁷⁴

Можно ли в принципе назвать «мифами» те истории, которые создают основу культурного поля пираха? Безусловно, да, но это необычные мифы не прошлого, а настоящего, в котором индейцы «здесь и сейчас» реально существуют.

⁷² «Все на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только / У людей позором считается или пороком; / Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать [тайно]». – Ксенофан. Фрагменты // Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С.171.

⁷³ Ксенофан, Фрагменты, с.160—163.

⁷⁴ Эверетт Д. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016. С.145.

Эверетт с недоумением отмечает: «Однако если все мифы индейцев пираха должны передавать непосредственный опыт, то священные писания многих мировых религий – Библию, Коран, Веды – нельзя перевести на язык пираха, нельзя даже поговорить о них на этом языке, потому что в них рассказываются истории, которым нет живых свидетелей. Это главная причина, по которой вот уже почти три сотни лет миссионеры никак не могут изменить верования пираха».⁷⁵

Трудно представить, но у индейцев пираха нет космогонических мифов и нет народных сказок, есть только рассказы из повседневной жизни и простые бытовые беседы. Эверетт недоумевает, что у индейцев пираха нет представления о верховном божестве, боге-творце, что они не различают небо и землю, а для них – это «верхняя» и «нижняя» части единого мира, и все-ленная подобна слоеному пирогу: есть миры над небом и миры под землей.

Эверетт сообщает: «Обитателей других слоев также могут увидеть: эти существа пересекают верхнюю границу – спускаются с неба и ходят по джунглям. Пираха время от времени находят их следы. Иногда, если верить очевидцам, они видят и самих этих пришельцев – призрачные тени в темноте леса».⁷⁶

Для мифологов здесь нет ничего удивительного и нового, вполне традиционная космология для примитивных племен. Но у пираха нет ничего «сверхъестественного», ничего за пределами их маленького материального мира, в котором все рядом и «овеществлено». Эверетт подчеркивает: «Они верят в отдельных духов, но при этом верят, что встречаются их лично и регулярно».⁷⁷ Аборигены ежедневно общаются с «духами», которые могут быть материальными предметами, животными или людьми, а также нематериальными сущностями. У индейцев духи делятся на две группы – «с кровью» («ибиси») и бескровные («ибисихиаба»). Основные духи пираха – «каоаибоги» («быстрый рот»). Как отмечает Эверетт: «Этот дух приносит племени как добро, так и зло. Он может как убить, так и помочь советом – как захочет». Множество других духов имеют другие наименования, а их общее обозначение – «капио-иаи» («оно чужое»)⁷⁸.

Примерно раз в 7 лет (напоминаем, у пираха нет календаря) они меняют имя, потому что считают, что по прошествии времени каждый из них уже не тот, что раньше. Примечательно, что если индеец встречается духа, то дух может поменять человеку имя, потому что после этой встречи человек кардинально изменился.

Эверетт приводит очень характерный случай: «Часто в дождливые ночи над джунглями возле селения пираха разносится высокий пронзительный голос. Мне он напоминает какие-то потусторонние голоса, а индейцы в селении все как один считают, что это «каоаибоги» – быстрый рот. Этот голос дает советы жителям селения: что делать завтра, что угрожает им ночью (ягуары, другие духи, нападения соседних племен). <...> Как-то раз я решил сходить посмотреть на «каоаибоги». Я пошел от селения на голос, метров тридцать по подлеску. Оказалось, что пронзительный фальцет принадлежал Агаби (Xagabi) – индейцу из селения Пекиал (Peqial), который, как все знали, очень интересовался духами.

– Можно тебя записать? – спросил я; я не знал, как он среагирует, но имел основания предполагать, что не откажет.

– Давай, пожалуйста, ответил он немедленно своим обычным голосом. Я записал минут десять монолога «каоаибоги» и вернулся к себе.

Наутро я пошел к нему в дом и спросил:

– Скажи, Агаби, а почему ты разговаривал голосом «каоаибоги» ночью?

⁷⁵ Эверетт, Не спи, с.153.

⁷⁶ Эверетт, Не спи, с.141.

⁷⁷ Эверетт, Не спи, с.146.

⁷⁸ Эверетт, Не спи, с.148.

Он как будто удивился.

– А ночью был «каоаибоги»? Я не слышал. Меня и в селении не было». ⁷⁹

Еще более показательным был другой случай. Дэн Эверетт и его друг Питер Гордон, также изучавший племя пираха, были приглашены туземцем по имени Исаоои на вечернее «явление духа».

Дэн и Питер пришли в поселение индейцев, когда уже стемнело. На бревнах лицом к джунглям сидели индейцы.

Эверетт пишет: «Спустя некоторое время... мы с Питером услышали высокий голос и увидели, как из джунглей вышел мужчина в женской одежде. Это был Исаоои, одетый как одна недавно умершая женщина из племени. Он говорил фальцетом, чтобы показать речь женщины. На голове у него был платок, имитирующий длинные волосы, которые женщины в племени носят зачесанными назад. Одет он («она») был в платье.

Персонаж, воплощаемый Исаоои, говорил, как холодно и темно под землей, где женщина похоронена. Она рассказывала, каково это – умирать, как под землей она видит множество духов. Дух, «вызванный» Исаоои, говорил в ритме, который отличался от обычной речи на языке пираха, распределяя слоги в группы по два (двусложные стопы), а не по три (трехсложные), как в повседневной речи. <...> Через несколько минут мы снова услышали Исаоои – на сей раз он говорил низким грубым голосом. «Зрители» засмеялись. Сейчас появится всем знакомый проказливый дух. И вдруг Исаоои выпрыгнул из джунглей – голый, колотя по земле большим бревном. Стуча им по земле, он заговорил о том, как он побьет любого, кто встанет у него на пути, как он никого не боится...

Выходит, мы с Питером открыли театр пираха! Но, конечно, так это мог понять только я, чужак; сами индейцы никогда бы это зрелище так не назвали, несмотря на то что оно выполняло для них именно функцию театра. Для них это было явление духов. Они даже не обращались к Исаоои по имени – только по имени духов.

То, что нам показали – это не шаманизм, потому что у пираха не только один человек мог общаться с духами. Некоторые участвовали в представлении чаще других, но вообще говорить от лица духа таким образом мог любой мужчина в племени, и за годы, проведенные у пираха, я застал в этой роли почти каждого мужчину.

Наутро, когда мы с Питером попытались рассказать Исаоои, как нам понравилась встреча с духами, он, как и Агаби, заявил, что ничего об этом не знает и что его там вообще не было». ⁸⁰

Мы не будем анализировать комментарии Дэна Эверетта, неудавшегося миссионера, который сам оказался под сильным влиянием индейцев и стал атеистом. А потом, увлекшись исследованиями их языка, получил диплом лингвиста и стал известным профессором в этой области. Но даже если бы он был профессиональным антропологом или этнографом, мы все равно оценили бы только его трезвый исследовательский взгляд и постоянную память о том, что у индейцев совершенно необычное миропонимание, которое не перестанет его, западного человека, поражать и заставлять переоценивать многие, казалось бы, очевидные вещи.

Предлагаем комментарий с позиций нашей этно-энергетической концепции культуры. Во-первых, пираха находятся на мемориальной, завершающей стадии этногенеза. Относительно природной среды они находятся в состоянии гомеостаза. Можно сказать, что они живут как бы в «законсервированном» культурном поле, энергетически выродившемся, утеревшем многие прошлые культурные достижения. Об этом говорит поразительный факт того, что жизнь племени происходит исключительно в настоящем, с забвением прошлого и нежеланием предполагать будущее. Это яркий пример «конца истории» этноса.

⁷⁹ Эверетт, Не спи, с.149—150.

⁸⁰ Эверетт, Не спи, с.151—152.

Мир пираха настолько завершен для и них и удобен, что они в принципе не хотят получать никакой новой информации. Эверетт приводит случай, когда он хотел научить жителей селения элементарному арифметическому счету, который, в действительности, был им жизненно необходим, поскольку индейцы продавали рыбу речным торговцам и хотели быть уверены, что их не обманывают. Восемь месяцев вся семья Эверетт ежедневно проводила занятия (Дэниел и его жена Керен в роли учителей и их трое маленьких детей, трех, шести и девяти лет, в качестве учеников, наряду с индейцами). Все члены племени выразили желание учиться. И ни один индеец за восемь месяцев не научился считать даже до десяти!

Эверетт объясняет этот поразительный факт так: «... я считаю, что одним из важнейших факторов стало то, что они, в общем, не ценят знания бразильцев (и американцев тоже). И даже активно сопротивляются проникновению этой информации в их жизнь. Они спрашивают о чужих культурах в основном, чтобы посмеяться».⁸¹

При этом исследователь рассказывает об индейце Каабооги, который убил пантеру ружьем, подаренным Эвереттом. Значит, для усовершенствования навыков охоты индеец был способен овладеть ранее неизвестным для него оружием, а научиться считать до десяти не смог!

Эверетт выявил некий принцип непосредственного восприятия и переживания наличного момента, как единственного и неповторимого, но он не мог сам перестроить свое восприятие жизни по образцу миропонимания аборигенов. И бесконечно недоумевал, почему индеец «записывал» разные события дня на выданной ему (по его же просьбе бумаге) одними и теми же кружочками. А ведь для пираха каждый кружочек – другой; при этом если индейца просили нарисовать два полностью одинаковых знака, он не мог этого сделать.

Итак, пираха – на редкость самодостаточны в своем мире; они существуют в режиме максимальной экономии энергии и абсолютно невосприимчивы к любой новой *абстрактной* информации, не касающейся их непосредственно здесь и сейчас. Возможно, речь идет о некоем феномене почти полной «культурной амнезии», когда остается только некий комплекс полубессознательных приспособительных навыков в ограниченном мире, на фоне полустертых общих и смутных представлений о мире за пределами этнического ареала.

Как выяснили антропологи, пираха являются поздними наследниками целого ряда древних племен в своем регионе; они как бы осколок былого величия древних этносов. Но в полном соответствии с концепцией этногенеза, у пираха, как племени, находящемся в завершающей, «предсмертной» фазе этногенеза, как и предполагал Л. Н. Гумилев, «...по уходе пассионариев из популяции там остается много людей, еще больше вещей и некоторое количество идей. Так культура, как свет угасшей звезды, обманывает наблюдателя, принимающего видимое за существующее».⁸²

Соответственно, нельзя согласиться с А.Д.Кошелевым, обратившим внимание на язык пираха и считающим, что он находится в *начальной* стадии своего развития.⁸³ Наоборот, язык пираха – это выродившийся язык, и он «застыл» на этапе максимально возможной деградации, если учесть, что язык все-таки живой и отражает нынешний упадок этнической культуры. (При этом, учитывая взаимодействие пираха с другими племенами и все более тесные контакты с людьми современной западной цивилизации, вполне возможны неожиданные формы «оживления» этого этнокультурного поля, подпитываемого какими-то внешними энергиями.)

Во-вторых, нынешнее отсутствие религии и даже каких-то определенных шаманских культов говорит только о поразительной интеллектуальной скудности, остановке, а точнее, затянувшейся духовной дряхлости целого этноса, который, как древний старик, потерял

⁸¹ Эверетт, Не спи, с.131.

⁸² Гумилев, Этногенез, с.298.

⁸³ Кошелев А. Д. Пираха как пример языка, «застывшего» на начальной стадии эволюции// Эверетт Д. Не спи – кругом змеи! М.: ЯСК, 2016. С.341—378.

память о прошлом и мало-мальскую способность предвидеть будущее, концентрируя иссякающие силы на сиюминутных потребностях.

Эверетт прав, отмечая, что у пираха нет шаманизма; и с нашей точки зрения – это закономерно, потому что шаманизм (напомним, по Элиаде, «архаическая техника *экстаза*») принципиально невозможен у инертных и ограниченных представителей этноса, почти полностью исчерпавших свой энергетический ресурс, а главное – потерявших не то, что связь с богами, но даже память о них!

Антропологи обратили внимание на уникальную способность членов племени – не спать, фактически, сутками. Индейцам достаточно прикорнуть на 15—20 минут где придется, и потом они могут снова сутки не спать. (Судя по названию книги, Эверетт пытался найти рациональное объяснение этому феномену – боязнь змей. Но эта версия не выдерживает критики, поскольку повсюду в Амазонии множество змей, не говоря уже о Юго-Восточной Азии, Африке или Австралии, где змей тоже много, но подобные способности не встречаются у множества племен, ведущих примитивных образ жизни.) Ученых эта способность поразила настолько, что организованы специальные исследования, предполагающие, судя по всему, и специальный анализ работы мозга индейцев.

С точки зрения нашей концепции об определяющем значении эмоций для формирования и поддержания этнокультурного поля интересно отметить, что некоторые наблюдатели считают эту способность пираха (не спать и при этом сохранять здоровье и работоспособность) полным отсутствием отрицательных эмоций и умением сберечь эмоциональную энергию. Однако Эверетт описывает и нападение леопардов на людей (которое трудно представить без боли и стресса), и детское беззаботное веселье, и страхи жителей поселка перед возможным нападением вражеского племени... Иначе говоря, речь идет о наличии достаточного объема базовых и культурных эмоций для поддержания бытовой солидарности и устоявшегося образа жизни членов племени. Нет и намека на некое бесстрастное состояние, отдаленно напоминающее философскую «апатейю» древних греков, а есть все основания предполагать, что мы имеем дело с реликтом особых психологических практик, сохраненных в нынешней умирающей культуре бессознательно, как драгоценное свидетельство высоких достижений великих предков нынешних индейцев. Потому можно согласиться с тем, что индейцы умеют хорошо контролировать свое внутреннее состояние, сосредоточившись на сиюминутных проблемах, без воспоминаний о прошлом и волнений о будущем, к тому же поддерживая реальную гармонию во взаимоотношениях с природой. Современные психотерапевты и западных людей могут на время вводить в подобное «измененное состояние сознания», которое для индейцев является, на самом деле, единственно возможным в процессе выживания.

Понятно, что полное забвение своей истории и древних традиций и не может предполагать ни мифологии, ни религии, ни ритуалов, ни художественной культуры, ни реальных форм какого бы то ни было творчества в пределах данного культурного поля.

Жизнь примитивного племени пираха опровергает основы структурной типологии мифов, в которой, по мысли Клода Леви-Стросса, «мифологическая мысль не заботится о законченности: всегда остается что-то, что можно было бы дополнить. Как и ритуалы, мифы *бесконечны*».⁸⁴ У пираха и ритуалы, и мифы отсутствуют, потому что некогда они *закончились*, по крайней мере, в том смысле, как их понимают в традиционной этнографии и культурологии (как бесконечный творческий процесс). И если, с точки зрения структурной культурологии, это *невозможно*, с позиции нашей этно-энергетической концепции – закономерно. Поскольку в традиционной этнографии и культурологии заведомо предполагается, что *все* примитивные племена находятся на одном, *первоначальном* уровне существования, как бы задер-

⁸⁴ Леви-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: FreeFly, 2006. С.15 (курсив и разбивка слова К. Леви-Строса – В.К.).

жавшись в своем социокультурном развитии относительно цивилизаций; а в нашей концепции – различные племена, существующие параллельно современным цивилизациям и ведущие примитивный образ жизни, могут находиться в *разных фазах* своего собственного развития, в том числе, как пираха, – **в завершающей, мемориальной фазе**, когда *развития нет, а есть некое замершее во времени и пространстве полу- природное – полу- культурное существование*. И племя пираха, живущее на территории нынешней Бразилии, в амазонских джунглях, абсолютно выпадает из той структуры мифов, которая К. Леви-Стросом создавалась на основе «референтных» (по его определению) мифов племени Бороро, живущих в Центральной Бразилии и, по убеждению нашего исследователя, имеющих «особое положение в группе», что автора «побуждает к углубленной интерпретации, способствует возникновению проблем рефлексии». ⁸⁵

Однако реликты забытых верований и практик в некоем «культурном бессознательном» у пираха сохранились, и с нашей точки зрения, именно они заслуживают интерпретации и рефлексии. Так, по сообщению Эверетта, индеец пираха, увидевший необычный сон, который был для него путешествием в другую область реальности, проснувшись, стал петь о своем опыте во сне, используя особые тоны языка пираха, т.е. особую музыкальную речь. ⁸⁶ Так в вышеприведенных примерах Эверетта о духах и Агами и Исаоои, находясь в образах духов, говорили другими голосами и на особом языке. Очевидно, даже выродившись, развитый язык сохраняет «память» о различии сакрального и профанного опытов, характерного для всех культур.

Вера в «духов» и особая трактовка самого понятия «духа» полностью соответствует нашему рассмотрению формирования и функционирования представлений о «духах» в других этногенезах. У пираха сохранилось, видимо, по инерции, бессознательное представление о наличии «оборотной» стороны видимой реальности, а также о принципиальных формах взаимоотношения с ней. Во взглядах пираха совершенно явственно просматриваются и двойственность в понимании неразрывного единства между материальным и нематериальным («партиципация»); и «оборотничество», когда в любой вещи изначально усматривается ее способность менять и облик, и сущность. (Об этом подробнее см. в следующем параграфе о первобытной магии.)

Эверетт с полным недоумением описывает разговор индейцев, рассуждающих о том, является ли он, Эверетт, как белый человек, духом, и каким – с кровью или бескровным. Как понял исследователь, только после нескольких случаев, когда он поранился до крови, индейцы убедились, что он, если и дух, то «с кровью». Или в случае, когда он выкупался в реке, индейцы испугались, приняв его за другое существо.

«Превращение» мужчин племени в «духов» (заметим, их гендерное «преимущество», свидетельствующее, скорее всего, о древнем патриархальном устройстве племени) – это не только явственный «пережиток» шаманского ритуала, с одной стороны, но и вовсе классика архаического *доверия Иному* (а не веры!), с другой. Индеец, перевоплощаясь в «духа», и ведет себя, и говорит по-иному, как бы на это время «исчезая» как человек. Пираха не знают, откуда духи берутся, какова их природа, зачем они являются, почему бывают непредсказуемо добрыми или злыми, главное – что они *знают*, что духи есть, что они являются неотъемлемой частью жизни, и что не все они появляются из природы, а некоторые как бы «живут»

⁸⁵ Леви-Строс, Мифологии, с.12.

⁸⁶ Эверетт, Не спи, с.141—142. Здесь как раз имеет место проявление «скрытых свойств» мифологического мышления, которое определяет то, что, как совершенно справедливо отмечал К. Леви-Строс, проявляется в «... системе аксиом и постулатов, определяющих наилучший возможный код, способный придать общее значение бессознательным продуктам...» – Леви-Строс К. Мифологии, с. 21. Как известно, и упоминаемую книгу К. Леви-Строс создал в форме четырехчастной научной симфонии, выстраивая сюжеты индейских племен Бороро, Же, Оно и т. д. в соответствии со строгой музыкальной логикой (но уже не примитивного, а высокоинтеллектуального западного человека).

в людях. Характерно, что, находясь в образах «духов», индейцы говорят о будущем, описывают посмертное состояние (соединяют мир живых и мир мертвых), как бы «овеществляя» Тайну, которую в обычной жизни бессознательно принимают как должное, а главное – что именно Тайна связана и с прошлым, и с будущим, которых в повседневной жизни для них не существует.

Хочется даже позволить себе каламбур: духи- «каоаибоги» поддерживают тлеющую духовную жизнь забытого богами этноса пираха.

Да, Эверетт прав в том, что «театр духов» пираха отдаленно напоминает спиритические сеансы цивилизованных европейцев, однако, в отличие от индейцев, европейцы *верят* в некий отдельный загробный мир и возможность общения с его особыми обитателями. А индейцы пираха не разделяют миры, живя в них одновременно, наделяя все материальные и природные вещи «духовными» свойствами, и сами искренне считая себя способными перемещаться из мира в мир, естественно существуя в них обоих.

Вновь противореча положению К. Леви- Строса о том, что «мифология не несет определенной практической функции»⁸⁷, индейцы пираха миф не разделяют с обыденной жизнью, он для них – не продукт разумного творчества, а чувственно воспринимаемая и естественно принимаемая целостная реальность.

Индейцам пираха потому и не нужны ни мифы, ни фольклор. Они (как мечтали некоторые европейские мистики) обрели на излете существования своего этноса «вечное теперь» и натурально живут в выродившемся мифе, не подозревая об этом; и сами являются фольклорными персонажами, не представляя себе иного существования. Постоянно существуя в профанном мифе и полностью утерев миф сакральный, пираха неукоснительно сохраняют бессознательное благоговение перед вечной Тайной бытия, воспринимая ее как неотъемлемый элемент природных феноменов.

Таким образом, миф жизненно необходим любому этносу для его формирования и становления, играя ведущую роль в первых фазах развития этноса, а затем выполняя важные вспомогательные роли и функции на завершающих этапах его существования. При этом миф изначально и неотъемлемо включал «фактор X», некую сокровенную Тайну, передававшуюся в непрерывной сакральной традиции (шаманами, жрецами, тайноведами и т.п.), также отражавшуюся в народном фольклоре и быте, как неизбежное «чудо» окружающего мира, человеческой общности и каждой отдельной индивидуальности.

Живая мифологическая система племени догонов в свете этно- энергетической концепции

Миф – это машина для уничтожения времени.

К. Леви-Стросс

Обращаясь к проблеме начала человеческой культуры, мы пытались иллюстрировать наши теоретические положения примерами из древнейших мифологических систем. Но всегда остается большая вероятность того, что мы не избежим смешения реально тайного и профанного знания, сохранившихся в известных нам мифах.

В настоящее время существуют кардинально новые возможности осмысления мифов, которых не было у мифологов XIX и XX вв., вынужденно изучавших «остатки» /«пережитки» сильно трансформированных за века и тысячелетия древних мифологий. Современные мифологи получили доступ к истокам живой примитивной мифологии, благодаря успешно развивавшейся культур- антропологии и антропологии в целом, начиная с начала XX в., а главное – междисциплинарному взаимодействию ученых. Серьезному интересу профессиональных аст-

⁸⁷ К. Леви-Стросс продолжает мысль: «...она не имеет непосредственного отношения к отличной от нее и более объективной реальности, порядок которой она воспроизводила бы в разуме». – Леви-Стросс, Мифологии, с.19.

рономов, биологов, физиологов, психологов, наконец, философов – к данным антропологов, историков и археологов.

Подлинной сенсацией стало обнаружение в XX в. в Африке племени догонов (проживающих ныне в отдаленной горной местности Бандиагара в Мали и неподалеку от Тимбукту в Буркина Фасо). В сохранившихся преданиях догонов (относимых учеными к X-XI вв.), когда их племя еще жило в верховьях реки Нигер, в местности Манен (на территории нынешнего Судана), излагались подробные сведения о том, что их посетили некие существа, похожие на земноводных, – «Номмо», прибывшие из системы Сириуса.

Примитивное племя, до сих пор не имеющее развитых орудий труда и письменности, оказалось поразительно осведомлено о системе Сириуса. Номмо, главный герой мифов догонов (а также собирательное обозначение инопланетных существ), прибыл для того, чтобы создать цивилизацию на Земле.

Впервые об уникальных знаниях догонов и их невероятных мифах написали французские антропологи Марсель Гриоль и Жермена Дитерлен, Марсель Гриоль приехал в Бандиагару в составе Транссуданской экспедиции, но его интересовали, главным образом, африканские ритуальные маски, которые он начал изучать одним из первых европейцев. Гриоль подробно расспрашивал аборигенов о значении цвета, декора, орнамента на масках, подружившись со многими знатоками древних обычаев и жрецами – Манда из Оросонго и Номмо из Нандули. Свои отношения с ними Гриоль называл сердечными, потому неудивительно, что после вынужденного перерыва в общении в связи со Второй мировой войной, их новая встреча прошла чрезвычайно тепло. Старые друзья- догоны были так рады видеть ученого, что оказали ему редкие почести и даже решили посвятить в самую сокровенную тайну – миф о сотворении мира.

Решение было принято верховными жрецами и патриархами родов, и догоны выполняли посвящение больше месяца. Тридцать три дня шла только предварительная подготовка.

Поскольку у догонов нет письменности, информация передается устно, с использованием тысячи вспомогательных знаков, с каждым из которых связаны образы, метафоры, сравнения. Зачастую слово в мифе имеет несколько иное значение, чем в обиходном языке. В рассказе нельзя менять ни единого слова, ни одного звука, поскольку это может нарушить цельность изложения и его смысл.

Ежедневно после многочасового сеанса обучения таинственным знакам мифа учитель- догон приходил на совет старейшин и сообщал об успехах белых учеников, Гриоля и его верной спутницы Жермены Дитерлен. На тридцать четвертый день Гриоль услышал наконец «светлое слово» – сущность догонского мифа. Вместе со своей ученицей Гриоль записывал понятию им фабулу мифа, который оказался чрезвычайно сложным и по содержанию, и по подаче информации. Этнографам, не искушенным в тонкостях современных естественных наук, в первую очередь, в астрономии, пришлось серьезно потрудиться, чтобы сопоставить знания догонов с современными представлениями о мире.

При жизни Гриоль успел опубликовать только одно краткое сообщение о догонской концепции мироздания⁸⁸ и работы по этнографическому изучению культуры догонов, включая монографию, посвященную его изначальному увлечению – ритуальным маскам⁸⁹. В 1956 г. ученый умер во время очередной экспедиции в страну догонов.

Жители области Санга, где работал Гриоль, воздали ему наивысшие почести, которых не заслужил ни один европеец: его памяти была посвящена самая главная и торжественная церемония похоронного обряда – снятие траура, «дама-на», означающая «большой запрет».

⁸⁸ Griaule, M., Dieterlen, G. Un Systeme Soudanais de Sirius //Journal de la Societe des Africanistes. T. XX. Fascicule 1, 1950. P. 273—294.

⁸⁹ Griaule, M. Masques Dogons. P.,1938.

Обряд предполагал наложение целого ряда табу на членов племени – не производить некоторые работы, не употреблять некоторые продукты в пищу и т. д. Подготовка к церемонии похорон проходила больше месяца, в ней участвовало все племя. В назначенный день, надев траурные маски и традиционные одеяния, посвященные начали похоронный танец, отправившись от деревни в скалы, к священной громадной глыбе – «Амма гину», «Дому бога». Здесь, перед алтарем, всю ночь продолжалась священная пляска, присутствовать на которой могли только члены мужского братства племени. Так догоны провожали душу ученого к Амма, высшую тайну которого они открыли другу-европейцу. На следующий день танцоры вернулись в деревню, где начался пир, и пляски продолжились до вечера. В конце дня танцоры вновь прошли вдоль деревни, поливая землю просяным пивом и посыпая зерном, и устремились к южной околице деревни. Все жители принимали участие в окончательном действе: каждый держал в руках глиняный черепок. Под бой барабанов все как можно дальше зашвырнули свои черепки, веря в то, что духи догонов живут где-то далеко на юге. Так душа Гриоля переселилась в дом бога, а перед капищем всю ночь стоял горшок с просяным бульоном и кувшин пива...

Работы Гриоля в среде антропологов не вызывали особого интереса. Так информация о догонах и оставалась незамеченной, пока упомянутая выше статья «Суданская система Сириуса» случайно не попала в руки английского астронома Мак-Гри, который поразился тому факту, что примитивное африканское племя знает о звезде Сириус-В, открытой только в 1862!⁹⁰

После смерти антрополога его ученица и спутница Дитерлен подготовила к печати первый том собранных Гриолем этнографических материалов. Книга под названием «Бледный лис» увидела свет в 1965 г. на французском языке и в переводе на английский⁹¹. Спустя два года английский писатель У. Дрейк в своей книге «Пришельцы на Древнем Востоке» (Лондон, 1967) обратил внимание на точное знание догонами параметров звезды Сириус.

К сожалению, Гриоль не дождал до широкого признания своих исследований о догонах и унес в могилу многие тайные сведения, полученные им во время жреческого посвящения. Сейчас его черновые записи к книге и полевые заметки являются объектом информационной охоты, поскольку современным исследователям стало известно, что жрецы догонов упорно хранят тайну некой пещеры, в которой находятся не только неизвестные рисунки с новой информацией от Учителей, но и некие «вещественные доказательства» контактов...

Мифы догонов передаются устно, при этом в них четко различаются два уровня: сакральные и профанные.

Сакральные, тайные знания, в форме особых мифов, сохраняются жрецами и неизвестны обычным членам племени. Именно эти тайные знания были впервые обнародованы Гриолем, который стал первым посвященным в них европейцем (и кстати, им самим эти знания были не вполне оценены, т.к. этнограф плохо разбирался в астрономии). Однако с конца XX в. знания догонов вызывают острый интерес у современных ученых, поскольку касаются устройства звездных систем, мироздания в целом, происхождения людей от неких «прародителей», прибывших в ковчеге вместе с Номмо.

Профанные мифы догонов мало чем отличаются от фольклора многих африканских племен. Так, происхождение догонов в них связано с тотемом – «бледным лисом», маленьким светло-рыжим зверьком, который водится в догонских горах (в научной классификации – африканская лисица, *Vulpes pallida*). В народных мифах считается, что в древности бледный лис умел говорить на языке «сиги-со» и поведал догонам их мифы.

⁹⁰ Впервые астрономы получили научные сведения о том, что Сириус является бинарной системой, в 1844 г., а в 1862 г. английский астроном Алван Кларк увидел ее в телескоп.

⁹¹ Griaule, Marcel and Dieterlen, Germaine. *Le renard pale: Le mythe cosmogonique*. Paris: Institute d'Ethnologie, 1965. (Griaule M., Dieterlen G. *The Pale Fox*. Trans. from the French by Stephen C. Infantino. Continuum Foundation (USA), 1965.)

Налицо категорическое различие двух уровней миропонимания и мировосприятия, которое, тем не менее, сохраняется как минимум в течение тысячелетия. Однако насколько оно осознавалось этнографами в середине XX в.? Упомянутая прижизненная статья Гриоля затрагивала проблему Сириуса, а книга «Бледный Лис», подготовленная Дитерлен, названа именем догонского тотема. Наблюдается явный мифологический конфликт, поскольку мифы, которые излагаются в книге – фрагменты тайного знания, к которому лис – земное животное если имело, то весьма опосредованное отношение. Как странно, что Дитерлен, вместе с Гриолем проходившая (или, по крайней мере, наблюдавшая) жреческую подготовку, не уловила этого мифологического диссонанса. Правда, судя по всему, собственно жреческое посвящение прошел только один Гриоль...

Отдавая дань признательности отечественным ученым, разработавшим концепцию первопредков и культурных родоначальников (Е.М.Мелетинский), мы должны подчеркнуть, что категорически не согласны с советской концепцией эволюции мифа. В частности, наше понимание трансформации мифов догонов – от космических жреческих мифов к тотемическим профанным категорически противоречит концепции, например, Е.С.Котляр, которая считала тотемические мифы – наиболее архаичными, а жреческие – позднейшими.

Попробуем сформулировать наше понимание *значения догонских мифов* для современной культурологии, философии мифа и этногенеза.

Во-первых, для нас очевидно, что жреческие мифы были получены «в готовом виде» и задача тайных обществ, с древности до наших дней, – сохранить в неприкосновенности полученные знания. Как подчеркивала Ж. Дитерлен, мифы не только догонов, но и племени бамбара должно понимать как «знание», а не как ряд «этиологических» рассказов.⁹² Е. Котляр сама указывает на особенность мифов племени бамбара (как сегодня установлено, близких к мифологии догонов): «Это „знание“, в полном объеме, – привилегия членов общества Коре, последнего в цепочке из шести тайных обществ бамбара, представляющего высшую стадию посвящения».⁹³ А что же остальные члены племени, каковых всегда большинство? Они интерпретируют (или им преподносят) некоторые фрагменты жреческих знаний в доступной форме, где и появляются вполне понятные фольклорные персонажи, которые в простонародном понимании и являются тотемами.

Е. Котляр писала: «Тотемические верования являются, вероятно, наиболее архаичным слоем мифологических и религиозных представлений, а тотемические предки выступают как одна из древнейших разновидностей культурного героя».⁹⁴ И далее: «Тотемизм как первая форма осознания родства в человеческом коллективе путем перенесения социально-родовых отношений на мир животных возникает еще на почве примитивного охотничье-собирацкого хозяйства. В период развития отцовско-родового строя, с осознанием кровного родства, тотемизм, лишившись своей почвы, постепенно отмирает».⁹⁵

С нашей точки зрения, «взрыв» примитивной культуры в процессе Контакта – это начальный этап формирования жреческой мифологии, где осознание невероятности Учителей никак не может привести их к мысли о сопоставлении первопредков с какими-то земными животными. В позднейших интерпретациях жреческих мифов первопредки догонов предстают скорее похожими на дельфинов или ламантинов, неких существ, живущих в воде, но громадных размеров. Кстати, в широко известных сегодня догонских культовых танцах некоторые участники, изображающие первопредков, становятся на ходули, чтобы показать, насколько высоки ростом они были.

⁹² Dieterlen G. Essai sur la religion Bambara. P., 1951, p. 1.

⁹³ Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. / Отв. ред Е.М.Мелетинский. М.: Наука. 1975. С.124.

⁹⁴ Котляр, Миф, с.15.

⁹⁵ Котляр, Миф, с.15.

Образ Лиса чрезвычайно характерен для профанной мифологии догонов – народного фольклора (сказок, басен, поговорок и т.п.) Возможно, у догонов и существует праздник «Бледного Лиса», на котором участники ходят на четвереньках и подражают повадкам и голосу тотема, но о подобном празднике никто из современных исследователей не упоминает. В любом случае, он не является основным для космологических мифов догонов. Хотя, справедливости ради нужно сказать, что марксистско-ленинская идеология, конечно, никогда не могла допустить, чтобы жреческое знание было признано более совершенным, чем народное творчество. И советские этнографы, даже если у некоторых из них и было собственное мнение, не могли его высказать и рисковать своей карьерой и, может быть, даже жизнью (если учесть трагические судьбы ученых, открыто высказывавших суждения, не согласующиеся с советской идеологией. Достаточно напомнить о судьбах Л.Н.Гумилева и А.Ф.Лосева, проводивших годы в лагерях за свои убеждения.)

Во-вторых, советская идеология предполагала неуклонный социокультурный прогресс в развитии африканских племен – от дикости к социализму (поступательно по ступеням общественно-экономических формаций).

В нашей концепции признаётся *не эволюция, а деволуция* в исторической трансформации социокультурной жизни этносов, в том числе, африканских. Этногенез, рассматривая этнос как динамическую неравновесную систему, предполагает неизбежную *энтропию* изначального энергетического заряда, полученного при этно-пассионарном «взрыве».

Согласно концепции о фазах этногенеза, догоны, скорее всего, в настоящее время находятся в состоянии надлома и упадка. Есть основания предполагать, что переселения догонов были связаны, кроме всего прочего, и со сменой фаз этногенеза: после акматической фазы, проходившей на территории Судана, в фазу надлома племя переселилось на нынешнюю территорию, в Мали, сохраняя в неприкосновенности древние знания. Возможно, в этой суровой, но отдаленной местности, племя способно успешно пережить долгую обскурацию, войти в устойчивое состояние гомеостаза и долго существовать в мемориальной фазе. (Как мы видели выше, индейцы пираха в своем удобном природно-культурном ареале успешно проходят длительный процесс декультурации.)

Из Судана догоны пришли в Мали примерно между X и XIII веками, принеся с собой главный алтарь, посвященный их непосредственному предку – Лебе, а также сохраняя свои странные обычаи, верования и искусство. Заметим, что пещеру с древнейшими сокровищами и артефактами они оставили на предыдущей родине.

Племя догонов, безусловно, стояло в древности на более высокой ступени развития. Туземцы подарили ученым, которые сегодня их досконально изучают, множество артефактов (уникальные орудия труда, необычные статуэтки из камня, кости и дерева, возраст которых, как оказалось, не менее 4000 лет).

В статье «Суданская система Ситриуса» Гриоль и Дитерлен описывали случай, когда в деревне Иби они были приглашены в пещеру, в которой хранились ритуальные маски *канага*. Оказалось, что у догонов существует традиция вырезать одну из таких масок для каждой церемонии Сигуи, которые проходят каждые 60 лет и посвящены системе Сириуса. Шел 1931 год, в пещере было 9 масок, три из которых были покрыты настолько плотным слоем пыли, что резьба на них едва угадывалась. Несложный подсчет показал, что первая из масок употреблялась на церемонии в XIII в.

В своей лекции 1970 г. Жермена Дитерлен ссылалась на свидетельство одного из старейших членов племени догонов, который поведал ей о том, что участвовал в трех церемониях Сигуи: наиболее поздняя состоялась в 1969 г., предыдущая была примерно в 1909, а первой

для него была церемония примерно 1849 г.⁹⁶ При этом, старик заметил, что его присутствие на самой ранней церемонии состоялось, когда он был еще во чреве своей матери...⁹⁷

(Роберт Темпл также приводит несколько методов подсчета церемоний Сиги: по маскам, как и у Дитерлен; по рисунку на фасаде святилища, которое называется «сиги лугу» – «вычисление Сиги»; по емкостям для ритуального пива, сплетенным из баобабовых волокон, хранящихся в резиденции Огона района Санга. Подсчет Темпла не расходится с данными Дитерлен: древнейшая из известных церемоний относится примерно к XII столетию⁹⁸, но в традиции считается, что древнейшие маски, рисунки и емкости не сохранились, и, в действительности, первые церемонии Сигуи/Сиги проходили примерно в начале нашей эры.)

Безусловно, речь в нашем случае идет о конкретном догонском племени, которое в своем этногенезе прошло период расцвета и исторической возраст которого может составлять примерно 700—900 лет. (Как известно, по Л.Н.Гумилеву, предельный возраст этноса составляет примерно 1700—1800 лет, правда, возможны варианты, если этнос получает дополнительную энергетическую «подпитку», например, становится частью химеры или суперэтноса...) Но необходимо учитывать, что в мифах догонов упоминается о разделении догонских племен еще самими первопредками и их древнейших расселениях, которые означали не акматические фазы, а последующие этнические «взрывы», определявшиеся племенными пассионариями или отдельными первопредками. А значит у некоторых догонских племен, доживших до наших дней, может быть значительно более длительная и нелинейная история.

Роберт Темпл в своей книге «Мистерия Сириуса» утверждал, что смог доказать, что информация, которой обладают туземцы племени догонов, очень древнего происхождения – ей больше 5 тысяч лет и ею располагали древние египтяне в додинастический период, т.е. до 3200 года до Р. Х. Если принимать во внимание подобные расчеты, то речь должна идти о предках нынешних догонов, успешно передавших через тысячелетия свои уникальные знания.

В-третьих, советские этнографы, как и подавляющее большинство нынешних мифологов, рассматривают все догонские мифы как плод народного творчества. С нашей точки зрения, сакральные догонские мифы получены аборигенами «в готовом виде», и задача жрецов сразу была связана с сохранением знаний, которые они сами постигали, возможно, не один век. И хотя этнографы упоминают некое до сих пор тайное «знание» догонов, но его подлинную цену они не знают.

Не удивительно, что уникальные жреческие знания догонов потрясли астрономов, а вслед за ними – и других ученых в различных областях естественных наук. Именно эти поклонники догонов, далекие от этнографии и мифологии, пытаются доказать уже в течение полувека, что догонские древнейшие знания – не выдумки дикарей, а свидетельства палеоконтактов или сохранившиеся достижения древнейших и неизвестных нам цивилизаций. Закономерно, что наиболее современную и научно обоснованную интерпретацию космологических мифов догонов дал не этнограф, а профессиональный астроном Эрик Геррье.⁹⁹

В-четвертых, этнографы не слишком выделяют догонов из ряда родственных им племен, ориентируясь, в первую очередь, на лингвострановедческие данные и, так сказать, изобразительное искусство.

«Многие исследователи справедливо называют Африку классической страной культа предков. Действительно, эти представления получили здесь очень широкое распространение»

⁹⁶ Нужно иметь в виду поправку на особенности бытового календаря догонов, а на самом деле у них четыре календарные системы.

⁹⁷ Dieterlen G. Les Ceremonies Soixantennaires du Sigui chez les Dogon// Africa. Journal of the International African Institute. Vol. XLI, No.1.

⁹⁸ Темпл Р. Мистерия Сириуса. Они пришли из космоса 5000 лет назад. М.: ЭКСМО, 2005. С.346.

⁹⁹ Guerrier, Eric. La cosmogonie des Dogon. L'arche du Nommo. P., 1975.

ние, и центральным мифологическим персонажем у многих народов Тропической и Южной Африки является предок – демиург, прародитель, культурный герой».¹⁰⁰

Однако этнографы, не различающие народные сказки и фрагменты жреческого знания, а главное – не способные сопоставить «знание» догонов с современными научными сведениями в различных областях, – этнографы сегодня могут только предоставить объективные сведения о затерянном племени догонов для дальнейшей их обработки представителями других научных дисциплин. Можно бесконечно обсуждать проблемы влияний и взаимовлияний африканских племен и на этом уровне догоны, конечно, не будут слишком выделяться.¹⁰¹ Но с точки зрения того, что они обладают уникальными знаниями и некой способностью до сих пор общаться (?!) с первопредками, – догоны, безусловно, племя феноменальное.

Остается без ответа острый вопрос: почему жрецы догонов допустили к тайным знаниям Гриоля и позволяют современным ученым уточнять ту информацию, которую Гриоль и его помощница обнародовали в своих статьях и публикациях. Известно, что далеко не все члены племени допущены к этим знаниям. У догонов мифы могут рассказывать только члены Ава – общества масок – олубару, прошедшие специальную подготовку и знающие особый «язык Сиги» – «сиги со».

Можно предположить, что догонским жрецам это позволили их «кураторы» с Сириуса, а можно решить, что жрецы сами прониклись доверием к современным ученым, полагая, что они, в отличие от их неграмотных соплеменников, смогут адекватно оценить и применить сохраняемые и передаваемые ими по традиции знания, важные для всех людей. (Напомним, что только в XX в. племена догонов, жившие в отдаленной и неблагоприятной местности, впервые столкнулись с французскими колонизаторами и развитой европейской культурой.)

Некоторые современные этнографы – критики Гриоля, якобы прошедшие по его стопам и даже общавшиеся с его информантами, включая жреца Оготемелли, вовсе отвергают сведения Гриоля и пытаются доказать, что он слишком вольно интерпретировал древние мифы. Главный аргумент: им ничего подобного догоны не сообщали! При этом эти этнографы не упоминают, прошли ли они ту двухмесячную подготовку перед получением жреческого знания, которую прошел Гриоль со своей сотрудницей; известна ли им в подробностях система жреческих мнемонических знаков и их значений, – иначе говоря, – прошли ли они ПОСВЯЩЕНИЕ в жреческую науку догонов.

Для мифологов совершенно очевидно, что этнографы, записывающие профанные сказки примитивных племен, в том числе, о звездных пришельцах, в отличие от Гриоля, не обратили бы никакого внимания на уникальные сведения догонов. Не говоря о том, что вряд ли кто из них был бы допущен к сакральным знаниям по своим человеческим качествам. Жрецы, как

¹⁰⁰ Котляр, Миф, с.46—47.

¹⁰¹ Яркий пример, подтверждающий нашу мысль о том, что современные исследователи культуры Африки зачастую поверхностно воспринимают наследие древних племен, мы находим в работе известного французского путешественника и знатока древнейших наскальных рисунков в Сахаре – Анри Лота. Путешествуя по суданской саванне, в непосредственной близости от Бандиагары, он интересовался не догонами, а племенами-скотоводами фульбе (сраженный поразительной красотой женщин племени) и их древними росписями Тассили. (Кстати, именно из-за вражды с фульбе догоны были вынуждены переселиться из Судана. А Лот мог ими не заинтересоваться еще потому, что он изучал кочевых скотоводов, а догоны – земледельцы.) На выставке копий древних росписей Лот встретился с Жерменой Дитерлен, сотрудницей М. Гриоля, которая также интересовалась племенем фульбе. Они обсуждали древние изображения быков. И только благодаря спутнику Дитерлен, воспитанному в племени фульбе-бороро, Анри Лот выяснил, что на росписи изображен обряд *лотори*, посвященный быкам, и впервые услышал фольклорный миф о том, что быки вышли когда-то из воды к семье пастуха и стали домашними животными. Но для нас совершенно очевидно, что быки, далеко не водные животные, в народных представлениях символизируют древнейших прапредков – водных гигантов, память о которых сохранилась в жреческих мифах догонов. Но Дитерлен почему-то Лоту об этом не рассказала. . . – Лот А. К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре. Ленинград: Искуство, 1984. С. 115—116. При этом необходимо подчеркнуть, что именно А. Лот одним из первых выдвинул смелое предположение о палеоконтактах: на древних рисунках он выделил «круглоголовых» существ, которых считал древними пришельцами. Именно экспедиция Лота обнаружила в глубокой пещере гигантскую фреску (6 метров), на которой, по мнению Лота, был изображен «Великий Марсианский Бог».

правило, являются прекрасными психологами и никогда не доверят свои тайны недостойным или недалеким слушателям.

Известные сегодня рисунки и некоторые комментарии догонских жрецов, очевидно, относятся к современному пласту профанного знания (уже включающего в себя некоторые эзотерические сведения), предназначенного для развития в европейской науке. Ведь догонским жрецам тоже, со своей стороны, интересно обсудить хранимую ими информацию с просвещенными европейцами...

Какие же мифологические знания догонов поразили современных ученых?

Догонам были даны уникальные астрономические знания (о системе Сириуса, нашей галактике – Млечный путь, о других спиральных звездных мирах во Вселенной), которые потрясли современных ученых¹⁰². Спиральные туманности, демонстрируемые в древних рисунках догонов, были зарисованы на основе астрономических исследований ученым У. Россом только в середине XIX в. Также догоны знают о вращении нашей Галактики (доказанном в науке в 1927 г.), и о ее спиральной форме (известной ученым с 1950 г.). Не говоря о том, что они подробно рассказывают о строении системы Сириуса...

Как уже упоминалось, даже далекий от астрономии этнограф Гриоль поразился тому, что догоны знали удивительные подробности о звезде Сириус (для любого этнографа известной по египетской мифологии), о том, что это не одна звезда, а система звезд!

Примечателен тот факт, что племя догонов живет в том районе Африки, где звезда Сириус исчезает подолгу за горизонтом и оказывается вне поля зрения на несколько месяцев. Увидеть Сириус-А на небе можно только 23 июля точно над горизонтом, фактически, только на мгновение, за 60 секунд до восхода Солнца.

(Египтяне, как известно, постоянно наблюдали Сириус на небосклоне, к его восходу и перемещениям приурочивая конкретные земледельческие работы. Традиционным этнографам и мифологам было нетрудно объяснить некоторые (но далеко не все!) астрономические знания египтян. Можно заметить также, что и у протоиранцев среди древних авестийских богов Тиштрай, победитель демона засухи, был божеством звезды Сириус.¹⁰³)

Обнаружить Сириус-В на земном небе невозможно, тем более – определить его цвет, вычислить период обращения и плотность без астрономических приборов... Кстати, примитивное племя всегда считало Сириус тройной звездой, а не двойной, как современные астрономы¹⁰⁴. По представлениям догонов, вокруг главной звезды «сиги толо» (т. е. Сириус-А) вращаются звезды «по толо» (т. е. Сириус-В) и «эмме йа толо» (неизвестный науке Сириус-С). Догоны полагают, что период обращения мелких звезд вокруг главной составляет 50 лет (по современным данным 49,9). Более того, по мнению догонов, у неизвестной нам звезды Сириус-С есть еще две планеты-спутника – «ара толо» и «йу толо». И даже с помощью современной астрономической техники, обнаружившей сотни экзопланет, эту информацию догонов пока проверить невозможно.

Догоны рассказали ученым, что Сириус-В – очень старая и маленькая звезда, обладающая огромным весом и плотностью. Они говорят: «Она самая маленькая и самая тяжелая из всех звезд и состоит из металла, называемого «саголу», который более блестящий, чем железо и такой тяжелый, что все земные существа, объединившись, не смогли бы поднять и частицу...». В другом месте мифа они уточняют: «частица саголу размерами с зерно проса весит столько же, сколько весят 480 ослиных вьюков». (По современным представлениям, около 35 тонн. Астрономы считают Сириус-В белым карликом, т.е. потухшей звездой, плот-

¹⁰² Скрэнтон Л. Тайные знания догонов об истоках человечества. М.: Рипол Классик, 2009.

¹⁰³ Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб. Азбука-Классика; Петербургское востоковедение, 2003. С. 25.

¹⁰⁴ Исследователь догонских мифов Владимир Рябцев заметил, что имя бога Тиштрай, олицетворявшего у древних иранцев Сириус, происходит от индоевропейского термина, означавшего «три звезды»..

ность вещества в которой 1,5 миллиона тонн на кубический дюйм, или 50 тонн в кубическом сантиметре)

На одном рисунке догонов показана точная модель движения Сириуса -В вокруг Сириуса-А в определенный отрезок времени – с 1912 по 1990 гг. (ученые сделали свой расчет на компьютере)

На рисунках догоны изображают планеты Солнечной системы: Юпитер как кружок, рядом с которым четыре маленьких кружка (основные спутники), а Сатурн – две концентрические окружности (большие кольца планеты).

Траекторию полета первопредков из системы Сириуса к Земле современные исследователи обнаружили на одном из древних рисунков на стене известной пещеры в Бандиагаре (к тайной пещере, расположенной, скорее всего, в Судане, как мы упоминали, нынешние исследователи еще не добрались). А звездную систему Сириуса сегодня простодушно описывают аборигены, рисуя его модель палкой на песке,

Они рассказывают, что Земля вращается вокруг себя и, кроме того, проходит большой мировой круг, как волчок. Солнце вращается вокруг своей оси, как бы приводимое в действие спиральной пружины (при этом, они не могут объяснить, что такое спиральная пружина).

Некоторые этнографы, критикуя М. Гриоля, замечают, что у многих народов существуют космологические знания. Но обратим внимание на то, что эти «знания» являются элементами фольклора; в наших терминах, фрагменты тайного жреческого знания «вкраплены» в профанное знание племени.

Для сравнения с догонскими знаниями приведем некоторые представления чукчей. Так, В.Г.Богораз-Тан в своей книге о чукчах приводит их рисунки звездного неба. На одном из них довольно точно изображены положения звезд и созвездий относительно Млечного Пути, который чукчи называют «Песчаной рекой», – Полярная звезда, созвездия Близнецов, Рыси, Большой Медведицы, Орла, Ориона, Плеяд и др. Один из рисунков поразительно похож на догонский рисунок, изображающий звездную систему. Однако чукчи изображают наш мир, вписанный в систему нижнего и верхнего мир, как средний мир в центре концентрических кругов. Богораз-Тан так описывает чукотский рисунок, изображающий вселенную. «Наша вселенная – средний круг. Полярная звезда, конечно, помещена в центре. Слева – солнце и месяц. Последний изображен в виде человека, держащего в руках аркан, возле него стоят два пленника. Между солнцем и месяцем видны звезды. . . Под месяцем помещена черная гора Мрака. У подножия ее стоит землянка, принадлежащая духам. . .».¹⁰⁵

Характерно, что в догонской жреческой знаковой системе изображения условны и астрономические объекты не антропоморфны, а в чукотской «профанированной» версии мироздания и рисунки и пояснения приближены к обыденным представлениям.

Еще одно наглядное различие между поразительной догонской космогонией и профанированной чукотской. Богораз-Тан отмечает: «По космогоническим представлениям чукч существует несколько миров, расположенных один над другим, так что земля одного является небом другого, находящегося ниже. Количество миров – пять, семь или девять. Эти миры расположены в равном количестве над и под землей, каждому верхнему соответствует симметричный нижний».¹⁰⁶

Как мы видели, жреческое знание догонов вполне адекватно современным научным представлениям о звездных системах, звездах и планетах, громадных расстояниях между ними, соотношении звезд между собой и т. д.

При этом, у чукчей даже в профанных мифах сохраняются основные идеи, явно относящиеся к древнейшим представлениям, полученным «в готовом виде» от неких первопредков:

¹⁰⁵ Богораз-Тан В. Чукчи. Религия. Ч.2. Авториз. пер. с англ. Л., 1939. С. 17.

¹⁰⁶ Богораз-Тан, Чукчи, с.23.

представление об иерархии вселенной и земного устройства, об опасностях нарушить древние табу, о необходимости изменять природное окружение для создания культурной среды... Наряду с откровенно профанными мифами о том, что в верхние миры можно проникнуть через общий проход, находящийся под Полярной звездой, или долететь на орле или громовой птице, или просто дойти пешком по направлению к рассвету, – существуют и другие космогонические, явно не выдуманные, а просто примитивно перетолкованные. «Многие созвездия считаются особыми мирами, с особым населением, или они являются местом обитания Верховного существа, которое пасет на них свои огромные стада оленей».¹⁰⁷

Сравнение догонской и чукотской космологий – это очевидное различие между жреческой наукой и профанными представлениями, включавшими только элементы тайного знания.

Кроме космологии, догоны хорошо знают физиологию человека, рассказывают о красных и белых кровяных тельцах. Первопредки передали догонам культурное растение «фонию», вид проса (научное название «*Digitaria exilis*»), которое до сих пор произрастает исключительно в Западной Африке. Несмотря на то, что зерна растения чрезвычайно малы, его выращивают в значительных количествах и почитают как основу традиционного рациона питания. (Так мясоамериканским предкам Учителя подарили кукурузу, растение, у которого также не существует дикого предка на Земле).

Современные ученые выяснили, что догоны располагают знаниями в области молекулярной биологии, ядерной физики и многих других наук. Но воспользоваться этими знаниями они не могут.

На вопрос ученых об источнике их знаний, догоны указывают на рисунок, изображающий летающую тарелку, приземляющуюся на три опоры. На следующем рисунке – существа внутри корабля. Далее нарисовано, как они делают большую яму, заполняют ее водой и, выбираясь из корабля, перемещаются в это искусственное озеро.

Посланцы с небес были необычайно высокого роста, напоминая дельфинов или ламантинов, могли дышать только в воде, потому на суше носили скафандры, наполненные жидкостью. Догоны называли пришельцев «номмо», что в переводе означает «выпить воды», а «*Nommo anagonno*» – «рыба».

Небезынтересен и этногенетический (генеалогический) миф догонов. Когда-то они жили в некоей Стране манде и являлись потомками легендарного Лебе (Лебе Серу), который произошел от первопредков номмо (он был одним из восьми предков догонов – четырех мужчин и их четырех женских близнецов). Лебе дал жизнь двум сыновьям. От старшего произошло племя догонов (родовые группы дьон, домно, оно), а младший стал основателем племени ару.

Когда Лебе умер, догоны опустили его труп в землю, а перед уходом из Страны манде решили взять с собой его останки. Но когда вскрыли могилу, то обнаружили, что Лебе воскрес в виде змеи. Догоны, захватив с собой немного земли с могилы, отправились подземным путем под предводительством змеи, и оказались в Мали.

Наряду с этой версией происхождения догонов, существуют и другие, связанные с палеоконтактами. Вначале на Землю прибыл «Бледный Лис» Йуругу. Причем существует рисунок, изображающий его «полет» от Сириуса к Солнцу, на котором Солнце значительно меньшего размера. (Этот же рисунок простодушно чертил абориген палкой на песке перед современными учеными: условные изображения Солнца и Сириуса, соединенных кривой, закручивающейся вокруг каждого из светил, причем диаметр Сириуса превышает диаметр Солнца. В своей книге «Эссе на тему догонской космогонии: ковчег Номмо» астроном Эрик Геррье предположил, что эта кривая представляет собой траекторию межзвездного перелета...¹⁰⁸)

¹⁰⁷ Богораз-Тан, Чукчи, с.24.

¹⁰⁸ Guerrier, Eric. *La cosmogonie des Dogon. L'arche du Nommo*. P., 1975. Эта книга была замечена и высоко оценена учеными, отмечавшими общий высокий научный уровень работы, добротность использованного материала и убедительность аналогий меду знаниями догонов и современными представлениями о Вселенной. Примечательно, что Геррье не сразу оценил

О Йуругу ныне существует целый цикл мифов. Он символизирует собой засуху, тьму, беспорядок, являясь противоположностью влаге, свету, порядку, которые олицетворяет собой Номмо. Номмо прибыл позже, на другом корабле. Он изображается догонами как получеловек-полузмея с гибкими конечностями без суставов, красными глазами и раздвоенным языком. Вместе с Номмо прибыли и предки людей. (На рисунках и по объяснениям догонов Номмо проживает в некоем «небесном месте» в системе Сириуса, в некоем промежутке между «по толо» (Сириус-В) и «ээме йа толо» (Сириусом-С), иногда это «место» отождествляется с «энегерин толо» – звездой «гамма» в созвездии Малого Пса.

Йуругу и Номмо – близнецы, вышедшие из одного «первойца» Аммы. Но Йуругу, появившись из своей половины яйца раньше срока, восстал против Аммы и захотел стать господином вселенной. Он украл зерна, созданные Аммой, оторвал кусок своей плаценты, сделал из него ковчег и устремился в пространство. Не обретя своей пары, Йазиги (половину своей женской души), Йуругу противозаконно соединился со своей матерью, землей. Было нарушено состояние чистоты вселенной, оскверненная инцестом земля стала бесплодной и сухой. Амма, чтобы исправить положение, на небе принес в жертву одного из Номмо, разбросав куски его тела по четырем сторонам света. Затем, собрав куски тела Номмо, Амма соединил его с «небесной» землей и воскресил в человеческом облике. Но после, спустившись на своем ковчеге на Землю, вместе с предками людей, животными, растениями и минералами, Номмо принял свою первоначальную форму рыбы (варианты – или дельфина, или ламантина). На земле, снова ставшей чистой и плодovитой, размножились люди, а Амма поручил управление миром Номмо.

Е. Котляр отмечала: «Роль Йуругу является дополнительной по отношению к роли Номмо. Атрибуты этих двух существ являются равно необходимыми для нормального течения жизни и соответствуют один другому: Йуругу – ночь, засуха, бесплодие, беспорядок, смерть; Номмо – день, влага, плодovитость, порядок, жизнь. Номмо должен ограничивать вызывающую беспорядок деятельность Йуругу».¹⁰⁹

Ежегодно проводятся особые празднования – Vado, которые приурочены не к вращению Земли вокруг Солнца, а к обороту Сириуса-В вокруг своей оси. Во время этих коллективных действий из системы Сириуса якобы приходят сигналы – «наказы богов» своим земным соплеменникам. Жрецы принимают информацию и растолковывают ее остальным.

Еще более необычными являются церемонии Сигуи, связанные с Сириусом-А, проводимые каждые 60 лет и длящиеся целых 7 лет! Для догонов это праздник обновления мира, в ходе которого воссоздается мир богом Амма и сын Амма – Номмо дарует людям цивилизацию. День появления бога догоны называют «днем рыбы». В память о высоких пришельцах догоны на праздниках ходят на ходулях.

У современных догонов (подчеркнем, прошедших длительную историческую трансформацию от своих древнейших предков) существует вера в духов, которая представляется поздним «дополнением» к знаниям Учителей, тем более, что весь комплекс знаний был, как мы видели, недоступен для рядовых членов племени, потому вера в духов и другие примитивные религиозно-магические представления могли быть или творческими «дополнениями», или заимствованиями у других племен.

Мы довольно пристально рассматривали мифологию догонов не случайно:

1) история племени насчитывает около тысячи лет, и их мифология, по сравнению с известными нам, сравнительно молода, не говоря о том, что она не завершена – по сообще-

информацию Гриоля, но только тогда, когда увидел по телевизору, как американский астронавт Олдрин оставляет свой знаменитый след на поверхности Луны (сопровожаемый неумирающим слоганом: «Один маленький шаг человека и огромный скачок для всего человечества»). Геррье вдруг вспомнил описанное в догонском мифе прибытие ковчега Номмо на Землю и след его медной сандали на поверхности нашей планеты!

¹⁰⁹ Котляр, Миф, с.119.

ниям антропологов догоны до сих пор продолжают «общаться» со своими Учителями. (По расчетам догонов, Номмо должен был нанести очередной визит в 2003 г.) Кроме того, Бандиагара, где живет племя, – труднодоступная, засушливая местность, которой французские колонизаторы не слишком интересовались. Потому здесь долго не было христианских и исламских миссионеров, и племя сохранило тот образ жизни, которого придерживалось тысячелетиями. Иначе говоря, у нас есть возможность прикоснуться к живой и даже современной (!) примитивной мифологии, которая, как мы предполагаем относительно любой мифологии, была следствием внешнего цивилизующего воздействия;

2) к истории и мифологии догонов этнографы обратились только с середины XX в., и исследователей было немного, потому в современной этнографии и антропологии мало научных «мифов», кстати, одним из которых является довольно распространенное суждение о том, что открыватель догонов, М. Гриоль привнес в изложение догонских мифов много собственных взглядов и даже современные научные теории (?!), древним мифам не присущие (сразу заметим, что мы эту точку зрения не разделяем);

3) в мифах догонов отчетливо проявлено два уровня мифов: сакральных, хранимых жрецами и доступных только посвященным; и профанных, распространенных среди обычных членов племени. Так, в сакральных мифах прибывшие с Сириуса существа мало того, что нечеловекоподобны, они лишь отдаленно напоминают земных животных. В профанных же мифах прародителем догонов почитается, как можно понимать, в качестве тотема, лиса, обычное животное, часто встречающееся в природе и более приемлемое в качестве первопредка для примитивного мышления.

4) известные астрономы и представители других научных направлений обратили пристальное внимание на мифологию догонов, объективно выявляющую поразительные сходения с новейшими научными открытиями. Вслед за астрономами на уникальные знания примитивного племени обратили внимание и представители других наук. Таким образом, исследования догонской мифологии являются примером эффективного междисциплинарного взаимодействия, не говоря уже о том, что, видимо, впервые современная наука непосредственно соприкоснулась с живой мифологической системой;

5) нас особенно интересует тот факт, что в мифах догонов подробнейшим образом описываются Встречи с Учителями с Сириуса, их облик и фрагменты даваемой информации (напомним, многие знания догонов остаются до сих пор тайными, включая и ту информацию, что они получают в нынешних «сеансах связи»). Открытым остается вопрос о цивилизационных последствиях контактов догонов, поскольку жрецы говорят о том, что для многих знаний «время еще не пришло». По некоторым представлениям, догоны словно являются огромной копилкой знаний неизвестного предназначения¹¹⁰;

6) также небезынтересным является формирование новейшей мифологии на базе догонских мифов и неспособности современной науки подтвердить или опровергнуть те сведения догонов, которые опережают нынешние научные знания (в первую очередь, проблема существования третьей звезды С в системе Сириуса). Полуфольклорные-полунаучные мифы – это пока слабо развитая, но тем не менее чрезвычайно интересная и перспективная тема будущих исследований.

7) В настоящее время, когда все более широко обсуждаются проблемы неизвестной или намеренно замалчиваемой истории человечества, подобная мифологическая система становится отправной точкой для пересмотра мифологического наследия человечества. Подобные догонским описания прибывших со звезд Учителей можно обнаружить у индейцев урос, живу-

¹¹⁰ Здесь невольно напрашивается аналогия с мнением известного ученого-генетика, одного из первооткрывателей строения ДНК и Нобелевского лауреата, Фрэнсиса Крика, который считал, что человечество – это специальная космическая «тара» для хранения РНК в целях реализации непостижимых нам будущих вселенских программ... – См.: Крик Ф.. Жизнь как она есть: ее зарождение и сущность. М., 2002.

щих возле озера Титикака (Перу). В их легендах дельфиноподобные существа, пришедшие с неба, обучали новым знаниям народы, жившие там до инков. Именно эта связь с «народом с неба», согласно преданию, привела к основанию империи инков.

В Средиземноморье 12 культур хранят подобные предания (включая упоминавшиеся мифы вавилонян, шумеров и др.).

В задачу нашего исследования не входит создание новой теоретической концепции мифа, но изложенный нами взгляд на мифологию с точки зрения этно- энергетической концепции позволит нам, обнаружив живое «зерно» в древнейших мифологических системах, попытаться выявить и живую традицию взаимодействия с извечной Тайной человеческой культуры, ведущей от мифа – через древнейшие магию, религию и философию – к тому, что именуется мистикой.

1.2. Магия и ее этнокультурные трансформации

...там, где человек видит недостаточность своих знаний и своего рационального подхода, он обращается к магии.
Бронислав Малиновский

О понятии магии

В большинстве научных и справочных изданий магия понимается как совокупность обрядов (действий, ритуалов), призванных сверхъестественным образом воздействовать на явления природы, людей и духов. Магическое воздействие, исходя из данного определения, основывается на убеждении в существовании неких «сверхъестественных» сил; по некоторым же определениям магии в ней предполагается наличие даже сформированной веры в «сверхъестественное» (по аналогии с религиозной верой).

Среди множества определений магии, рассматривающих ее как совокупность определенных действий и процедур, выделим необычное, которое дала Розмари Эллен Гуили в своей «Энциклопедии магии и алхимии».

«Высшая сила, возникающая вследствие управления внутренней энергией и сверхъестественными силами и сущностями с целью вызвать изменения в мире физическом».¹¹¹

Р. Э. Гуили также цитирует определение магии, данное известным оккультистом Францем Бардоном, с которым мы не можем не согласиться.

«Магия – величайшее знание и высшая наука из существующих на нашей планете. Она изучает законы не только метафизики, но и метапсихики, существующие и применимые во всех измерениях. С незапамятных времен высшие знания всегда были известны как „магия“».¹¹²

Рассматриваемая как исток и результат, а не только как процесс взаимодействия высшей энергии в сочетании с человеческим усилием (внутренним или внешним), – магия становится фокусом проявления той Тайны, которая постоянно присутствует в жизни отдельного человека, общества и природы. Какую «высшую силу» мы имеем в виду? Наглядно это можно продемонстрировать на Шкале энергий, которые мы восприняли из теории Дж. Г. Беннетта о «драматической Вселенной» (см. в конце нашей книги Приложение 1). От Механических энергий,

¹¹¹ Гуили Р. Э. Энциклопедия магии и алхимии. СПб.: Азбука, 2013. С.317. (Не могу не отметить примечательный для нашего исследования штрих: фамилия автора Энциклопедии близка по звучанию к термину «гилея», означающему как «влажные тропические леса в Южной Америке», так и «лесной массив в Скифии в античные времена». А для историков русской философии и культуры это напоминание о литературно-художественном объединении русского авангарда начала XX в.)

¹¹² Цит. по: Гуили, Энциклопедия, с.318.

свойственных Природе, под влиянием культивирующих воздействий человек был простимулирован к использованию более высоких Энергий жизни, вверх – от Е8 к Е5.

Энергии Жизни

Е5! Чувствительная энергия! Осознание и избирательное внимание

Е6! Автоматическая энергия! Рефлексы и ассоциации

Е7! Жизненная энергия! Жизненность, воспроизведение

Е8! Конструктивная энергия! Катализ и аутосинтез

Как показано в моей монографии «Симфония...», в созданном этнокультурном поле продуцируются и используются различные виды энергий, потому что «энерготипы» членов этноса управляются энергиями различного уровня. Для поддержания и создания базовых условий для дальнейшего развития энергополя большинство членов этноса используют Энергии жизни: обычные (гармоничные люди) пользуются автоматической энергией Е6 и редко – чувствительной энергией Е5; инертные люди существуют на основе сочетания жизненной энергии Е7 и автоматической Е6.¹¹³ Страстные таланты и гении – от энергии жизни Е5 до творческой энергии Е3. Супер- страстные пассионарии, непосредственно находящиеся под воздействием Учителей или мощной внешней культивирующей силы, могут воспринимать и использовать космические Вселенские энергии – от Е4 и выше. (См. Приложение 1).

Таким образом, в рождающемся и развивающемся этносе «...каждый энерготип находится на „пересечении“ энергий, что определяет значительное разнообразие индивидуальных психических организаций, жизненных и социокультурных позиций, способов деятельности и т.д.».¹¹⁴

То, что мы называем «**магией**» – это *процесс и результат реализации Вселенских энергий, которые воспринимаются и реально используются супер-страстными и страстными членами племени.*

Сама способность управлять подобными энергиями и добиваться необыкновенных эффектов в земной Природе воспринимается как «волшебство», а люди, обладающие этими способностями, и называются «волшебниками» или «магами» (колдунами, ведьмаками и ведьмами – от слова «ведать», знать).

При этом еще раз подчеркнем: магия прямо и непосредственно связана с культурным полем и эгрегором *всего, всецелого* данного племени. Необходима энергетическая «основа» воспринятых и «проработанных» энергий у всех обычных членов племени. Соответственно, должна быть создана эмоциональная общность жизни в племени, что проявляется в разработанных и всеми почитаемых мифах, в уважительном отношении к носителям древних традиций (в диапазоне от обыденно-привычного приятия до благоговения и фанатичного почитания), в развитии определенной традиции обращения к Иному.

Этническая магия всегда уникальна, поскольку создана на основе неповторимого пересечения и сочетания используемых в данном племени энергий, в свою очередь, варьирующих по интенсивности, особенностям проявления и т. п. Магия – это всегда некий «отпечаток» этнического энергополя.

¹¹³ См.: Кравченко, Симфония, с.134.

¹¹⁴ Кравченко, Симфония, с.134.

С точки зрения коллективной и индивидуальной психологии *магия – это совокупность методов гармонизации соотношения сакрального и земного в жизни реального сообщества.*

При этом нельзя сбрасывать со счетов и значения природного и социо-культурного ареала, где проживает и развивается племя.

В конце концов, не исключено, что начало экспансии в фазе пассионарного подъема племени связано, в том числе, с интуитивными или извне предписанными поисками более мощных *природных* энергетических потоков, использование которых способствует ускорению развития племени. (Вспомним, как мифологически описано переселение догонов из местности возникновения племени в Судане в нынешний ареал Бандиагары: под предводительством первопродка Лебе, после смерти превратившегося в змею, догоны по подземному переходу перешли на место нового обитания). До сих пор многие исследователи удивляются, что догоны живут в чрезвычайно неблагоприятной для жизни местности, находя логичные этому объяснения – желание спрятаться от агрессивных племен или европейских и мусульманских миссионеров и т. п. С нашей точки зрения, в Бандиагаре, вероятнее всего, сложились уникальные природные энергетические потоки, которые служат для догонов естественной «подпиткой», позволяющей им в течение как минимум тысячелетия находиться в инерционной фазе (и, если верить в возможность их нынешних контактов с Сириусом, напрямую подпитываться еще и Вселенскими энергиями).

Социокультурное окружение предполагает, в первую очередь, плодотворное общение с ближайшими племенами, постоянные экономические, политические, духовные связи.

Говоря о магии, мы считаем необходимым подчеркнуть ее изначальную связь именно с африканскими племенами, а потом уже распространение разновидностей магических практик на Ближний и Передний Восток, по мере расселения племен из Африки; соединение магии с формирующимися древними религиями и культурами и т. д. в средиземноморском культурном ареале. В настоящий момент, к сожалению, недостаточно информации по этой проблеме. Но мы уверены, что дальнейшее открытие реальной древности Африки и ее до сих пор неизвестных духовных достижений даст богатейший материал в исследовании истоков и разнообразия древнейших форм магии в общечеловеческой культуре.

Разнообразные виды магии – это результат разработанных комплексов энергий, которые в процессе культурной диффузии распространяются в различных культурных полях, обретая довольно устойчивые проявленные черты, в первую очередь, разработанные практики, а также утварь, артефакты и т. д.

Определение Р. Э. Гуили позволяет отграничить, так сказать, подлинную магию от целого ряда манипуляционных систем, использующих природные и человеческие силы, и преследующих исключительно низменные и сиюминутные цели примитивных (по своему существу, а не только первобытных) представителей человеческого рода.

Подчеркнем: рассматривать магию ТОЛЬКО как совокупность необычных практик, пусть и с обращением к сверхъестественным силам, значит исказить исконную суть данного явления. О магических практиках подробнее поговорим далее.

Еще одна важная и редчайшая сторона в подходе Р. Э. Гуили к рассмотрению истоков самого термина «магия» – подчеркивание происхождения этого слова: оно пришло в средиземноморский культурный ареал благодаря грекам, которые, в свою очередь, использовали наименование мидийского племени, известного своими магическими умениями.¹¹⁵

¹¹⁵ Здесь мы обратим внимание, что Р. Э. Гуили, как и подавляющее большинство историков религии, магии и мистицизма, не рассматривает древнейшие истоки магии в первобытную эпоху и в реликтовых племенах (хотя функции и элементы магии она характеризует вслед за культур- антропологом Брониславом Малиновским, который свои представления о магии выстраивал на основе исследования реликтовых племен на Тробриановых островах в Меланезии). Историю магии Гуили ограничивает только западной традицией, начиная отсчет от древнеегипетской магии.

Как известно, во многих справочных источниках «магами» часто называются только **зороастрийские** жрецы, что верно лишь отчасти.

Маги – одно из шести древних Мидийских племен (+ бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии). Мидийские племена Геродот называл **ариями**, скорее всего, это было их самоназвание. Они прибыли на территорию современного Ирана, скорее всего, в конце 2-го тыс. до н.э. – в начале 1го тыс. до н.э. из Средней Азии (возможно, Северного Кавказа и Прикаспия).

Известная британская иранистка Мэри Бойс, рассматривая предысторию зороастрийцев, отмечала, что их далекие предки, протоиранцы, примерно в начале II тысячелетия до н.э. расселялись на огромной территории от Волги до Западной Сибири. Они населяли также территорию нынешнего Северного Казахстана, а их близкие родственники – протоиндоарии жили южнее,¹¹⁶ по данным других авторов, постепенно продвигаясь к полуострову Индостан.¹¹⁷

Постепенно ассимилировав неарийские племена в период упадка Ассирии, Элама и Вавилонии, мидийские племена в 7 в. до н.э. (673 г. до н.э.) были объединены первым царем Мидии Дайукку (Дейок), построившим столицу Экбатан. Мидия была одним из важнейших политических и культурных центров Древнего Ближнего Востока, наряду с Вавилонией, Лидией и Египтом. В 553 г. до н.э. Мидия была завоевана Киром Великим. И только после этого мидяне приняли зороастризм, а скорее всего – соединили его со своими племенными магическими практиками. При этом, видимо, именно мидийские жрецы пользовались особым авторитетом, но с объединением древнеиранских племен и упрочением зороастризма, как религии «осевого времени», племенные представления и духовный авторитет мидян в глазах победивших племен и народов поблекли, для внешних наблюдателей навсегда слившись с зороастрийской традицией. (Подобный процесс включения развитой жреческой традиции одного племени в единую религию объединенных племен в государстве или регионе – мы рассмотрим подробно в следующем параграфе на примере прасунского племени в Северном Кафиристане. Как отмечал исследователь К. Йеттмар, «...кафиры являлись религиозной общиной, жрецами которой было племя прасунцев. Известна такая организация у иранцев (где маги считаются одним из шести „кланов“ мидийцев) и у индийцев (брахманы)».¹¹⁸)

Об основных истоках и сущности магии

...магия – это знание, которое учит практическому применению законов природы низшего уровня к высшим законам духа.

Франц Бардон

Несмотря на поглощение зороастризмом магических практик мидийцев, важные для нас реликты древнеарийской жреческой магии в зороастризме сохранились.

Исследуя древнейшие представления протоиндоиранских племен, Мэри Бойс отмечала, что в основе древнеиранских представлений о божественном лежало приписывание особой сознательной силы всем существам и предметам, силы, называемой «манйу» (по-авестийски – «маинйу», от глагольного корня «ман» – думать). Эти силы наполняли землю, воду и огонь; но также «...существовали Маинйу мира и изобилия, Маинйу раздора и голода. Были и Маинйу качеств и чувств, таких как смелость и радость, ревность, жадность и тому подобные. Они, таким образом, воспринимались не как абстракции или составные части характера самого человека, но как активные независимые силы, к которым он может обращаться с молитвой или умиротворять их и которые, если человек им позволит, могут войти в него и влиять на него в лучшую или худшую сторону».¹¹⁹

¹¹⁶ Бойс, Зороастрийцы, с.18—19.

¹¹⁷ Бонгард- Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983.

¹¹⁸ Йеттмар К. Религии Гнндукуша. М.: Наука, 1986. С. 48.

¹¹⁹ Бойс, Зороастрийцы, с.24. :

Нетрудно увидеть, что авестийские «маинйу» соответствуют современной трактовке «энергий», присущих предметам, явлениям и людям, при этом представляющим собой «активные независимые силы», которые осознаются человеком в их влиянии на него, а также могут им использоваться или вынуждать его им, силам, противостоять.

М. Бойс отмечала: «Авестийское „маинйу“ чаще всего передается словом „дух“, и если эти духи были добрыми, то они почитались, а некоторые из них даже превозносились до такой степени, что могли действительно называться „божествами“ и призывались по имени во время богослужения ясна».¹²⁰

Совершенно очевидно, что авестийское «манийу» и созвучно, и близко по значению термину «мана», принесенному западными антропологами из Меланезии и Полинезии. Первым это понятие описал Роберт Генри Кодрингтон (1830—1922), англиканский миссионер и один из признанных этнографов, изучавших меланезийские племена, их быт, мировосприятие и язык.

По представлениям аборигенов Меланезии и Полинезии, «мана» – некая сверхъестественная сила, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы, а также духи. В магии мана применялась для установления хорошей погоды, получения обильного урожая, лечения болезни, успеха в любви и в сражении...

Как отмечал М. Элиаде: «Для меланезийцев *мана* – это таинственная и активная сила, которой наделены некоторые индивиды, а также обычно души умерших и все духи. Грандиозный акт сотворения мира не был бы возможен без мана божества; глава клана также обладает мана; англичане покорили маори, потому что их мана оказалась сильнее; богослужение христианских миссионеров обладает мана, превосходящей мана местных ритуалов».¹²¹

Аналогичные представления о магической силе обнаруживаются и у других племен в разных регионах мира: у ирокезов Северной Америки – «оренда»; у племен сиу-Дакота – «вакан» или «ваконда»; у племени понгве в Африке – «еки».

Подобное представление о некоей «магической силе» предположил в древнеминойской культуре на Крите историк Ю. В. Андреев. Он замечал: «Подобно многим первобытным народам минойцы могли возлагать ответственность за происходившие вокруг них большие и малые события не только на конкретных духов, богов или иных существ, наделенных признаками божественных индивидов, но и на некую безличную, часто лишённую определенной формы магическую силу, которая могла быть просто разлита в окружающем пространстве или же свободно перемещалась в нем наподобие шаровой молнии или болида. Нечто подобное, по всей видимости, представляла собой столь чтимая обитателями островов Меланезии и Полинезии мана. Эта сила могла проявить себя или найти свое материальное воплощение в любом явлении природы, животном, растении, человеке или неодушевленной вещи».¹²²

Многие десятилетия европейские и американские этнографы связывали магические «силы» почти исключительно или преимущественно с «духами» и «миром мертвых», обнаруживая категорическое непонимание самой сути «первобытного» или «примитивного» миропонимания аборигенов. Неудивительно, поскольку большинство западных ученых, включая признанных классиков, изучали предвзятую этнографическую литературу и никогда не жили бок-о-бок с реальными аборигенами.¹²³ Современная этнографическая литература, опирающаяся на полевые исследования, дает богатейшие материал о реальной жизни и, главное, представлениях реликтовых племен. Потому можно вполне обоснованно критиковать взгляды классических и современных «анимистов» и «аниматистов», считающих, что древние люди и современ-

¹²⁰ Бойс, Зороастрийцы, с.24—25. («Ясна» – главная зороастрийская религиозная служба. См.: Бойс, Зороастрийцы, с.336)

¹²¹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С.34.

¹²² Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III- начало I тыс. до н.э.) СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С.240.

¹²³ Отметим, например, чрезвычайно краткие посещения Э. Тейлором Кубы, Мексики и Северной Америки

ные аборигены выстраивали какие-то «философские рассуждения» о смерти и таким образом создавали примитивные, а затем все более развитые религии.

В действительности, по нашему убеждению, древние люди и современные аборигены никогда не думали и не рассуждали о смерти, а всегда думали только о жизни! Другое дело, что они видели различные проявления жизни, и в своих далеко нефилософских умозаключениях принимали в расчет наличие некой Иной реальности, которую понимали вполне прозаически и практически, в своей племенной культуре получая устойчивый навык постоянного ритуального взаимодействия с этой Иной, оборотной стороной ЖИЗНИ!

Чрезвычайно популярная и затем яростно раскритикованная концепция «анимизма» Тейлора, с нашей точки зрения, была попыткой выразить в терминах европейской культуры идею «двойственности» всех вещей и явлений в мире, характерную для примитивного миропонимания. Идею, более удачно сформулированную в концепциях «партиципации» Люсьена Леви-Брюля и «оборотничества» А.Ф.Лосева.

Люсьен Леви-Брюль, исследовавший природу пра-магического, как «сверхъестественного» (в современном понимании) в мышлении дикарей, исходил из убеждения, что «...коллективные представления первобытных людей не являются, подобно нашим понятиям, продуктом интеллектуальной обработки в собственном смысле слова. Они заключают в себе в качестве составных частей эмоциональный и моторные элементы, и, что особенно важно, они вместо логических отношений (включений и исключений) подразумевают более или менее четко определенные, обычно живо ощущаемые партиципации (сопричастия)».¹²⁴

Наряду с концепцией Л. Леви-Брюля, для того, чтобы подчеркнуть особость первобытного «магического мышления», обратимся к феномену «оборотнической логики», о которой писал А.Ф.Лосев. По его мнению, в собирательно-охотничий период в пробуждающемся мышлении человека отсутствовало понятие субстанции, и для общей смутной и нерасчлененной сферы человеческого мышления и сознания была характерна «оборотническая логика». Это означало, по словам философа, что «... ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твердо определенного. Каждая вещь для такого сознания может превращаться в любую другую вещь и каждая вещь может иметь свойства и особенности любой другой вещи». Отсюда следует, что «...отдельный человек не отделял себя ни от своей общины, ни от природы. ... это значит, что он может мыслить себя каким-нибудь другим индивидуумом (одним или многими), мыслить себя носителем его сил и находиться во власти иллюзий такого перевоплощения или оборотничества».¹²⁵

Для древних людей реальность была полностью слита с «неизвестностью» и ощущение таинственного/непознаваемого пронизало все связи и отношения человека с миром, т.е. сама «удвоенная» реальность была насквозь таинственна. По сообщению Л. Леви-Брюля, например, игороты с Филиппинских островов убеждены в том, что «все предметы имеют невидимое существование так же, как и видимое». Потому основополагающей чертой коллективных представлений первобытных людей в отношении природы является то, что в каждом предмете – «... действие неизменно признается реальностью и составляет один из элементов представления о предмете».¹²⁶

Иначе говоря, *таинственное* было неотъемлемо присуще природным и созданным самим человеком предметам, оно носило действенный характер, причем действие объектов было неявным, но по своему значению считалось более существенным и жизненно-значимым, чем явные, так сказать, поверхностные связи и взаимодействия. Леви-Брюль подчеркивает, что все мироощущение первобытных людей было пронизано этим убеждением в том, что суще-

¹²⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С.65.

¹²⁵ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957 С.12—13.

¹²⁶ Леви-Брюль, Сверхъестественное, сс.34 и 29.

ствуют «... силы, влияния, действия, неприметные, неосязаемые для чувств, но тем не менее реальные».¹²⁷

В первобытные времена «пра-магия» или древнейшая магия существовала как смутное представление и об окружающем мире, и об ответе действием на внешние (по отношению к человеку) и, как правило, скрытые («таинственные») влияния, силы, воздействия. Смутные представления о мире отражались в насыщенных базовых эмоциях¹²⁸, совокупность которых и формировала первичное культурное поле этноса.

Ответное действие на влияния окружающего мира предполагало лишь приблизительное знание того, на что и как нужно отвечать. Результативность ответа не могла быть гарантирована, и человек никогда не мог быть уверен в правильности своего действия. Потому в психологическом плане нужно подчеркнуть высокую тревожность примитивных людей. За точку относительного постоянства взаимодействий со «скрытой реальностью» принималась удовлетворительная наличная ситуация, и максимум усилий племени, как «коллективной личности», был направлен на поддержание стабильности существования. Отсюда – постоянство внешнего вида построек, одежды, утвари, украшений, орнаментов и т. п. У членов племени существовало глубочайшее убеждение в том, что даже форма предмета, сделанного человеком (а также орнамент, цвет и т. д.) может оказывать на него и других людей сильное влияние.

Таким образом, в первобытную эпоху здешняя реальность в восприятии древних людей была слита с Иной, потому Тайна пронизывала все связи, отношения человека с миром; двойственная реальность была насквозь магической. «Первобытная магия», как и «мифическое мышление», носили действенный и вполне реальный характер для примитивного мышления, а иногда – более существенный и жизненнозначимый, поскольку действие предмета на человека составляло неотъемлемый элемент представления об этом предмете.¹²⁹

Можно сказать, что первобытная «партиципация» (по Л. Леви-Брюлю) и «оборотническая логика» (по А. Ф. Лосеву), проводившие полную «аналогию», например, между членами племени и тотемом, в своей кульминации «подменяли» и зеркально «отражали» их взаимоотношения в обычной жизни: тотем мог съесть (реально или символически) члена племени, «отправляя» его в запредельный мир; а во время периодически проводимого священнодействия члены племени поедали тотема, «возвращая» его к первопредкам и через него получая коллективный непосредственный доступ к Иному.

С ростом населения и постепенным смешением этносов во время коллективных церемоний трудно было привлечь всех присутствовавших к традиционному ритуалу, который уже совмещал магию и различные виды художественного творчества, искусства.

Как замечал Ю. М. Лотман, «...архаический обряд требует архаического мировоззрения, которое искусственно создать нельзя. Слияние актера и зрителя подразумевало слияние искусства и действия. ... Это состояние бесконтрольного возбуждения, в которое приходит исполнитель в процессе своего творчества и которое в экстатических формах ... завершается полным изнеможением. <...>»¹³⁰

Появлялись исполнители культовых «представлений» и заинтересованные зрители, а главное – выделились особые люди, обладавшие необычными способностями, которых сегодня называют «шаманами» (у разных народов их именуют шаманами, ведунами, волх-

¹²⁷ Леви-Брюль, *Сверхъестественное*, с. 29.

¹²⁸ **Эмоции базовые** – это «автоматическая», бессознательная реакция организма в виде перераспределения энергии на действие рефлекса и инстинкта; это фиксация в биологическом теле человека, как особом ступке энергии, или определенном микрополе, результатов взаимодействия с другими микро- и макро- полями самых разнообразных видов энергии. П. Экман выделил следующие базовые эмоции: страх (опасение), гнев, отвращение, печаль, радость и удивление. – Кравченко, *Симфония*, с. 370.

¹²⁹ Леви-Брюль, *Сверхъестественное*, с. 29.

¹³⁰ Лотман Ю. М. *Семиосфера*. СПб: Искусство-СПБ, 2004. С. 135.

вами, колдунами...). Они были способны вне массовых праздников устанавливать «связь» с запредельным миром посредством индивидуальных техник, которые частично передавались по линии культурного наследования (от старого шамана к его преемнику), но главное – в результате переживания уникального личного опыта установления связи с Иным (мирами духов «верхнего», «среднего» и «нижнего» миров) и прохождения особых обрядов посвящения.

Маги (жрецы, шаманы, колдуны...) в древности аккумулировали изначальное тайнознание и народные представления, совмещали в своей деятельности «жреческие» и обыденные функции. Потому даже фрагменты изначальной Тайны они могли приоткрывать в общедоступной форме, расширяя круг если не посвященных, то приобщенных к тайноведению.

Мы далее будем более подробно говорить о различиях между магией и религией, но уже сейчас можно четко сформулировать нашу позицию: **магия никоим образом не может считаться предшественницей религии!** Еще раз повторим: *магия – это этническая «интерпретация», деятельное освоение Тайны Иного и драматизация мифов.* Можно совершенно определенно говорить о мифо-магическом миропонимании древних людей, которое закономерно трансформировалось в религиозное (подробнее в следующем параграфе).

Магия, как и миф, всегда присутствовала в человеческой культуре и всегда будет существовать, как в традиционных, этнических формах, так и в позднейших проявлениях, входя в сложные конгломераты с различными сторонами культуры – религией, наукой, искусством, политикой, различными видами творчества, особенно в тех, в которых есть риск, опасность, неопределенность...

В конечном счете, *сущность магии составляет именно понятие «силы»,* некоего непостижимого «свойства» или «качества», в разной степени присущих предметам, людям и явлениям земного мира, но в значительно большей мере – проявлениям и «существам» мира Иного. При этом нельзя забывать, что для примитивного сознания Иное – это оборотная сторона здешней реальности, тоже реальность, но непознанная.

В определенном смысле, применяемое нами понятие «пассионарной энергии» также довольно близко по смыслу подобного рода понятиям, однако в нашей интерпретации энергия пассионариев представляется «сверхъестественной» обычным и инертным людям; в действительности, все виды энергий, рассматриваемые нами по шкале Дж. Г. Беннетта, имеют вполне естественное, земное и космическое происхождение, хотя во многих своих характеристиках и возможностях они пока не изучены человечеством.

В действительности, наше понятие «пассионарной энергии» ближайшим образом связано с более разработанными и важнейшими категориями: в китайской философии – «ци»¹³¹ и в древнеиндийской философии – «прана»¹³². Заметим, что у суфиев есть понятие «барака». В конце концов, в христианстве существует понятие «фаворский свет» и «энергии», описанные в исихастском учении Григория Паламы и его последователей... В русской традиции есть понятие «жизненная сила», а в богословии – «благодать».

Магия в этнокультурной динамике

Магические формулы проецируются в область эфира.

Розмари Гули. Энциклопедия Магии и Алхимии

¹³¹ «Ци» в китайской философии понимается как фундаментальная, континуальная, динамическая, пространственно-временная, духовно-материальная и витально-энергетическая субстанция, которая лежит в основе устройства Вселенной. – См.: Кобзев А. И. Ци – пневма // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2006. Т.1. Философия. С. 549—551. (Еще о параллелях в понятиях «ци» и «энергия» см. далее, в подразделе «Кратко об особенностях магии в древних цивилизациях»)

¹³² «Прана» (санскр. «рґапа» – дыхание, жизнь) – дыхание, жизненная энергия, в индуизме – концепция жизненной силы. См.: /Лысенко В. Г./ Прана // Большая российская энциклопедия. В 35 т. Т.27. 2015. С. 385—386..

В свете этно-энергетической концепции культуры «**магия**» зарождалась и развивалась с момента появления конкретного этноса. Она явилась наиболее ранним в истории развития этноса деятельным воспроизведением мифологических представлений, связанных одновременно с ежедневной жизнью древней общины. Возможно, был даже некий этап творческого создания (или освоения данного извне образца) магии – так сказать, *Пра-магии* – как *первичной этнической «интерпретации» мифов, представленной в деятельно-творческой форме. Она воплощала собой способ деятельного соединения здешней и Иной реальности.*

Как мы рассматривали в предыдущем разделе, мифы с древнейших времен разделялись на тайные жреческие и народные (фольклор).

Магия была напрямую связана с Тайнами – и первоначального (космогонического, теогонического) мифа, и обыденных, общеплеменных мифов. На первых этапах формирования этноса, в процессе складывания традиции передачи полученных «извне» знаний и практики выживания в новой социокультурной среде¹³³, некая **пра-магия** выступает как *способ гармонизации и стабилизации племенной жизни, освоения и «оземления» Тайны, оформленной в миф.*

О жреческом мифе М. Элиаде писал: «Рассказать священную историю значит открыть тайну, ведь персонажи мифа не человеческие существа, они боги или Герои-строители цивилизаций, а посему их gesta¹³⁴ составляют тайны. Человек может узнать их только в том случае, если ему их откроют».¹³⁵

Если *жреческая магия* была «дана» человеку в готовом виде (как наследие и некая «программа» на будущее), то *обыденная магия*, – с одной стороны, включавшая некоторые элементы тайнознания, а с другой, признававшая тайны человеческого бытия, – была неразрывно связана с повседневной практикой выживания племени, что в значительно большей степени влияло на формирование общеэтнического менталитета племени. Оба уровня магии соотносятся с тайнами, восходящими к мифическому Началу Времен, к непостижимым деяниям древних. Потому основная особенность магии состоит в том, что она практически использует неизвестные (непостижимые?) закономерности как полученное в готовом виде «ноу-хау», приемы, способы деятельности, *доверяя* традиции (в конечном счете, древнейшим Учителям).

Бронислав Малиновский, признанный социальный антрополог, специально изучавший магию у меланезийских племен, писал: «...когда социолог приступает к изучению магии там, где она до сих пор продолжает господствовать, <...> т.е. у дикарей, до сих пор еще живущих в Каменном веке, – к своему разочарованию он встречается с совершенно трезвым, прозаичным и даже грубым ремеслом, служащим чисто практическим целям, опирающимся на примитивные и неглубокие верования с незрелой и ограниченной идейной основой и с простыми и однообразными практическими приемами».¹³⁶

Безусловно, мы далеки от подобного, крайне-функционалистского одностороннего понимания магии, да еще при отсутствии рассмотрения ее динамики, видового разнообразия и пр.

Но мы согласны с Б. Малиновским в главном: в магии нет *веры*, в ее позднейшей европейской трактовке. Подчеркнем еще раз: в древнейшей магии еще нет веры; в ней, как *дейтельном освоении мифа*, есть *доверие к традиции*, и если проявляется некое «творчество», оно также неизбежно вписано в традиционные представления этнического менталитета. И если

¹³³ Как отмечал Л.Н.Гумилев, пассионарный взрыв приводит к формированию нового этноса, а значит, как мы показали в монографии «Симфония», – нового культурного поля, с новыми взаимоотношениями членов этноса и их новым пониманием окружающей природной среды. Даже если племя не переместилось в другую местность, то в фазе пассионарного подъема, с увеличением численности этноса и повышением его активности, начинается его территориальная экспансия, происходит смешение с другими этносами, вплоть до завершения акматической фазы.

¹³⁴ gesta – деяния

¹³⁵ Элиаде, Священное, с.63.

¹³⁶ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2015. С.69.

можно говорить о «магии вообще», то, видимо, стоит признать некое «ядро» *первобытной магии*, которое, как космическое реликтовое излучение, через века и тысячелетия несет в себе вполне различимые основополагающие черты «пассионарного взрыва» и начала конкретного этногенеза.

В упоминавшемся нами австралийском племени аранда в священных местах на «пути предков» до сих пор совершаются обряды *интичиума* (магического размножения тотема) и обряды посвящения юношей, достигших половой зрелости.¹³⁷ В современном племени догонов почти тысячелетие проводятся обще-племенные священнодействия в рамках установленной традиции, естественным образом включающие в себя пра-магические представления, связанные с изначальной Тайной происхождения людей от предков с Сириуса. Это, как мы увидим далее, уже пра-мистическая «вертикаль», постоянно присутствует в основе «мифо-магического мышления».

Народная магия, по нашим представлениям, как «горизонталь» земного обыденного бытия, зарождалась в непосредственной культурной деятельности людей, когда они на свой страх и риск приспособлялись к неизвестным условиям жизни, вынужденно изобретая приспособления, способы выживания (как сейчас в народе говорят – «лайфхаки»), стремясь при этом максимально оставаться в пределах предписанной изначальной традиции. Так, Б. Малиновский, изучавший быт, как он полагал, в «классической стране магии, в Меланезии»¹³⁸, подчеркивал, что только «...там, где человек видит недостаточность своих знаний и своего рационального подхода, он обращается к магии».¹³⁹

Как показывают современные археологические данные, на самых ранних этапах исторического развития для первобытного дикаря магия была совокупностью таких действий, операций, заклинаний и т.п., которые никоим образом не были оторваны от обычных хозяйственных операций, вызванных насущными жизненными потребностями.

Большинство современных ученых считают, что на протяжении многих тысяч лет человечество не имело представления о «сверхъестественном», о «духах», т.к. для представления человеком таких воображаемых «существ» в природе ему необходимо было достичь довольно высокого уровня развития сознания, особо изощренного мышления. Обыденный же магический обряд можно рассматривать как «обычную реакцию» аборигена на конкретное жизненное событие, преобразованное в примитивном сознании на основе двух важнейших элементов – коллективности и высокой эмоциональной напряженности. Эти элементы вычленил Джейн Харрисон, рассматривая процесс труда первобытных людей. При этом она подчеркивает важнейшие отличительные черты первобытного человека – его активность и безотчетное стремление к самостоятельной деятельности. «Дикарь – это человек действия. Вместо того, чтобы просить бога сделать то, что он хочет, он сам делает это или старается сделать... Когда дикарь хочет, чтобы было солнце, или ветер, или дождь... Он собирает свое племя и исполняет танец солнца, или танец ветра, или танец дождя».¹⁴⁰

Далее, анализируя место магии в трудовом процессе, она пишет: «Коллективность и эмоциональная напряженность – два элемента, которые обращают обычную реакцию в обряд –

¹³⁷ Мелетинский, Поэтика мифа, с.179.

¹³⁸ Малиновский, Магия, с.33. – Мы вряд ли согласимся с мнением о «классичности» меланезийской магии, полагая таковой, скорее, магию африканскую. Если опять вернуться к концепции африканского происхождения предков современных людей, то, по мнению антропологов, кенийский *Homo ergaster* жил в местности Нариокотоме 1,6 млн. лет тому назад; кениантроп плосколицый жил на озере Туркана 3,5 млн. лет тому назад; примерно того же возраста и знаменитые останки афарского австралопитека (женского рода) «Люси», а наиболее «близкий» наш родственник *Australopithecus garhi* жил в области Бури в Эфиопии 2,5 млн. лет тому назад. Расселение племен из Африки происходило всего лишь максимум к 1,8 млн. лет тому назад (знаменитый *Homo erectus*, найденный в районе Дманиси под Тбилиси – 1,7 млн. лет тому назад); в районы Азии – 1,5 млн.– 500 тыс. лет тому назад, а на острова Тихого Океана – примерно 30 тыс. лет тому назад!

¹³⁹ Малиновский, Магия, с.33.

¹⁴⁰ Harrison J.E. *Ancient Art and Ritual*. L., 1935. P. 30.

особенно среди примитивного народа, – они крепко связаны и поистине едва ли отделимы. Индивид – дикарь – слабая личность; высокое эмоциональное напряжение вызывает в нем и поддерживает чувство социальности; то, что чувствует племя, – священо, это – дело ритуала...»¹⁴¹

Значение эмоций и их развитие для становления и совершенствования человеческой культуры подробно описано в моей монографии «Симфония человеческой культуры»¹⁴². При этом эмоции понимаются как энергетическая основа формирования культурного поля, незаменимое «топливо» человеческой культуры. Эмоции, развиваясь в переживания и чувства, в значительной степени определяли пути развития культуры конкретного этноса, а также формы взаимодействия культур различных этносов (племен).

В первобытной пра-магии необходимо не только подчеркнуть эмоциональное значение ритуалов, но и техники выработки определенных коллективных эмоций и их высокого накала, а также сохранение этих техник в самом ритуализированном поведении и действиях, ведущих к формированию развитой магии, и сохраняющихся как ее отличительные черты. Именно через ритуал, непременно сопряженный с высокой коллективной эмоциональностью, пра-магия не только объединяла отдельных членов племени в единый коллектив, но также «соединяла» племя одновременно с окружающим миром и с миром Иного, т.е. объединяла обыденное и сакральное, известное и непостижимое, естественно-природное и «сверхъестественное»...

Таким образом, на протяжении веков и тысячелетий магия зарождалась и развивалась как коллективное действие, как неотъемлемая часть существования и деятельности конкретного племени, причем параллельно в двух направлениях: сохранения изначальной Тайны происхождения (на основе жреческих мифов) и постижения тайн окружающего мира (на основе профанных мифов). Основные ритуалы, совмещавшие эти уровни мифов и деятельности, в древности могли быть осуществлены только коллективно, одновременно являясь основой поддержания высокого энергетического уровня этнического культурного поля, обеспечивая его совершенствование и развитие.

Уникальность каждого этно- культурного поля в разные исторические эпохи (с учетом различных фаз развития ведущих этносов в этно- энергетических сегментах единого культурного поля человечества) естественно предполагает неповторимость каждого взаимодействия с Иным (непостижимым, непознанным). Характерные особенности этих взаимодействий «читаются» в основополагающих **мифах** конкретной культуры, в первую очередь, космогонических и этногенетических.

Этно-энергетический подход к понятию «духов»

...нельзя сказать, что этот дух полностью находится в нас; что он не является фактором наших действий: он принадлежит нашей душе и, стало быть, принадлежит нам, но не до конца, ибо мы являемся конкретными человеческими существами, а он представляет собой нечто большее, чем проживаемая нами жизнь...

Плотин. Энеады

(О присущем каждому демоне)

Известно, что в научный оборот термин «мана» был введен религиоведом Э.Б.Тейлором (в русской транскрипции и религиоведческой традиции – Тайлор), создавшим теорию «анимизма» (от лат. «анима» – душа, дух) и полагавшим, что представления о «духе» (душе) являются началом религии.

¹⁴¹ Harrison, Ancient Art, p.36—37.

¹⁴² Кравченко, Симфония, с.61—189 (параграф «Эмоции культуры»).

В своей классической работе «Первобытная культура» Тейлор писал: «Анимизм характеризует племена, стоящие на весьма низких ступенях развития человечества, он поднимается отсюда без перерывов, но глубоко видоизменяется при переходе к высокой современной культуре. <...> Анимизм составляет в самом деле основу философии как у дикарей, так и у цивилизованных народов. И хотя на первый взгляд он представляет как бы сухое и бедное определение минимума религии, мы найдем его на практике вполне достаточным, потому что, где есть корни, там обыкновенно развиваются и ветви».¹⁴³

Не погружаясь в долгую полемику, отметим, что Тейлор, стоя на европоцентристской позиции, не скрывая колонизаторской психологии, взирал на дикарей все же с более-менее трезвой точки зрения, признавая непосредственную преемственность культуры – от первобытного состояния к высоко цивилизованному. И в этом – бесспорная заслуга классика мировой культурологии. И даже против историко-культурной трансформации анимизма трудно возражать.

Однако принципиальное несогласие вызывает его основной религиозоведческий тезис: «Анимизм есть минимум определения религии».

Во-первых, *анимистические представления – это не причина, а следствие развития мифо-магических представлений*. Так, «мана» даже для современных меланезийцев – это сначала некая «сила», а уже потом – «дух». При этом персонификация «силы» в «духе» даже у реликтовых племен происходит не так однозначно, как это представлялось религиоведам и антропологам XIX и начала XX в. Как мы видели, сам «дух» у племени пираха воплощается в реальном человеке, как правило, всему племени известном; причем «дух» не «подселяется», а как характерный художественный «образ», требует полного «перевоплощения» от своего «представителя». Не случайно Эверетт назвал это обычное в племени «явление духов» – «театром пираха»¹⁴⁴. В действительности, это яркий пример того «оборотничества», о котором писал А.Ф.Лосев (когда человек мыслил себя носителем чужих сил и находился во власти иллюзий такого перевоплощения или оборотничества). И остальные «духи» пираха вполне естественным для индейцев образом «являлись» им в материальных телах ягуаров и змей, бледнолицых европейцев и индейцев других племен и т. д.

Как мы видели выше, и у зороастрийцев «маинйу» – это некая «сила», «качество» и т.д., а **отнюдь не** какое-то бесплотное «существо» со злым или добрым «характером», действующее по своей воле, в соответствии со своими целями и т. д.

Во-вторых, даже употребление слова «дух», а тем более «душа» – это отражение ментальности Тейлора, воспитанного в европейской культуре; более того, это результат откровенного переноса позднейших религиозных представлений (в первую очередь – позднеязыческих средиземноморских и, конечно, христианских) на мировосприятие аборигенов реликтовых и тем более – древних племен. Чего стоит только образ «дикаря-философа» (абсолютный оксюморон!), «рассуждения» которого как бы воспроизводит Тейлор. Первый невозможный момент в этих гипотетических «рассуждениях» – о наличии души у мертвых или спящих; второй – попытка «соединить жизнь и призрак» и т.д.¹⁴⁵

С нашей точки зрения, *появление понятий о «духах» в мифо-магическом мышлении древних людей – это результат вынужденной «профанации» некоторых элементов тайного знания в среде непосвященных*, которая была необходима в связи с сохранением самого Знания, а также для формирования и развития менталитета племени, совершенствования культурного поля, стимулирования творческого начала членов племени и т. д.

¹⁴³ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С.211.

¹⁴⁴ Эверетт, Не спи, с.141.

¹⁴⁵ Тайлор, Первобытная культура, с.212—213.

Так, в материалах по исследованию фольклора и религии чукчей В.Г.Богораз-Тан отмечал, как трансформируется в обыденных представлениях обычных представителей племени основная идея примитивного сознания – двойная природа вещей (то, что Л. Леви-Брюль называл «партиципацией», а А. Лосев – «оборотничеством»).

В.Г.Богораз-Тан писал: «...Вещи имеют двойную природу: свой обычный вид и другой, более или менее человекоподобный. Обе формы вполне материальны, и вещи могут свободно менять их одна на другую. Так, каменные топоры и молотки, употребляемые в хозяйстве, превращаются в людей, а потом опять ложатся на свое место в прежнем виде. <...> Как прямой вывод из идеи о двойной природе вещей возникает представление о том, что одна из двух сущностей, свойственных им, – внешняя, другая – внутренняя, скрытая под обычной формой. А поскольку она скрытая, она вообще невидима человеческому глазу, но тем не менее она все же способна к выходу из внешней оболочки и тогда представляется в виде человеческого существа. Так возникает первое представление о различии между материальной формой и жизненной силой, которая в ней содержится. Появляется дух, или „гений“, „леший“, „водяной“ антропоморфного вида. Он вообще невидим, нематериальный предмет представляет его постоянное местообитание, которое он может покидать, принимая свой настоящий, человекоподобный образ».¹⁴⁶

Итак, предположим, появление представлений о разнообразных «духах» – это вид системной «профанации» древнейших мифов, в которых действовали непостижимые обычному аборигену существа и происходили невероятные события. Поскольку мир представлялся целостным, а все непостижимое и невероятное было связано с Иной, оборотной стороной реальности, формировались представления о «духах», имевших и материальные воплощения (в виде животных, часто – необычных), но и некие «квази-материальные» образы.

В нашем исследовании мы обращаем внимание на то, что у древних племен происходила персонификации отдельных сил/энергий, которые рассматривались как «духи», а по мере формирования более четкого абстрактного мышления – как «боги», «божества». (О переходе от мифо-магического мировоззрения к религиозному мы будем рассуждать в следующем параграфе.)

Так, в мифологии индейцев сиу-Дакота «вакан танка» – это не только «сила», но и «великая тайна»; эта таинственная «сила» воплощается в иерархии нескольких классов духов. Термин «вакан» иногда употребляется в значении «великий дух».

В контексте нашей этно-энергетической концепции культуры мы можем рассматривать образы «духов» как вполне ощутимые для сенситивных «жрецов» (шаманов, колдунов, ведунов и т.п.) некие сгустки различных видов энергий, которые по-особому остро воспринимаются и «познаются» ими во время инициаций. «Жрецы» вводят в обиход словесные обозначения и образы этих сгустков энергий, характерных для тех или иных ареалов обитания племени. В рамках современных геофизических знаний они вполне научно могут быть интерпретированы как определенные геомагнитные, электромагнитные, тектонические, атмосферные (северные сияния) и пр. постоянные излучения, характерные для определенной местности. Во взаимодействии с организмами людей и их психикой подобные явления могут формировать определенные симптомы, реакции, феномены, которые можно образно обозначить, как «духи».

Как мы видели в выродившейся духовной культуре пираха, индейцы, представлявшие «духов», также создавали иллюзию того, что они живут в джунглях, откуда вещают таинственными голосами или непосредственно являются соплеменникам.¹⁴⁷

¹⁴⁶ Богораз-Тан, Чукчи, с.6.

¹⁴⁷ Эверетт, Не спи, с.138.

Для нашего нынешнего исследования нет необходимости подробно излагать энергетическую концепцию «духов», достаточно только подчеркнуть тот момент, что, например, шаманские «духи» в своем большинстве связаны с природной средой – духи воды, земли, человеческих болезней и т. п. Для шаманов и их соплеменников духи не «сверхъестественны», они так же существуют в природе, как и все известные животные, растения и т. д. У чукчей, например, отмечается устойчивое иерархическое представление о духах. Так, леса, реки, озера, горы имеют своих «хозяев» или «владельцев». «Различные виды зверей и деревьев также имеют своих „хозяев“, которые живут вместе с ними в лесу. Каждый вид деревьев имеет отдельного „хозяина“. Только береза не имеет хозяина, и поэтому люди с ней обращаются без всяких стеснений, как с „безразличной“ и ничьей».¹⁴⁸

Зачастую «духи» воспринимались как злые сущности. В. Богораз-Тан в своей книге приводит рисунки чукчей, изображающие злых духов, отдаленно напоминающие злобных волков или собак; австралийские аборигены изображали духов как маленьких человечков с большими головами; африканские маски представляли жуткий облик духов или каких-то монстров, чтобы духов отпугнуть...

В полном соответствии с древнейшими «близнечными мифами», злые и добрые духи находились или в прямом «родстве», или, по крайней мере, в теснейшем взаимодействии. В отличие от перовпредков- близнецов (о которых речь шла в предыдущем параграфе), духи могут не иметь отношения к происхождению данного этноса. Однако они, будучи «хозяевами», постоянными жителями определенной местности или покровителями определенной духовной сферы (здоровье, «профессия» – охота или рыболовство; умение – резьба по дереву или кости; вязание и т.п.), духи прямо и непосредственно связаны с человеком.

Разнообразие духов определяет и многообразие формирующейся праматической деятельности, будущих видов магии.

Так, предвидение будущего и гадания на предстоящие события – один из видов древнейших форм общения с духами, которые, заведомо имеющие отношение к сфере Иного (оборотной стороне реальности), знали и прошлое и будущее.

Предвидение часто связывалось со злым мифическим перовпредком (братом-близнецом), и к нему первому обращались за советом, а за непосредственной помощью – к доброму «близнецу».

Е. Котляр отмечала в народной магии догонов: «Чтобы обеспечить успех какого-либо дела, следует сначала посоветоваться с Йуругу (путем гадания), а затем обратиться к культу Номмо (дары алтарям, приношения)».¹⁴⁹

У древних славян были представления о злой сущности, которую они называли Див или Диво¹⁵⁰; она предсказывала несчастья. Так, в «Слове о полку Игореве», когда Игорь, невзирая на небесное знаменье, отправляется к Дону: «збися дивъ, / кличетъ врьху древа: / велит послушати / земли незнаемъ...» («встрепенулся Див – / кличет на вершине / древа, велит/ прислушаться – земли неизвестной...»). А когда половцы вторглись на русскую землю – «уже врьжесе див на землю» («уже бросился Див на землю»)¹⁵¹.

Этнограф XIX в. Я. Головацкий, углубленно изучавший славянскую демонологию, отмечал, что древнеславянский Див позже ассоциировался с «Чернобогом», мрачной, смертоносной и злой сущностью, – противником Белобога, сущности светлой, животворной и доброй.¹⁵²

¹⁴⁸ Богораз-Тан, Чукчи, с.8.

¹⁴⁹ Котляр, Миф, с.119.

¹⁵⁰ В славянских языках слово «диво» переводится как «чудо»; см. в предыдущем параграфе – А.Ф.Лосев: «Миф – это чудо».

¹⁵¹ Слово о полку Игореве. М.-Л.: Наука, 1950. С. 12 и 20. (Дословный перевод Д.С.Лихачева).

¹⁵² Виклади давньослов'янських легенд, або міфологія, укладена А.Ф.Головацьким. Київ, 1991. (пер. с издания: Львов, 1860). С.40.

Некоторые исследователи славянской мифологии полагают, что у многих древних славянских племен были образы Белобога и Чернобога, которые часто представлялись как добрая и злая силы; при этом злему Чернобогу поклонялись тщательнее и регулярнее, видимо, считая, что Белобог и так добрый, и лишний раз его просить не нужно.

Нетрудно догадаться, что жреческая/сакральная и профанная/народная – обе мифологические и пра-магические традиции стали прототипом того, что в западной средиземноморской культуре стали называть «белой» и «черной» магией. В действительности, и в том, и в другом истоках существуют те элементы, которые с точки зрения обычных людей могут быть названы и «черными» и «белыми»: гуманными и антигуманными, полезными и вредоносными, моральными и аморальными...

Не нужно забывать, что в примитивном миропонимании мораль тоже только складывалась. А поскольку, как мы показали в монографии «Симфония», развитая мораль имеет отношение к высшим универсальным чувствам, – в первую очередь, к Совестью и Любви, – которые формируются на высоком уровне цивилизации, то рассматривать примитивные традиции и обычаи со строго моральной точки зрения – все равно, что проверять интеллект аборигена с помощью теста на IQ.

«Духи» могут говорить на особых языках, как и животные (не обязательно тотемные), и эти языки понятны только магам (шаманам).¹⁵³ Напомним, что и в выродившейся культуре индейцев пираха, человек, «превратившийся» в духа, говорил особым голосом и на особом музыкальном языке, как и тот индеец, который на том же языке в импровизированной «песне» рассказывал содержание своего сна (который для него был особой явью). В племени догонов жрецы сохраняют особый язык «сиги-со», на котором проводились важные церемонии, транслировалось изначальное Знание, а для обычных членов племени – это был специальный язык, на котором «духи» первопредков общались со жрецами...

Некоторые важные «формулы» из языка «духов», жреческих возгласов или заклинаний шаманов становились необходимыми элементами «народной» магии, и этим формулам, изречениям, фразам – придавалось особое магическое значение самим по себе, и они, как магические словесные «мемы», транслировались в позднейшие поколения этноса и даже в другие культуры.

В отличие от современного понимания природы, для «мифического» миропонимания людей во всех природных вещах всегда есть элемент непостижимой Тайны, связанной с Великой Тайной мироздания, а также глубинное признание того, что взаимодействие природных объектов никогда не будет постигнуто человеком до конца... Потому и вселенская «партиципация», и «оборотничество» вещей могут быть постигнуты только особым образом, вне закономерностей обыденных событий и отношений, т.е. «магически». И признается столь же иное, – магическое взаимодействие людей с вещами и явлениями, будь они природные, социальные, индивидуальные. Это специфическое взаимодействие способно привести к необычным, но желанным результатам. Понятно, что в древнейшие времена прерогатива «пра-магических» практик принадлежала магам, знавшим и ритуалы, и «магический» язык.

Шаманизм как особая ветвь магической традиции

Само слово шаман вошло во все европейские языки из русского языка. В русский язык слово шаман попало в первой половине XVII века из языка эвенков... Одни ученые... сравнивали его с древнеиндийским словом

¹⁵³ Богораз-Тан В. О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени// Известия Академии наук. Серия VI, т. XIII, 1919. С., 489—495. Переиздание: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб., 1995. С.97- 104.

шрамана – «слушающий», другие усматривали в нем связь с названием сомы – священного напитка древних иранцев...

А.А.Бурькин. Шаманы те, кому служат духи

Учитывая различия в условиях формирования и развития конкретных этносов, мы должны подчеркнуть и совершенно очевидное различие в сформированных традициях передачи магических знаний и практик. Необходимо учитывать, что в племенах, живших в чрезвычайно тяжелых климатических и природных условиях (в приполярных областях, в непроходимых джунглях, в безводных пустынях и т.п.), трудно было сохранить «в чистоте» линию «жреческой» сакральной преемственности, в особенности, если жрец был один в племени.

В предыдущем параграфе мы упоминали, что сформированные у африканских племен жреческие сообщества хранили изначально полученное знание (от первопредков или культурных героев). Именно жреческие тайные знания о Сириусе были открыты Гриолю племенем догонов; известны шесть тайных обществ, сохраняющих древнейшие тайны, в племени бамбара (с разным «уровнем доступа» в соответствии с пройденной инициацией!).

Однако у племен других регионов сформировались другие традиции освоения и передачи магических тайн. Одна из них – это сибирский шаманизм.

Мы солидарны с теми исследователями, которые считают Сибирь родиной мирового шаманизма¹⁵⁴, считая шаманскую магию специфически отличной от африканской. Для нас важен тот факт, что в бытующем до наших дней шаманизме как бы «законсервированы» исходные основы древнейшей магии евразийского континента, которая, трансформируясь в позднейшие исторические эпохи, сохраняла свои главные «принципы».

К сожалению, в отличие от африканских магических традиций, в сибирском шаманизме не сохранилось явных следов знаний, полученных от первопредков. Но в нем более определенно сформировалась интересующая нас линия «пра-мистических» представлений на фоне магической практики.

В древнем сибирском шаманизме проявились основные линии преемственности единой – и сакральной, и народной магии, веками (тысячелетиями?) сохраняемой в племенных культурах. В отличие от африканских реликтовых племен, культура сохранившихся племен на бывшей территории СССР за последние 100 лет подверглась существенному воздействию атеистической идеологии. И хотя важнейшие характерные особенности сибирского шаманизма сохранились, необходимо учитывать, что некоторые сакральные знания ушли в «подоснову» известных сегодня шаманских традиций.

Целый ряд исследователей шаманизма (Уно Харва, Георга Ниорадзе и др.) доказали, что центрально-азиатский шаманизм тесно связан с доисторической культурой сибирских охотников, а шаманские традиции и техники исследователи находят у первобытных народов Австралии, Малайзии, Южной и Северной Америки... М. Элиаде утверждал: «Недавние исследования ясно показали шаманские элементы в религии охотников времен палеолита».¹⁵⁵ Как свидетельствуют современные археологи, древнейшие палеолитические стоянки, обнаруженные в Сибири, относятся примерно к периоду 100—120 тысяч лет назад, в связи с переселением народов с территорий, ныне принадлежащих республике Алтай, Казахстану, странам Средней Азии. Принятая сегодня версия появления человека на территории Африканского континента предполагает именно там наличие истоков мирового шаманизма. Однако современные шаманы признают родиной шаманизма остров Ольхон на озере Байкал. Именно там

¹⁵⁴ Znamenski, Andrei. Shamanism in Siberia: Russian Records of Siberian Spirituality. Dordrech and Boston: Kluwer/Springer, 2003.

¹⁵⁵ Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев. София, 2000. С. 461.

находится знаменитая скала Шаманка, внутри которой, как считается, в далекой древности проходили первые посвящения шаманов.¹⁵⁶

Заметим, что личный опыт будущего шамана часто не зависел ни от его желания, ни от возраста, ни от происхождения... Как правило, уже при рождении будущий шаман имел какую-то «метку» о своем предназначении (родимое пятно, шестой палец на руке или ноге, тот или иной вид уродства и т.д.). Как отмечают исследователи шаманизма, в каждом регионе существует особая «иерархия» шаманов, определявшаяся их родословной. Так, в тувинском шаманизме, как показывают исследования М. Б. Кенина- Лопсана, «Шаманы, по народным поверьям, могли происходить от шаманов- предков, духов земли и воды, небожителей, злых духов... Принадлежность к той или иной категории определяла место шамана в шаманской иерархии, возможности воздействия на людей и т.д.»¹⁵⁷ Самыми «сильными» и «настоящими шаманами» считались те, кто вели свое происхождение от предков-шаманов. Как отмечал известный этнограф и исследователь шаманизма начала XX в. Ф. Я. Кон, почетные потомственные шаманы имели среди предков по 8—10 шаманов.¹⁵⁸

«Призвание» к деятельности зачастую начиналось с так называемой «шаманской болезни», которая представляла собой страшное испытание на грани жизни и смерти (необъяснимое заболевание, умопомрачение). В процессе болезни будущий шаман, как правило, видел собственную смерть, когда духи расчленили и поедали его тело, а затем на голый скелет духи «наращивали» новую плоть, что позволяло ему затем беспрепятственно пересекать «черту», разделяющую миры людей и духов.¹⁵⁹

После успешного прохождения «шаманской болезни», и/или, у некоторых народов, прохождения «школы» у старого шамана (например, у ненцев обучение могло продолжаться до 20 лет, а у тувинцев – от 3- 7 до 10 дней¹⁶⁰), будущий молодой шаман проходил обряд посвящения. Это могло быть совместное камлание неопита с опытным шаманом, во время которого они путешествовали по Нижнему миру (как у тувинцев); или это был обряд «оживления бубна», как у народов Алтая и якутов.¹⁶¹

Признанный соплеменниками, новый шаман начинал лечить болезни людей, которые, по шаманским представлениям, вызывались злыми духами, путем призвания добрых духов, с которыми у шамана были почти родственные (по плоти и крови!) взаимоотношения. Шаман также искал потерянные предметы, видел на далекие расстояния, даже перемещался по воздуху, предсказывал будущее, освящал различные предметы и объекты, провожал души умерших в последний путь и др. Еще раз подчеркнем: в деятельности шаманов магия прямо и непосредственно была связана с обыденной жизнью племени.

Таким образом, в ходе исторического развития в каждом племени постепенно выделялись «профессионалы» и «организаторы» коллективных действий. «Профессионалы» знали все обрядовые и ритуальные стороны магии, они «призывались» высшими силами (духами, богами) к сохранению племенных мифов, верований и обычаев, к постоянной «магической» активности, получая обязанности и возможности помогать соплеменникам не только во время важных событий, но и в решении ежедневных проблем.

¹⁵⁶ Мне довелось участвовать в первом Международном научном симпозиуме «Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты» (20—26 июня 1996 г., г. Улан-Удэ, озеро Байкал), на котором присутствовали ведущие современные исследователи шаманизма из многих стран мира, а также современные шаманы Прибайкалья, Забайкалья, Тывы, Западной Сибири, Монголии,

¹⁵⁷ Кенин- Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск: Изд-во «Наука. Сибирское отделение», 1987. С. 11.

¹⁵⁸ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Кон Ф. Я. Собр. соч. М., 1934. Т. 3. С. 73.

¹⁵⁹ Подробнее о «шаманской болезни» и измененных состояниях сознания шаманов см.: Уолш Р. Дух шаманизма. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996; Halifax, Joan. Shaman: The Wounded Healer. London: Thames&Hudson, 1982.

¹⁶⁰ Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы н нижнего Амура). М.: Наука, 1991. С. 132.

¹⁶¹ См.: Смоляк, Шаман, с.132 и далее.

Социальная прослойка шаманов (колдунов, ведунов, волхвов и т.п.) формировалась внутри определенных этносов, сохраняя уникальные особенности обыденных практик, мифологических представлений, в целом – основные черты этно-культурного поля, ярким выражением которого всегда была магия, как постоянно поддерживаемая связь между человеческим (земным) и иными мирами (духов, предков, сверхъестественных существ и т.д.). Таким образом, в каждом племени формировалась своя магическая система, изначальная племенная магия была уникальной.

Но общечеловеческие жизненные универсалии – этапы жизненного цикла отдельной человеческой и общей коллективной жизни естественным образом определяют основные направления общераспространенной мировой магической практики: свадьбы и похороны, лечение и разрешение конфликтов, предсказание будущего и поиски потерянных вещей...

С позиции рационального мышления, магию можно понимать как «иллюзорную технику», но она далеко не бесполезная в жизни конкретного этноса, поскольку ее назначение – помогать решению проблем реальной жизни. Коллективные танцы, песни, заклинания первобытных людей – все это, по словам Дж. Томсона, «... меняло их субъективное отношение к реальности и косвенно меняло саму реальность».¹⁶²

«Ядро» первобытной магии

У шамана в сердце шумит ковыль,
А в душе вечно борются тьма и свет.
Он легко реальность раскрошит в пыль,
Ведь, по сути, реальности вовсе нет.
/.../

В песнях шамана – птичьи крики,
Птиц, не живущих под нашим небом,
Танец шамана – прошлого лики,
В нем растворяется быль и небыль.

Катерина Чумакова

Как мы выяснили, истоки магии находятся в первобытных мифологических представлениях и практике древних людей, когда оформилось некое «ядро» того явления, которое мы сегодня называем «магией». А затем, с развитием различных культур и этнокультурных ареалов появлялось разнообразие магических форм и практик.

«Ядро» *первобытной магии*¹⁶³ можно охарактеризовать следующими чертами::

1. Магия – это реализованные Вселенские энергии, которые воспринимались и реально использовались супер-страстными и страстными членами племени в начале этногенеза.

В примитивных племенах исходное представление о магии основано на осознании «двойственной» природы всех предметов, явлений и событий окружающего мира: наличия «скрытых», невидимых, но не менее важных аспектов бытия. В онтологическом плане в магии бытие целостно, в нем «высшее» неразрывно связано с «низшим»; «культурное» – с «природным»; сакральное и профанное «переплетено». Однако уже в древнейшей магии выстраивалась некая иерархия как явлений, так и членов племени по степени приобщения к извне полученным «сверхъестественным» знаниям.

Магия может рассматриваться как некая «высшая сила», возникающая вследствие управления внутренней энергией и таинственными силами и сущностями с целью вызвать изменения в мире физическом. А также как величайшее тайное знание и высшая «наука».

¹⁶² Thomson G. Studies in Ancient Greek Society. L., 1949. Vol. I. P. 440.

¹⁶³ См.: Kravchenko, Victoria V. Ethno-Cultural Transformations of Magic: From Primitive «Core» to Modern Synthetic Forms and Practises // Clin Schizophr Relat Psychoses 15S:3, 2021.

2. Фигура мага (древнейшего жреца, шамана и т.д.) оказывается неоднозначной – он и обычный человек, и могущественный знаток «тайн», обладающий некими скрытыми силами. Так, в африканских племенах традиционными являются закрытые жреческие сообщества, сохраняющие сакральные знания, полученные от предков или культурных героев.

В сибирском шаманизме в течение тысячелетий была выработана другая линия преемственности сакральных знаний. Пройдя «шаманскую болезнь», шаман получал от духов новое духовное «тело», позволявшее ему непосредственно проникать в иные миры – низшие и высшие. Его деятельность также двойственна: он использует внешне обычные предметы, которые в его манипуляциях проявляют необычные свойства, дают неожиданные результаты и т. д. В нашей этно-энергетической концепции культуры мы рассматриваем «духов» преимущественно как сгустки различных видов энергий, которые по-особому остро воспринимаются и «познаются» сенситивными людьми.

В антропологическом плане магия рассматривает человека как существо, способное воздействовать на природные процессы, обращаясь за помощью к Иному, как к некоей «обратной стороне» бытия. В древнем этносе маг – пассионарий, активный участник целостного бытия; даже признавая неподвластные ему «законы Вселенной», он способен участвовать в жизни «духов» и познавать закономерности проявления и применения «тайных сил». А главное для мага – это способность проявить и осуществить свою личную волю, как правило, во взаимодействии с высшими силами.

3. В обыденной жизни племени магия – это совокупность практик прямого взаимодействия со «скрытыми» сторонами бытия ради достижения практических целей – выживания, обеспечения и безопасности потомства и т. п. При этом важна исходная установка именно на прямое и силовое воздействие человека на предмет, живое существо, природный объект, соотношенное с разрешениями духов, в древнейших религиях – «богов» и т. д. В гносеологическом плане магия, усматривая нераздельность природного и «сверхъестественного», признает возможность в определенной магической практике прямо воздействовать на «сверхъестественное», направляя его на решение земных проблем. Маг убежден в принципиальной возможности их определенным образом «познать» (отсюда – позднейшие представления об иерархии магического знания и всеилии «высшей магии», хотя само «познание» и его методы, как правило, не имеют ничего общего с тем, что в западноевропейской культуре называется «наукой»).

Особый статус магического действия всегда подчеркивался использованием особого «тайного» языка, необычным инструментарием, атрибутикой и т.п..

4. Высокий эмоциональный накал магических практик, определяемых жизненной важностью поставленных целей, характеризующихся предельной остротой любопытства, страха, восхищения, агрессии и т. п. Если в древнейших магических ритуалах огромную роль играла именно коллективная синхронная практика (массовые танцы в необычных костюмах под гипнотизирующие ритмы ударных инструментов, специальные выкрики, ритуальные действия и т.д.), то в позднейшие исторические эпохи появилась определенная вариативность достижения высокого эмоционального напряжения. В некоторых современных магических практиках массовые действия по-прежнему играют существенную роль (например, в вуду или в викке). Но в индивидуальной работе с клиентами позднейшие маги (ведуньи, ворожеи, колдуньи и пр.) могут достичь хоть какого-то положительного результата только в случае, если между магом и клиентами возникает необходимое эмоционально-энергетическое напряжение (усилия мага + безусловная вера клиента; в крайнем случае – специальные усилия мага по введению клиента в измененное состояние сознания или гипноз).

5. В нравственно-этическом плане магия признает амбивалентность как явлений, так и человеческих поступков. Как правило, в магии отрицается и абсолютное добро, и абсолютное зло; приверженцы магии решают конкретные земные проблемы (отдельных этносов, семей или личностей), не давая им этической оценки.

6. Магия является неотъемлемой частью культурного кода данного этноса (племени, народа, нации, сообщества...), одной из ключевых сторон его самоидентификации, определяя основные внешние символы, практики, способы взаимодействия членов сообщества между собой и с представителями других сообществ и т. д. Маг (шаман, колдун, ведун и т.п.), как в древние времена, так и сейчас, всегда подчеркивал свою этническую принадлежность особым костюмом, атрибутами, декоративными элементами, речевыми оборотами, поведенческими особенностями, способами действия и т. п.

7. Магическое действо представляет собой особую систему ритуалов, действий и практик, которые формируются в определенном культурном поле и несут на себе его неповторимую энергетику, а затем подвергаются этнокультурным трансформациям в зависимости от менталитета, эпохи, уровня культурного развития и т. п. Сам процесс трансформации магических практик – предмет особых серьезных исследований.

8. В древнейшей магии не было и не могло быть никакой *веры*, поскольку в мифо-магическом мировосприятии примитивного человека и в его неразвитом сознании не было способности абстрактного мышления, необходимого для того, чтобы воспринимать несуществующее в обыденной жизни. Но у дикаря было полнейшее ДОВЕРИЕ к традиционной памяти о встрече с Первыми Учителями и переданным ими знаниям и умениям. Традиционная память сохранялась посредством ритуалов, в первую очередь, предназначенных для обеспечения высокой эмоциональной солидарности племени и глубокого общего переживания от как бы «повторяющегося» события первой Встречи, определившей и культуру, и саму жизнь племени. Это же доверие к племенной традиции сохранялось и во всех других, в том числе, частных магических процедурах, естественным образом предполагавших полученные извне «сверхъестественные» силы.

9. В значительном большинстве этнических культур магия являлась обычным «ингредиентом» разнообразных культурных практик – и обыденных, и интеллектуальных, и творческих и пр. При этом она не становилась основой миропонимания и мировоззрения, чем был и остается миф, а на определенных историко-культурных этапах – религия.

С развитием и усложнением культурных практик «магическое» постепенно отделялось от «обыденного», как параллельно в духовной сфере «сакральное» отделялось от «профанного» (и формировались первые религии), а позже, наряду с «религиозным», в ходе развития теоретического и абстрактного мышления, возникало «окультурное», «эзотерическое», наконец, «мистическое». Формировавшись в течение тысячелетий, магия в ее разнообразных формах и проявлениях существует и сегодня.

Кратко об особенностях магии в древних цивилизациях

Безымянное есть начало неба и земли,
Обладающее именем – мать всех вещей.

/.../

Вместе они называются глубочайшими.
Переход от одного глубочайшего к другому —
Дверь ко всему чудесному.

Дао Дэ Цзин

Не имея возможности и особой необходимости подробно исследовать пути развития и трансформации магии в древних цивилизациях, обозначим только важнейшие для нас моменты в аспектах, необходимых для нашего дальнейшего исследования мистики.

Остановимся на тех особенностях древней магии, например, **Китая**, которые уже были исследованы выдающимися синологами.

В Китае традиция поклонения первопредкам (и родовым предкам) остается незабываемой в течение тысяч лет. В наиболее архаичных мифах прародительницей вещей и людей (но не мира!) считалась Нюй-ва, полуженщина-полузмея, которую позднее считали женой Фу-Си, первопредка преимущественно восточных племен, изображавшегося человеком-птицей.¹⁶⁴

Как отмечают современные исследователи китайской культуры, «Древняя мифология воспринималась и часто воспринимается до сих пор, как неотъемлемая часть реальной истории Китая. Она продолжает жить не только в религии и народном фольклоре, но и в сочинениях философов, ученых. В разных текстах некий персонаж мог выступать историческим лицом, а в других, порой даже синхронных текстах, этот же персонаж мог выступать мифологическим героем».¹⁶⁵

Ши Хуан -Ди (2697—2599 гг. до н.э.) почитается в Китае как первопредок нации (в некоторых древних версиях мифов связан с тотемами медведя, дракона, драконоподобной ящерицы и пр.; по версии Ван Чуна, в конце жизни Хуан-Ди улетел на небо на драконе). Одновременно он культурный герой (давший народу топор, ступку, лук и стрелы, платья и туфли, лодки, колесницы и многое другое), а также первый правитель, «желтый император», заложивший основы государственности. Знаменитые «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня начинаются со времен деятельности Хуан-Ди.¹⁶⁶

По данным эволюционной генетики, в период 4000—3000 лет тому назад на территории Китая началось расхождение языковых общностей – протокитайской и прото-тибетско-бирманской. Характерно, что мифы и предания о Хуан-Ди, обычаи возведения к нему своих родословных имели широкое распространение и носили над- этнический характер.¹⁶⁷

Заметим от себя, что этногенез прото- китайской общности (сначала рассыпавшейся на множество племен, затем организованных в царства, и наконец – объединенных под рукой первого императора) сохраняет и из века в век транслирует мощный архетип Хуан-Ди, подпитываемый энергиями фактически уже религиозной народной веры. Как у племени догонов, постоянное ритуальное воспроизведение связи с первопредками (дополняемое, по утверждению догонских жрецов, регулярными сообщениями с Сириуса), позволяет этносу поддерживать жизнеспособность и не опускаться до мемориальной фазы (как, например, рассмотренное нами племя индейцев пираха), так и осознанное и культурно-плодотворное отношение к древним мифам является, вероятно, одним из секретов долголетия самобытной культуры Китая.

При этом, как подчеркивал Е. А. Торчинов, китайская культура «...не знала ничего о трансцендентном Боге (или богах) и не имела ни малейшего представления о креационизме».¹⁶⁸ В китайской культуре мир разворачивается сам из себя, подобно цветку, раскрывающемуся из бутона.

Далее, по утверждению Е. А. Торчинова, «... китайская культура не знала духа как начала, иноприродного чувственному бытию».¹⁶⁹ По мысли ученого, китайская культура – это «натурализм, витализм и холизм». В течение тысячелетий в ней сохраняются основы традиционного миропонимания: «Единый и целостный космос, пронизанный потоками жизненной силы, космос, все элементы которого находятся во взаимосвязи и гармоническом единстве,

¹⁶⁴ Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т.2. С.232—233; 572—573.

¹⁶⁵ Мартыненко Н. П. Легендарный первопредок китайской нации и первый правитель: к вопросу о первоистоках концепта Хуан-Ди //Politbook, 2015, №4. С.155.

¹⁶⁶ Мифы народов мира, т.2., с.605—606.

¹⁶⁷ Мартыненко, Легендарный первопредок, с.159.

¹⁶⁸ Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2005. С.54.

¹⁶⁹ Торчинов, Пути философии, с.54.

одновременно непрестанно трансформируясь и изменяясь в своей энергийной пластичности».¹⁷⁰

Важнейшую роль в китайском миропонимании играет многозначное понятие «ци», в котором нет непреодолимой грани и тем более разрыва между духом и веществом, материей и сознанием. Как замечает Е.А.Торчинов, древнекитайский философ Ван Чун (1 в.н.э.) природу «ци» сравнил со льдом: нагреваясь, он становится водой, а затем – превращается в пар. Так и «ци», сгущаясь, становится веществом, а истончаясь – духом.¹⁷¹

Как мы понимаем, в сущности, подобные представления о взаимосвязи «материального» и «духовного», «земного» и «иноного» были характерны и для мифо-магического мышления архаических племен средиземноморского региона, Африки и протоарийских кочевых племен.

Энергийность космоса в китайском понимании ведет к тому, что можно понимать как *тотальный магизм*. Е.А.Торчинов подчеркивает: «...в основе своей китайская картина мира глубоко магична. И этот магизм базируется на органицизме китайского космоса, отличающегося от новоевропейского космоса так же, как организм отличается от механизма».¹⁷² С точки зрения европейца, в китайской мысли магизм может трактоваться как деизм, рационализм, иррационализм, даже – атеизм, и конечно – как мистицизм.

Здесь мы остановимся, поскольку сделали важнейший для нас вывод о связи магизма и мистицизма в китайской мысли. Далее, в главе о современных формах западного псевдомистицизма, мы еще вспомним главные принципы китайского магического миропонимания – «коррелятивное мышление» и доктрину «средства видов» (или «теорию симпатии»). В настоящий момент нам важно было подчеркнуть категорическое различие между культурными основами китайской и западной культур и, соответственно, различную роль магии и ее значение в них.

Что касается **древнеиндийской цивилизации**, то сохранились мифы о нагах, змеевидных существах, прибывших с планеты-океана и правивших в Индии в древности. До сих пор в индийских деревнях есть праздник змей, когда жители ловят диких змей (в том числе кобр), держат их целый день в руках, проводят определенные ритуалы, и змеи их не кусают. А в конце дня змей отпускают на волю, в джунгли.

Наги, по индуистской мифологии, это полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами. Им принадлежит подземный мир и они считаются мудрецами и магами, способными оживлять мертвых и менять свой внешний облик. В некоторых источниках наги – божественные змеи смешиваются с представлением о нагах -исторических племенах, живших на северо-западе Индии до прихода ариев. Предполагается, что реальные наги были племенами монголоидной расы, имевшими своим тотемом змею (кобру).¹⁷³

Мы обратим внимание на более-менее изученный ведический период, определивший древнейшую форму индуизма. Как отмечает Е.А.Торчинов, «...религия вторгшихся в Индию в середине II тыс. до н.э. кочевников-ариев, была прежде всего религией жертвоприношений (яджня), включавших в себя значительный элемент магии, поскольку жертвоприношение предназначалось не для умиловления божества, а для его подчинения воле жертвователя. Отсюда и поговорка: «все повинуется богам, а боги – брахманам (жрецам)».¹⁷⁴

Мы не можем не отметить, что арийские кочевые племена, вторгшиеся на полуостров Индостан, – это близкородственные племена тем мидийцам, что, прибыв примерно в тот же

¹⁷⁰ Торчинов, Пути философии, с.54.

¹⁷¹ Торчинов, Пути философии, с.58.

¹⁷² Торчинов, Пути философии, с.60.

¹⁷³ См.: Мифы народов мира, т.2, с.195.

¹⁷⁴ Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С.187.

исторический период на территорию нынешнего Ирана, стали магами/жрецами в зороастризме (см. выше).

Однако на территории Древней Индии и в уже довольно зрелом дравидском культурном поле арийская магия подверглась серьезной трансформации, а главное – она не смогла доминировать над мощными и вполне определенными мистическими тенденциями, основанными на отработанных психотехнических практиках.

В определенном смысле, можно сказать, что в древнеиндийской культуре мистика сразу была отделена от магии и развивалась своими собственными путями, в соответствии с конкретными религиозными направлениями индуизма (брахманизма, шиваизма, древнего кришнаизма), буддизма, джайнизма, ислама и т. д.

Мы не будем вмешиваться в жаркие споры по вопросу – кто же был родоначальником классической йоги – древние дравиды или пришлые арии; для нас главный факт заключается в том, что йогические психотехнические практики взаимодействия с запредельным в течение тысячелетий были и до сих пор являются образцовыми в мировом мистицизме. Они широко варьировали и включались в целый ряд религиозно-философских направлений (напоминаем, что йога была также оформлена в одну из шести классических даршан – школ классической индийской философии). Характеризуя наиболее известный источник йоги, видный историк классической индийской философии С. Дасгупта отмечал, что Патанджали «...не только собрал различные формы йогических практик и отделил разнообразные идеи, которые были или могли быть связаны с йогой, но и пересади́л их на метафизику санкхьи и придал им тот вид, в котором они и дошли до нас».¹⁷⁵

Магия в древнеиндийской культуре была чрезвычайно развита и связана не только с брахманизмом или другими религиозно-философскими системами (в первую очередь, с религиозными культами), но включала и широкий пласт народных обыденных практик. Достаточно упомянуть, что в ведической традиции одна из четырех основных Вед – Атхарваведа носит ярко выраженный магический характер, прямо именуется «ведой заклинаний». Автор перевода и комментариев избранных фрагментов древнего памятника Т.Я.Елизаренкова отмечает: «Название „Атхарваведа“ (atharvaveda „веда заклинаний“ или „веда атхарванов“) происходит от имени мифического жреца огня Атхарвана (atharvan „жрец огня“, имя собственное родоначальника жрецов огня, имя собственное потомков Атхарвана). Связь этого собрания со жрецами огня очевидна: заговоры произносились обычно над огнем, в который совершались жертвенные возлияния. <...> Первоначальное название АВ (Атхарваведы -В.К.) не включало в себя слова „веда“. Это было „Атхарва“ или „Атхарвангираса“ (atharvangirasa) – название, состоящее из имен двух мифических родов: Атхарвана и Ангираса (angiras – название полубожественных существ, мудрецов-риши, посредников между богами и людьми или angirasa „связанная с Ангирасами“). По индийской традиции считается, что связь АВ с двумя родами – Атхарванами и Ангирасами – отражает двоякую природу заговоров этого собрания. Белую магию (заговоры, обращенные на достижение добра) связывают с Атхарванами, а черную магию (заговоры, обращенные на достижение зла) связывают с Ангирасами. Таким образом, АВ противостоит трем каноническим ведам и по характеру названия, и по содержанию, как текст магического названия текстам собственно религиозного культа. <...> В основе АВ лежат магические народные обряды, уходящие корнями в глубокую древность. Некогда они пронизывали собой весь быт древних ведийских племен... Типологические параллели этому встречаются в ранней истории самых различных цивилизаций».¹⁷⁶

¹⁷⁵ Dasgupta S. *Yoga Philosophy in Relation to other Systems of Indian Thought*. Calcutta, 1930. P.51.

¹⁷⁶ Елизаренкова Т. Я. Об Атхарваведе // Атхарваведа: Избранное. Пер., комм. и вст. ст. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. С. 3—4.

Взаимодействие магии и мистики в индийской культуре – чрезвычайно сложная и многоаспектная проблема, далеко выходящая за рамки нашей работы.

Выше, рассматривая истоки термина и понятия магии, мы вкратце проследили обозримые сегодня начала древнейшей зороастрийской (древнеперсидской) магии, судя по всему, тесно связанной со всем комплексом древних арийских культур, как цивилизованных народов, так и кочевых этносов. Для целей дальнейшего исследования трансформации древнейших этнических форм магии в условиях формирования высоких цивилизаций, рассмотрим вкратце историко-культурную динамику магии в средиземноморских цивилизациях.

Основные моменты трансформации римской магии

При всем том, учитывая воззрения простого народа, и в коренных интересах государства необходимо поддерживать и нравы, и религию, и учения, и права авгуров, и авторитет их коллегии.

Цицерон. О дивинации

Одним из важнейших примеров трансформации магии для нашего исследования является процесс «расслоения» древней магии на «теоретическую» и «практическую» в средиземноморском ареале. Подчеркнем важный для нас момент: «расслоение» древнейшей магии происходило по тем же уровням сакральной и профанной магии, что и в других культурных ареалах.

В Древнем Риме мы можем рассмотреть трансформацию от древних форм этнической магии к – функционированию магии и отношению к ней в имперском Риме, как воплощенной идее цивилизации. Мы кратко обратимся к проблеме рассмотрения магии в Риме, поскольку, с нашей точки зрения, здесь происходили процессы трансформации, в первую очередь, «обыденно-практических» и «профанных» форм магии, во многом определивших ее понимание в позднейших ареалах европейских культур.

Обратимся к знаменитой «Естественной истории» Гая Плиния Секунда, о которой исследователь А. В. Белоусов справедливо замечает: «... мимо Плиния не удастся пройти ни историю собственно античной магии, ни исследователю средневековых западных и... даже славянских магических практик. И правда, в „Естественной истории“ мы обретаем великое разнообразие магических рецептов, которым можно найти параллели в истории почти любой культуры».¹⁷⁷

Но нас интересует не то, что это многотомное сочинение предлагает компендиум доступных Плинию сведений о магических «рецептах», а тот факт, что в этом известном произведении ярко выражено разделение магии не только на «сакральную» (о которой Плиний, судя по всему, имел слобое представления) и «профанную», но также – на магию «легитимную» и «запретную».

На первый взгляд кажется, что Плиний высказывает негативную оценку магии в целом, называя ее «магическим пустословием», а магические средства лечения – «безнравственными и нечестивыми». Однако то, что Плиний называет «магией», относится, в первую очередь, к тем явлениям «чародейства, колдовства и волшебства», которые он связывал с таинственными практиками других народов. Судя по всему, к «магии» Плиний относит медицину, которую считает «наиболее противоречивой наукой»; астрологию, в которую не верит, и «*uigēs religiones*», которые, скорее всего, представляют собой «силу суеверий»

Таким образом понимая «магию», Плиний предлагает рассмотрение ее «истории», видимо, опираясь, главным образом, на сочинение Бола Мендесского, в котором от имени Демокрита излагалась теория вселенской симпатии и антипатии (скептически Плинием воспринятая), а также магические рецепты, заинтересовавшие его в наибольшей степени.

¹⁷⁷ Белоусов А. В. Вновь о магии у Плиния Старшего // Ното omnium horagum. Сб. ст. в честь 70-л. А.В.Подосинова. /под ред А.В.Белоусова и Е. В. Илюшечкиной. М.: Ун-т Д. Пожарского, 2020. С.71.

По мнению Плиния, история магии начинается в Персии от Зороастра; при этом он замечает, что речь идет о первом Зороастре, который, согласно Евдоксу Книдскому, жил за 6 тыс. лет до смерти Платона и сведения о нем якобы подтверждает Аристотель. (Известен и второй Зороастр из Проконнеса, который жил во времена Ксеркса). Согласно Гермиппу Смирнскому, Зороастр научился магии от некоего Азонака, который жил за 5 тысячелетий до Троянской войны.

Поскольку не сохранилось никаких древнейших магических сочинений, Плиний довольно скептически относится к сведениям о древней магии. И несмотря на то, что магия процветала и процветает по всей ойкумене во все времена, она – самое обманчивое из всех «искусств»...

Плиний называет имена известных магов, сочинений которых не сохранилось до его времени: Апусора, Зарата, вавилонян Мармара и Арабантифока, а также ассирийца Таврмоенду. Плиний отмечал распространенность магии в Фессалии, в связи с чем Менандр даже написал комедию «Фессалиянка», в которой рассказывается о магических ритуалах привлечения Луны к Земле. Также он упоминал магию во Фракии.

Удивление Плиния вызывает то, что, по его мнению, о магии нет никаких упоминаний у Гомера. Если только, по его словам, не считать таковыми рассказ Гомера о Протее, пении Сирен, о Цирцее и призвании мертвых... Плиний также не находит в своих источниках сведений о том, что магия появилась в карийском Тельмесе, который он называет «суевернейшим городом»; он не определил, когда магия возникла у «фессалийских матушек», которые у большинства античных авторов ассоциировались с магией... Также Плиний удивляется тому, что народ Ахилла приобрел такую прочную колдовскую репутацию.

Напомним, недоумения Плиния связаны, в первую очередь, с тем, что он ограничил представление о магии медициной, астрологией и «суевериями».

По сведениям Плиния, первым, кто написал о магии, был Остан, сопровождавший персидского царя Ксеркса в его походе на греков, по пути посеявший семена этого «отвратительного искусства». Плиний перечислял имена тех греческих философов, которые, по его сведениям, прославились магическими интересами и магическими сочинениями: Пифагора, Эмпедокла, Демокрита (который якобы проник за сочинениями Дардана Финикийского прямо в его могилу) и даже Платона.

Плиний сообщал и о другой, иудейской ветви магии, появившейся через много тысяч лет после Зороастра, родоначальниками которой были Моисей, Ианний и Иотап. Он подчеркнул, что распространению магии во многом способствовали походы Александра Великого, которого сопровождал некий второй Остан.

В предыстории Рима, по Плинию, следы магии заметны среди италийцев. В 28-ой книге «Естественной истории» Плиний рассматривает магическое содержание законов 12-ти таблиц. В Галлиях магия практиковалась друидами: Британия была «страстно охвачена магией».

В качестве одного из важных доказательств существования магии в Риме, он приводит тот факт, что в 657 г. от основания города (94 г. до н.э.), в консульство Гн. Корнелия Лентула и Публия Лициния Красса, было запрещено человеческое жертвоприношение.

А.В.Белоусов вполне справедливо выявляет основные идеологические и моральные «скрепы», характеризующие как центральную идею произведения Плиния, так и предпринятое им рассмотрение магии. «„Естественная история“ представляет собой описание природы (natura), которая есть жизнь (vita), и которая при этом неразрывно связана с человеком и ориентирована на человека. Она, ...вся целиком существует для того, чтобы человек благодарно пользовался ее дарами...»¹⁷⁸

¹⁷⁸ Белоусов, Вновь о магии, с.83.

Взгляды Плиния, осуждавшего «магию», отражали отношение «цивилизованных» народов – к «варварским», к тем племенам, которые, живя в природе, сохраняли близкое родство с животными и не видели в человеке уникальное и «над-природное» существо. Эту «варварскую животность» он подчеркивает и в ненавидимом им Нероне, который, по мнению Плиния, не случайно увлекся магией, отличаясь «...свободой выбирать для магических ритуалов любой день и любой скот, а совершать человеческие жертвоприношения было для него вообще самым приятным занятием... Нерона посвятил в магические таинства армянский царь Тиридат, который пришел в Рим для того, чтобы Нерон справил свой армянский триумф, приведя с собою и магов».¹⁷⁹

«Идейная» борьба с «магией» у Плиния – это, в первую очередь, полное отвержение недопустимой «медицины» вместе с «внешними и варварскими обрядами», к которым он, в первую очередь, относит различные формы каннибализма (вкушение человеческой крови, внутренностей и частей человеческого тела), а также использование таких «лекарств», как костный мозг человека и мозги новорожденных младенцев...

Плиний откровенно возмущался: «...может показаться, будто превращение человека в животное и есть выздоровление...». И, прямо обращаясь к образу Октана, распространителя магии, заявлял: «Разглядывать человеческие внутренности считается нечестивым, а что насчет того, чтобы их есть? Кто придумал эту дрянь, Октан? Ты, ниспровергатель человеческих законов и изобретатель чудовищ, есть тот, кто первый это заложил. Я полагаю, дабы никто о тебе не забыл?»¹⁸⁰

Плиний делает вывод, что магия – «отвратительна, тщетна и бесполезна»; в ней есть только «некие тени истины», да и то только в том, что касается «отравительства, а не чародейства».¹⁸¹

При этом, как справедливо отмечает А. В. Белоусов, «Плиний стремится описать „природу“ с высоты римского могущества... Плиний замечает, что боги сделали Рим „как бы вторым светочем для человеческого рода“... И отсюда проистекает для Плиния постоянная необходимость соизмерять практически все, о чем он говорит, с Римом, его обычаями и его историей».¹⁸²

Плиний как бы не замечает, что «суеверия», гадания (в том числе, по внутренностям животных), вызывания «теней мертвых» и т. п. – часть обычной жизни Рима. Но утверждение человеческого и отвержение животности – для цивилизованного римлянина важнее всего.

Рассматривая действительно целебные средства, имеющие исток в самом человеке, он признает, что главным является **слово**. Для Плиния очевидно, что именно разумная речь отличает человека от животного. Но равную ли силу имеют слова в признаваемой им официальной римской религии и в магических заклинаниях?

Плиний убежден, что без произнесения необходимых слов нельзя совершить жертвоприношение и правильно спросить совета у богов. Он предпринимает классификацию молитв: молитвы о благих предзнаменованиях, апотропеические молитвы и препоручающие. Он явно считает, что эти «обязательные формулы» (*precationes*) существуют одновременно и в одобряемой им религии и в магии, в которой они, следуя его терминологии, становятся заклинаниями (*incantamenta*), стихами (*carmina*) или музыкальными заклинаниями (*incantamenta carminum*).

¹⁷⁹ См.: Белоусов, Вновь о магии, с.76.

¹⁸⁰ Белоусов, Вновь о магии, с.78.

¹⁸¹ Белоусов, Вновь о магии, с.76.

¹⁸² Белоусов, Вновь о магии, с.83.

Он приводил примеры из римской практики: рассматривал молитвенные формулы, которые четко, ничего не пропуская, должны произноситься в официальных религиозных обрядах высшие магистраты; молитву Деция; молитву весталки.¹⁸³

Что касается магической речи – формул, заклинаний и т.п., мы согласны с А.В.Белоусовым, который, определяя взгляды Плиния, отмечает: «Во-первых, магия, поскольку она видит в человеке средство и, тем самым, спокойно относится к его умерщвлению и употреблению в своей практике частей тела мертвеца, есть занятие мерзкое. Во-вторых, магия активно пользуется теми же речевыми практиками, что и официальный римский культ, но поскольку она – вещь частная и оккультная, она есть деятельность антиобщественная. В-третьих, магические заклинания, оторванные от официального и гражданского культа, применяются весьма разнообразными способами...».¹⁸⁴

Таким образом, в знаменитой и весьма влиятельной «Естественной истории» Плиния отражен официозно-римский взгляд на древнюю магию, которая в цивилизованных сообществах стала претерпевать существенные трансформации, соотносясь с новыми антропологическими, социокультурными и даже политическими тенденциями.

Основные моменты трансформации магии в Древней Греции

Так говорил он, молясь.

Услыхал его Зевс промыслитель.

Был им послан орел, безобманная самая птица...

Гомер. Илиада

В древнегреческой цивилизации трансформация магии происходила в процессе глубинного влияния древнейших культур Египта, Эгейского мира, Передней Азии, возможно, в первую очередь, крито-минойской культуры, а позже все более тесного взаимодействия различных племен (ахейцев, дорийцев, и пр.), что способствовало проникновению развитых мифо-магических идей и практик в эллинскую культуру.

Приведем только одно соображение известного исследователя Э.Р.Доддса об определяющем заимствовании греками от других народов того, что он называл «шаманизмом» (в нашей терминологии – древней магией).

Э.Р.Доддс писал о древних греках: «...1) источники начинают фиксировать шаманский стиль уже после того, как Черное море открылось для греческой колонизации, и не раньше; 2) из наиболее ранних засвидетельствованных «шаманов» один – скиф (Абарид), другой – грек, посетивший Скифию (Аристей); 3) существует большое сходство в деталях между древним греко-скифским и современным сибирским шаманизмом...».¹⁸⁵

Поскольку сложилась уже слишком сильная традиция связывать древнегреческую культуру, как «колыбель» европейской, с исторически поздними «нарративными» (профанными) мифами и поздними мистериями и религиями, в данный момент нет возможности проанализировать собственно древнегреческую пра-магию и этнокультурную специфическую магию. Подчеркнем лишь, что наличие «ядра» древней магии непосредственно предполагается и у этнических культур древних племен, со временем составивших высокую (безусловно, «химерную», этнически-многосложную) эллинскую культуру.

Особо подчеркнем наиболее исследованную связь магии и мантики (прорицания, пророчества, гадания) в древнегреческой культуре

¹⁸³ Белоусов, Вновь о магии, с.79—80.

¹⁸⁴ Белоусов, Вновь о магии, с.80. В приведенной цитате Белоусова лучше бы не использовать термин «оккультная», имеющий вполне конкретный культурно-исторический смысл, который мы будем рассматривать далее.

¹⁸⁵ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетей, 2000. С.237.

Как отмечает Е.В.Приходько, «Мантическое искусство было столь же неотъемлемой частью эллинской культуры, какой были, например, и поэмы Гомера. Греки всегда считали его определенным видом ремесла, мастерством столь же привычным, как и искусство кормчего и плотника, полководца и врача».¹⁸⁶

Опираясь на проведенный исследователем глубокий лексико-семантический анализ греческих источников, связанных с мантическим искусством, попробуем очертить основные моменты, демонстрирующие тот факт, что мантика – это определенная форма магии, трансформированной на этапе цивилизационного развития древнегреческого общества.

Сразу отметим, что в древнегреческой мантике проявляются некоторые черты «ядра» древней магии (см. выше), но также – и существенные отличия от нее:

1. Мантика базируется на исходном представлении о «двойственности» вселенского бытия и возможности устанавливать прямую и непосредственную связь между здешним и Иным. В диалоге Платона «Пир» греческий натурфилософ Эристимах говорит: «...все жертвоприношения, все то, чем руководит мантика, – а это все служит к взаимному общению богов и людей – имеет в виду исключительно только охрану и врачевания Эрота... Мантике и предписано наблюдать за любящими и врачевать их; мантика, в свою очередь, есть создательница дружбы между богами и людьми, поскольку ее ведению подлежат элементы любви в людях, относящиеся к тому, что освящено обычаем и что благочестиво».¹⁸⁷

Как величайшее «тайное знание» и высшая «наука», мантика предполагает возможность управлять внутренней энергией и взаимодействовать с таинственными силами и сущностями.

2. Специалист в области мантики (прорицатель, пророк, гадатель) является фигурой неоднозначной, но, бесспорно, выдающейся. В нашей терминологии ЭЭК, он – как минимум страстный, а часто – и супер-страстный (пассионарный) человек. Если он имеет официальную (социальную, государственную, религиозную) поддержку, он может быть чрезвычайно влиятельной и значимой персоной.

3. В отличие от других видов магии, мантика не предполагает прямо вызывать изменения в физическом мире, а она призвана раскрыть тайну возможных вариантов событий, возлагая обязанность исполнить те или иные действия, а также ответственность за их последствия на самого вопрошающего. Иначе говоря, в отличие, скажем, от древних шаманов, которые и прорицали, и сами могли непосредственно воздействовать на предметы, явления и события, – мантики (пророки, прорицатели и гадалки) только давали необходимую информацию о будущем (и то в пределах «дозволенного» богами и духами). В определенном смысле, можно сказать, что в древних цивилизациях в сфере магических «услуг» произошло некое «разделение труда» и сфер деятельности: мантика отделилась от колдовства/ведовства (как грубых остатков древнейших форм магии), приняла более рафинированные формы и получила социальную легитимность, государственную поддержку и значительный общекультурный вес (особенно – политический).

4. В мантике сохраняется высокий эмоциональный накал магических практик, но определяющую роль играет индивидуальная работа с клиентами. Именно от вопрошающего часто зависит сам ход и результат (форма) предсказания. В рамках ЭЭК мы можем прямо говорить о непосредственном энергетическом взаимодействии не только между предсказателем и Иным, но и между предсказателем и вопрошающим. Не только психологические состояния участников действия, но и «уровень» вопроса будет предполагать обращение к тем или иным уровням энергий: на этапе этнического подъема, когда даже обыватели интересуются проблемами, важными для определенного сообщества или даже общества в целом (о войне и мире, о серьезных

¹⁸⁶ Приходько Е. В. Двойное сокровище. М.: Прогресс- Традиция, 1999. С.27.

¹⁸⁷ Платон Пир (188 С). (пер. С.А.Жебелева) // Платон. Полн. собр. творений Платона в 15 т. Т.V. Пер. под ред С.А.Жебелева, А.П.Карсавина, Э.Л.Радлова. Петербург: Academia, 1922. С.32.

социальных или политических коллизиям и пр.), прорицатель поневоле вынужден выходить на высокие уровни эгрегора и «включать» высокие космические энергии. А на этапе упадка, стагнации этноса, когда задают преимущественно бытовые вопросы (поиск утраченных вещей, частные семейные проблемы и т.п.), энергетическое взаимодействие минимально.

5. В отличие от древней магии, в мантике античности проблемы нравственности играют значительную роль. Как и в древнеримской, в древнегреческой магии в целом проходили существенные трансформации – оцениваясь с позиций гуманизма, общественной пользы и развивающегося логического мышления.

6. Мантика, как и магия в целом во все времена, является неотъемлемой частью культурного кода данного этноса: племени, народа, нации, сообщества; одной из ключевых сторон его самоидентификации, определяя основные внешние символы, практики, способы межличностных взаимодействий. В главе, посвященной видам мистики, мы, рассматривая мистические аспекты древнегреческой мантики, подчеркнем этнокультурные черты эллинского мантического искусства.

7. Мантика, как и любое магическое действие, представляет собой особую систему ритуалов, действий и практик, которые формируются в определенном культурном поле и несут на себе его неповторимую энергетику.

8. В древнегреческой мантике, в отличие от древнейшей магии, большую роль играет не примитивное *доверие*, которое еще сохраняется, а сформированная *вера* в богов общепризнанного пантеона. При этом, как и в древнем шаманизме, в древнегреческой мантике редко обращаются с вопросами к верховному богу. В древности зачастую спрашивали духов, а в мантике – бога-прорицателя Аполлона и души некоторых древних прорицателей (например, Тиресия). (Более подробно о прорицалищах Аполлона – см. в главе 8. Пифийская мистика)

9. Наконец, в отличие от культур древнейших сообществ, древнеэллинская мантика находилась в тесном взаимодействии с олимпийской мифологией и религией, которые являлись основой древнегреческого эгрегора и менталитета.

Магия и теургия

...из того, что может быть познано посредством рассуждений, мы ничего не упустим. Нами будут рассмотрены все богословские, теургические и философские вопросы – соответственно богословскими, теургическими и философскими методами, причем в вопросах относительно первопричин мы добьемся ясности, восходя до самих первопричин.

Ямвлих. Ответ учителя Абаммона на письмо Порфирия к Анебонцу...

А. В. Петров, исследовав эволюцию магии в древнегреческой, а затем – средиземноморской культуре, а целом¹⁸⁸, показал, что к началу новой эры магия прошла определенную трансформацию: 1) она вышла за рамки древнегреческой культуры, впитав в себя элементы магии египетской, еврейской и вавилонской; 2) наряду с существованием определенных стереотипов в построении магического действия (праксиса) сформировалась философски обоснованная «теория» магии, которая называется *теургией*¹⁸⁹; 3) появляется новое социальное разделение

¹⁸⁸ А. В. Петров отмечал: «Магия как явление, общее практически для всех известных нам форм культуры, присутствовала и в античной – греческой и римской – цивилизации с самых древнейших времен. Однако с конца периода классики античная магия начинает превращаться в уникальное явление, перерастая рамки греческой и римской культур и становясь средиземноморским явлением. Она объединяет в себе в разных пропорциях наряду с традиционными греко-римскими формами магии элементы магии египетской, еврейской и вавилонской. В общих чертах этот процесс, видимо, закончился к началу новой эры.» – Петров А. В. Феномен теургии: Философия и магия в античности. СПб.: Изд-во РХГИ; Издат. Дом СПбГУ, 2003. С.5.

¹⁸⁹ Петров: «Впервые магия получает позитивную философскую интерпретацию, обосновывается теоретически и обозначается как теургия на рубеже III и IV. вв. н.э. в трактате философа-неоплатоника Ямвлиха „О мистериях египтян“. С этого времени начинается эволюция магического искусства как целостной дисциплины, содержащей как эмпирическую, так и теорети-

магов – практикующих в традиционные формы магии, которые могут преследоваться и отторгаться обществом, ориентирующимся на развивающиеся религии, и философствующим теургов, относящихся к интеллектуальной элите и на первый план выдвигающих теоретическое обоснование некоторых форм магии и трансформирующих одновременно и сами магические практики.

Рассмотрим подробнее обозначенные А. Петровым моменты *трансформации эллино-римской традиционной магии*.

Именно в древнегреческой культуре оформляется четкое понимание различий древней, традиционной магии и – новой теургии, философски обосновываемой и оснащаемой. Так, в текстах папирусов (важнейших источниках традиционной магии), как показал А. Петров, «...всякое магическое действие – будь то получение оракула, возбуждение любовной страсти или удача в путешествии – обязательно сопровождается вступлением в контакт со сверхъестественными силами, вплоть до высочайшего (с точки зрения призывающего его мага) Бога».¹⁹⁰

Подчеркнем важнейшие **различия между магией и теургией**.

А) различные цели магии и теургии: в древней магии цель всегда утилитарная, а основная цель теургии – слияние с Высшим..

А.В.Петров отмечает: «В магических папирусах мы можем обнаружить великолепные космогонии... и процедуры призывания самых важных богов... Однако и изложение космогоний и контакт с богом являются для мага лишь промежуточными целями. Конечная же – всегда вполне утилитарная».¹⁹¹

В теургии же эти промежуточные цели становятся основными. Прокл определяет слияние с богом как цель всякой философской деятельности и ее высшей ступени – теургии – в том числе...

А.В.Петров, комментируя содержание сохранившихся «Халдейских оракулов» (т.е. записанных на папирусах древних магических процедур, которые нужно не понимать, а только неукоснительно исполнять), отмечает очевидную цель древней магии. «Фразеология заклинаний и молитв магических папирусов выражает лежащую в основании магии мысль: существуют некие средства, правильно используя которые, можно заставить бога сделать то, что нужно магу».¹⁹²

И здесь же он подчеркивает причину, по которой на следующей фазе этногенеза эллино-римской цивилизации, в акматическую эпоху, когда активно развивается философия (в первую очередь, логика и пра-научное мышление), практическая магия получает теоретическое обоснование.

А.В.Петров: «Философское сознание грека не могло признать такого рода формулировку, поскольку бог не аффицируется в силу своего совершенства. Один из вариантов решения этого вопроса, предложенный Ямвлихом, установился в позднем неоплатонизме, в том числе и у Прокла. Он исходит из принципа, высказанного в так называемых „Халдейских оракулах“: изменчивость бога в магическом акте объясняется особенностями нашего восприятия».¹⁹³

Далее А. В.Петров замечает: «Несмотря на все выгоды такого взгляда, сохраняющего как реальность контакта, так и неизменность бога, сохраняется ряд вопросов: почему для получения контакта с тем или иным богом нужны определенные животные, растения, травы; почему призываемый одними именами бог является, а призываемый другими – нет? Традиционная

ческую часть. Эта дисциплина разрабатывается представителями интеллектуальной элиты – философами, принадлежащими к наиболее влиятельному в ту эпоху философскому направлению, а именно к платонизму». – Петров, Феномен теургии, с.4.

¹⁹⁰ Петров, Феномен теургии, с.5.

¹⁹¹ Петров А. В.К истории религиозно-философской мысли поздней античности (учение Прокла о магических именах) // Вестник СПбГУ, сер. 2, 1995, вып. 4, с. 15.

¹⁹² Петров, К истории, с. 16.

¹⁹³ Петров, К истории, с.16

магия, видимо, объясняла это в терминах принуждения. Неоплатоническая философия говорила о том, что боги „радуются“ специфическим именам и определенным вещам. Однако это лишь самое общее указание. Более подробно использование камней, растений и животных в магии объясняется в учении о „цепи“, связывающей богов, демонов, людей, животных, растения и камни. Для обоснования употребления особых имен применялось специальное учение об имени».¹⁹⁴

Известно подробно разработанное Проклом, философом-неоплатоником V века н.э., учение о магических именах. В нем указывается связь между теургией и статусом имени в системе позднего неоплатонизма.

Цель теургии, категорически отличную от цели древней магии, сформулировал Ямвлих в своей знаменитой работе «О египетских мистериях» или «Ответ учителя Абамона на письмо к Анебону»: «...все магические действия лишь по видимости обращены на богов и демонов, но на самом деле они изменяют лишь человека и другие вещи материального мира, делая их способными для принятия божественного света, который всегда изливается на низшие вещи, однако не всегда может быть ими принят».¹⁹⁵

В) Различия в характере обоснования магической практики.

Древняя магия использовалась для принуждения высших сил к помощи магу. Как мы видели выше, древние маги (шаманы, колдуны и т.п.) считали, что с помощью жертв и определенных манипуляций они могут склонить высшие силы (духов, богов, демонов и т.д.) не только прислушаться к их просьбам, но и выполнять их указания. «Оборотническая логика» (по Лосеву) или «партиципаица» (по Леви-Брюлю) приводила их к выводу о непосредственной связи человека и высшей силы. С другой стороны, древняя магия признавала и использование высшей силой человеческих тел (одержимость) для неких непостижимых высших целей. Так, у северных народов вплоть до XX в. было известно массовое «мерячение», когда целые деревни становились одержимыми.¹⁹⁶

Непосредственное взаимодействие профанного и сакрального миров, их тесное сосуществование в древней магии позволяло проводить немислимые для позднейших исторических периодов обряды и ритуалы. Человеческие жертвоприношения, как представляется, связаны именно с подобным мироощущением. Жрецы древних ацтеков, извлекавшие из груди жертвы еще бьющееся сердце, были убеждены, что их богу необходим именно такой обряд. Можно предположить, что в тех магических обрядах и религиозно-магических церемониях, в которых предполагается, что бог в своем обличии или в виде тотема прямо и непосредственно опускается на землю, человеческие жертвоприношения наиболее вероятны. (Бог Мардук нисходит с неба и даже живет в подготовленных чертогах на вершине зиккурата и т.д.)

С точки зрения этногенеза, подобное мироощущение целостности бытия, в которой человек является непосредственным «промежуточным звеном» между «верхним и дольным», характерно для фазы подъема этноса, когда воодушевление вновь сформированной этнической общности проявляется и в чрезвычайном, ничем необъяснимом магическом оптимизме. Особенность традиционной культуры, бережно сохраняющей почти в неизменном виде исходные магические ритуалы и обряды в течение веков, позволяют видеть их в уже трансформированных направлениях магии позднейших периодов, когда они вовсе теряют исходный смысл

¹⁹⁴ Петров, К истории, с.20—24.

¹⁹⁵ Петров, Феномен теургии, с.6.

¹⁹⁶ Современный исследователь А. Платов отмечает по поводу «меряченья»: «Интереснейший феномен, всегда ассоциировавшийся с северным шаманизмом и северной магией... Очень своеобразное психопатологическое состояние, в котором человек независимо от собственного желания либо копирует действия и слова окружающих, либо подчиняется любым приказам извне – вне зависимости от того, от кого они исходят: от человека или, как верят некоторые северные народы Евразии, от духов Полярной звезды. В ряде случаев может принимать массовый характер, становясь своего рода «психической заразой»...». – Платов Антон. Арктическая истерия: между шаманом и берсерком. М.: ООО «Сам полиграфист», 2012. С.3.

и производятся «механически», становясь вдвойне таинственными. (Кстати, для самих магов, колдунов и шаманов исходный «смысл» древних обрядов открывается в трансах, мистических опытах, «полетах», когда исчезают пространство и время и необходимое «знание» дается непосредственно. Но поскольку это «знание» несказуемо, то для внешних наблюдателей ритуалов их истинный смысл так и останется нераскрытым.)

Теургию А. В. Петров рассматривает как особое явление «синкретической религиозности», возникающее при взаимодействии народной магии и религиозной философии в эллинистической культуре.

В аспекте рассмотрения магии с точки зрения ЭЭКК для нас очевидно, что теургия является формой трансформации традиционной (древней) магии в эпоху эллинизма, не теряющей тесной связи с эллинскими мифами, но вряд ли связанная с эллинистическими религиями, или, по крайней мере, связанная с ними опосредованно. Соединение народной магии с философией неоплатонизма также не имеет религиозного характера, с нашей точки зрения. Имена богов, используемых в магических формулах, происходят из мифологии и не нуждаются в религиозной «поддержке».

Теургия, как философски обоснованная магия, исходит из осознания основных положений:

1) высшие силы бесконечно далеки от земного мира и человека; они сложно организованы и иерархичны (здесь нужно учитывать подробно разработанную схему «небесной иерархии» в неоплатонизме и ареопагитиках);¹⁹⁷

2) высшие силы опосредованно связаны с людьми, и те «медиаторы» (ангелы, демоны, духи и т.п.), которые реально могут общаться с человеком, ограничены в своих возможностях и, как правило, выполняют только определенные функции (вестников воли богов; толкователей знамений и явлений; советчиков и т.п.)

3) высшие силы абсолютно неподвластны человеку, он в принципе не может ими управлять; но человеку доступно некое «знание» (гнозис), которое может соотнести действия человека с высшей волей и объективным действием высших сил.

4) высшие силы, возможно, заинтересованы во взаимодействии с человеком, но истинные цели высших сил человеку никогда не будут раскрыты.

Таким образом, древняя магия, в которой непостижимая тайна слияния человека с Высшим была нераздельна и реализовывалась в конкретной ритуальной практике, в средиземноморском культурном ареале к эпохе эллинизма трансформировалась в теургию, в которой философское обоснование самой магии не могло обойти и проблему теоретического осмысления самой тайны соединения с Высшим. Далее мы рассмотрим виды мистики в средиземноморском ареале как раз в эту эпоху – поздней классики и эллинизма, а затем римского периода, но уже сейчас, после рассмотрения трансформации магии, можно видеть, что не только магия, но и мистика может быть теоретически осмыслена, в том числе, в особенности отличия мистических практик от магических ритуалов. Здесь не стоит забывать о том «ядре» магических практик, которое было, есть и, видимо, и дальше будет сохраняться в любой этнической культуре.

¹⁹⁷ Плотин. 1—6 Энеады. В.6 тт., 7 кн. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2019; Псевдо-Дионисий Ареопагит. О небесной Иерархии. М.: РМ, 1994.

1.3. Древние религии в свете этно-энергетической концепции культуры

История религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание... проявлений священных реальностей.

Мирча Элиаде

Несколько слов о понятии «религии»

В науке до сих пор не существует общепринятого определения религии. Как заметил академик Л.Н.Митрохин: «Можно даже констатировать, что адекватное формально-логическое определение религии дать вообще невозможно... Каждый крупный мыслитель (и светский, и религиозный), как правило, предлагает собственное, так или иначе отличающееся от уже имеющихся определение религии». ¹⁹⁸

Не рискуя затеряться среди множества определений религии (насчитываемых от 250 до 1000!), предпримем собственное рассмотрение религии в рамках нашей этно-энергетической концепции культурного поля.

Наряду с развивающимся мифом в культуре формируются и другие «типы мировоззрения». Так, на основе представления о богах и в стремлении установить с ними устойчивый контакт формируются **религии**, которые теснейшим образом связаны с мифом и опираются на веру.

Религии во многом обязаны мифам именами и характеристиками богов и сверхъестественных существ, многообразными сюжетами об их деяниях, взаимоотношениях и т. д. Можно сказать, что в религии наиболее очевидным образом происходит «диалектика» древних мифов, точнее, их некоторых сторон, что ведет к формированию религиозных мифов. При этом остается множество древних мифов, не включенных в общепризнанные религии, никогда не становящиеся частью официальных (народных, традиционных, государственных) религий. Стихийная мифология сближается с народным фольклором, с различными сторонами жизни общества – семьей и общиной, обыденной практикой, различными видами творчества и т. д. Преимущество основных идей мифов в религиях, по представлениям некоторых исследователей, видится настолько тесной, что они даже предполагают, что религии столь же изначальны и древни, как и мифы.

С нашей точки зрения, миф предшествует религии, а формирование и развитие религий – сложный и длительный историко-культурный процесс.

Об этно-социальных основах формирования религий

Ибо все то, что должно быть чисто и свято воздаваемо богам, имеет смысл, если только они замечают это и если есть роду человеческому от бессмертных богов некое воздаяние.

Цицерон. Философские трактаты

В религиоведении принято рассматривать религии различного уровня – примитивные/архаичные, народные, мировые. Мы не будем создавать собственную градацию религий, но выявим этно-социальные основы рассмотрения религий разного уровня в процессе этнокультурной динамики.

¹⁹⁸ Митрохин Л. Н. Религия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001 Т. III. С.436—442..

В глубокой древности на основе формирования этносов возникало множество примитивных (языческих) религий, что было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, трансформацией отношения обычных членов племени к деятельности пассивариив. На этапе подъема этносов было полное доверие к их идеям и целям (в первую очередь, доверие к знаниям и практикам предков и культурных героев). Затем появлялась социальная усталость от постоянной борьбы различных группировок, поддерживающих ведущих пассивариив в фазе акме (энергетического «перегрева») и, наконец, в фазе надлома – после неизбежной гибели пассивариив первого призыва – происходило создание героических мифов о погибших героях, а также культа мифологизированных героев. Как правило, культ родоначальников этноса в эпоху инерции, обскурации и особенно – в мемориальную фазу закономерно превращался в примитивно-религиозный культ.

Во-вторых, с уходом непосредственных учеников Великих Учителей или культурных героев, в народной культуре развивались фольклорные мифы о «предках», которые со временем обожествлялись; мифо- магические ритуалы взаимодействия с Учителями постепенно превращались в магиико-религиозные умиловительные культы. «Предки» наделялись сверхъестественными чертами и качествами, необыкновенными характеристиками и т.д.; мифы о них формировали представления о богах.

Примитивные религии, напрямую зависевшие от этнических мифов, как правило, являлись многобожием (политеизмом), поскольку «обожествление» мифологических персонажей было прямым продолжением мифо- магической практики, связанной с традиционными уставами племени. Отношение к образам предков для обычных членов племени было все более абстрактным, и только наличие развитой жреческой традиции поддерживало преклонение перед ними благодаря разработанным ритуалам. Сами жрецы для сохранения сакральной традиции в фазах надлома, инерции и обскурации создавали уже не магиико-мифологический, а магиико-религиозный культ предков.

В-третьих, наряду с культом предков в народной культуре оформлялись и «взаимодействия» с множеством «духов» (и сами предки зачастую в массовом восприятии ассоциировались с некими особенно могущественными «духами»). Формирование примитивной прото-веры (верований¹⁹⁹) в предков и духов приводило к созданию первичного «пантеона» сверхъестественных существ.

Особым знаком развития народной прото-религии/ этнической/языческой религии было деление духов на категории. Это означало уже не беззаветное, почти детское доверие предкам и культурным героям, а достаточно осознанный выбор покровителей, помощников или противников среди различных духов, определение их качеств, возможностей, выстраивание первичной иерархии в духовном мире... Например, у равнинных таджиков до середины XX в. сохранились древние анимистические представления, которые, по результатам этнографических исследований, имели универсальный характер для Средней Азии и Казахстана, а также Башкирии, Кавказа, Восточного Туркестана, Афганистана и Татарии. Так, в Ура-Тюбе недалеко от Самарканда было обозначено три категории духов: 1) духи-покровители, 2) демоны (злые духи) и 3) духи, которые вступали в сексуальные отношения с людьми (заметим, что сексуальные отношения в древнем племени характеризовали различные формы социального доминирования).²⁰⁰

¹⁹⁹ Здесь мы используем терминологию практического психолога Н.И.Козлова: «Верования – некритически усвоенные и не подверженные критике вербально сформулированные представления о себе, людях и мире». – Козлов Н. И. Психологос. Энциклопедия практической психологии. М.:ЭКСМО, 2015. С.54. Подробнее о верованиях и вере см. следующий параграф..

²⁰⁰ См.: Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С.12—13.

В мифологии индейцев сиу- дакота «вакан танка» – это не только «сила», но и «великая тайна»; эта таинственная «сила» воплощается в иерархии нескольких классов духов. Термин «вакан» иногда употребляется в значении «великий дух».

В нашем исследовании мы обращаем внимание на то, что у древних племен происходила персонификация отдельных сил/энергий, которые рассматривались как «духи», а по мере формирования более четкого абстрактного мышления – как «боги», «божества». (Первичные этапы формирования примитивных представлений о «духах» в мифо-магическом мировоззрении мы рассматривали в предыдущем параграфе о древней магии.)

Каждая древняя прото- религия оформляла собственный религиозный культ, сопровождавшийся особыми религиозно-магическими ритуалами, все более отличавшимися от ритуалов древней магии. Как мы уже отмечали, магия в принципе не является специфической формой мировоззрения, она – лишь деятельная форма воплощения мифа (в формирующемся эгрегоре²⁰¹ этноса древняя магия является неотъемлемой частью единого мифо- магического комплекса; нарождающаяся прото-религия/этническая языческая религия реализовала новые мифы в специфических магико-религиозных ритуалах).

Служители культов древних языческих религий уже не обязательно были магами (шаманами); оказываясь посредниками между здешним и Иным мирами (но не хранителями сакральных знаний!), они заведомо полагались не на прямую связь с богами, а на их милость и благосклонность; иначе говоря, в прото- религиозном культе полностью снималось магическое «своеволие» и все сторонники культа полностью полагались на волю богов.

Таким образом, языческими богами являлись, в первую очередь, первопредки, «спустившиеся с небес», культурные герои и этнические пассионарии, затем – обожествленные духи природы и, наконец, народно-мифологические персонажи.

Поклонение общеплеменным богам и особенно уважаемым духам реализовалось в коллективных ритуалах, а обращение к некоторым «духам» уже носило интимно-индивидуальный характер. Так, «гендерные» различия в пантеоне богов заведомо предполагали специфические возможности самих сверхъестественных существ, а также причины и способы поклонения им. Мужские божества считались мужественными, сильными, благородными, властными и т. д. И поклонявшиеся им мужчины обращались к таким богам перед боем, в сложных военных и социальных коллизиях и пр. Женские божества – богини материнства, домашнего очага, покровительницы деторождения, а также любовной силы – почитались женщинами; для богинь разрабатывались особые культы и способы поклонения. Известны и необычные культы, например, древнейший культ Диониса; в них некоторые ритуалы исполнялись только и исключительно женщинами.

Прото-религиозные комплексы – как совокупность верований, культов, способов организации (мужские тайные союзы, женские группы) – включали в себя мощные, по существу – тысячелетние мифо- магические традиции, которые с точки зрения формировавшихся религиозных культов зачастую рассматривались как только магические. Религии, разрабатывавшие собственные мифологические основы и культы, ожесточенно боролись с мифо- магическими традициями, которые продолжали существовать параллельно с религиями до тех пор, пока не разрушались их этнические корни.

Как мы рассмотрим далее, развитые религии появлялись на том историческом этапе, когда кардинально трансформировались межэтнические взаимодействия, разрушались или объединялись этносы. Мифо- магические комплексы, как основы этнических эгрегоров, опре-

²⁰¹ В монографии «Симфония» понятие «эгрегор» рассматривается как «...сформированные и накопленные на всех фазах этноса энергетические отпечатки всех переживаний и чувств людей определенного этноса. По аналогии с человеческой душой, они сохраняются в общем энергетическом поле и отражаются в памяти, жизнедеятельности, эмоциональном интеллекте и этническом сознании членов этноса до конца его существования, воплощаясь в материальных и духовных памятниках этнической культуры». Кравченко В. В. Симфония, с.369..

деляли этническую самоидентификацию, и в зависимости от того положения, которое этнос занимал в межэтнических объединениях, его эгрегор или довлел над более слабыми, или подавлялся более сильными, или сохранялся в тайной традиции или изоляции.

Так, ставшая известной Западу только в начале XX в. древнейшая религия бон, тысячелетиями сохранявшаяся на Тибете, содержит неотъемлемый мифо- магический комплекс, поскольку формировалась и транслировалась жрецами, ведшими свою родословную от жрецов-магов древности.²⁰²

Причудливые сочетания магии и древне-религиозных культов были бесчисленны в давние времена, и некоторые сохранились до наших дней. Достаточно изучены народные религии (например, индуизм, синтоизм), в которых древнейшие мифо- магические комплексы непосредственно включены в прото- религиозные. Так, в основе ведической религии лежат четыре веды, из которых: Ригведа посвящена пантеону богов, Сомаведа и Яджурведа – брахманическому культу, а вот Атхарваведа является древнейшим памятником магии, как мы видели уже в предыдущем параграфе. Еще раз обратимся к комментарию Т.Я.Елизаренковой: «АВ (Атхарваведа -В.К.) не имеет отношения к жертвоприношению сомы, этому центральному обряду ведийской религии, грандиозному по своей сложности, требовавшему участия многих разрядов жрецов. Ее сфера – ритуалы грихья (grhya), т.е. домашние обряды, сконцентрированные вокруг домашнего очага. Таким образом, и обрядовая основа АВ отличает эту своеобразную четвертую веду от трех других ортодоксальных вед».²⁰³

С другой стороны, возрождаемые в современной культуре древние маго- религиозные комплексы подчеркивают именно магическую их составляющую (вуду, викка и пр.). О развитых и культивированных, так сказать, цивилизованных маго- религиозных комплексах (мистериях) и их мистике речь впереди (см. далее: глава 7. Мистерияльная мистика)

Мы считаем, что **«осевое время»** явилось историческим этапом кардинальной смены стихийных прото-религиозных/языческих традиций – на новые межэтнические культы мировых религий.

В социальном аспекте этно- энергетической концепции культурного поля примитивная (языческая) религия рассматривается как процесс максимального аккумуляции властными структурами этноса энергии этнического поля, направленной на поддержание определенной конфигурации этнического эгрегора, сформированного, как правило, в поздне-акматическую фазу развития этноса. В этой фазе этногенеза к власти приходят пассионарии «второго призыва»; они уже неспособны самостоятельно поддерживать высокий энергоуровень поля (отходя от идеалов пассионариев «первого призыва», они отвергают древние жреческие традиции или резко противостоят им), потому обожествляют предков и формируют новый умилостивительный культ, для обслуживания которого коллективными усилиями создают некий социальный институт (собственную жреческую касту, особую камарилью «придворных» магов, церковь и т.п.).

Наиболее известен пример Древнего Египта, в котором фараоны и жрецы на протяжении тысячелетий вводили культы особых богов, поддерживая развитый политеизм/многобожие. Так, признавая главным богом, скажем, Амона-Ра, солнечного бога, сохраняли храмы других богов и богинь – Исиды, Гора, бога-крокодила и многих других, в которых проводились не столько религиозные, сколько религиозно- магические ритуалы.

Главный хранитель отдела египетских древностей Британского Музея Э. А.Бадж отмечал: «... в Египте были распространены и политеистические идеи и верования, которые в определенные исторические периоды развивались до такой степени, что соседние народы и даже

²⁰² См.: Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета. Пер. с фр. Е. Миллер. М.: Дягилев Центр, ЦДЛ, 1991.

²⁰³ Елизаренкова Т. Я. Об Атхарваведе, с.3.

чужеземцы были введены в заблуждение и считали египтян политеистами и идолопоклонниками».²⁰⁴

Мировые религии появляются на том этапе развития человеческих этносов, когда эти сообщества преодолели ограниченность собственной изоляции и этнической предопределенности, вступив в более сложные и одновременно исторически перспективные взаимодействия с другими этносами. Образовывались консорции и конвиксии внутри этноса. Как указывал Л.Н.Гумилев, *консорции* (от латинск. *sors* – участь, жребий, судьба) – это «группы людей, объединенных одной исторической судьбой»,²⁰⁵ (например, кружки, артели, секты, банды и т.п.; это нестойкие объединения, быстро распадающиеся. Но если они «...сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений, тогда они становятся *конвиксиями*, т.е. группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями».²⁰⁶ Конвиксии, по Гумилеву, также недостаточно устойчивы; но если их «...разъедает экзогамия и перетасовывает сукцессия, т.е. резкое изменение исторического окружения», то они вырастают в субэтноты²⁰⁷, а затем – в суперэтноты²⁰⁸ или химеры²⁰⁹.

Вообще говоря, Л. Гумилев отмечал, что этногенез в принципе предполагает складывание суперэтноса, поскольку пассионарный взрыв не может определять развитие только одного, отдельно взятого племени, а так или иначе затрагивает довольно широкий этнический ареал. Другое дело, что распределение пассионарной энергии является неравномерным, и только в некоторых сообществах выделяются подлинныи лидеры- пассионарии, которые создают новые этносы и влияют на трансформацию культуры целого региона. Отдельный этнос объединяет свое этническое культурное поле с другими и обретает новые возможности раскрытия своих культурных потенциалов.

Мировые религии, как правило, монотеистические, появляясь на этапе формирования суперэтносов и химер, в складывающейся мировой культуре одновременно предполагают развитие индивидуального сознания большинства членов сообществ. В консорциях и конвиксиях формировались особые социально-психологические и культурные паттерны, усиливавшие сложность эгрегоров суперэтносов и химер. Наряду с мифо- магическим и религиозным формировалось и то, что сегодня может быть названо *рациональным мышлением*.

Как известно, *К. Ясперс обозначил исторический период смены мифологического мышления рациональным – как «осевое время»: 800—200 гг. до н.э.*²¹⁰

Современные исследователи больше внимания обращают на социокультурные изменения – переосмысление традиционных норм, обычаев и принципов социального устройства;

²⁰⁴ Бадж Э. А. Египетская религия. Египетская магия / Пер. с англ. – М.: Новый Акрополь, 1996. С. 11—12.

²⁰⁵ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Ленинград: Наука, 1990. С.22.

²⁰⁶ Гумилев, География этноса, с.22.

²⁰⁷ Гумилев, География этноса, с.22. (конкретные примеры превращения консорций в конвиксии: консорции землепроходцев породили конвиксии стойких сибиряков. Некоторые консорции раскольников эпохи никсоновских реформ XVII (среди раскольников были боярыня Морозова, священники, казаки, крестьяне и купцы) – бежали от репрессий властей на побережье Белого моря и превратились в конвиксию так называемых «поморов». Даже не бежавшие из городов старообрядцы сохраняли свои обряды, обычаи, одежду и уже в XVIII в., при Петре I, образовали конвиксию, которая в XIX в. превратилась в субэтнос. А в XX в. она постепенно «рассасывается»).

²⁰⁸ Суперэтнос, по Л.Н.Гумилеву, это «этническая система, состоящая из этносов и противопоставляющая себя всем подробным целостностям; высший таксон этнической иерархии». Суперэтнос предстает «как идейно-религиозная и культурная целостность». Его единство «манифестируется в наличии общей ментальности, консолидирующей зачастую весьма разнообразные этносы». – Гумилев, Этносфера, с.522.

²⁰⁹ Химера – это «форма контакта несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие». В химере отмечается «бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт», отсутствие единой ментальности и антисистемные идеологии, потеря у членов химеры адаптивных навыков к кормящему ландшафту и т. д. – Гумилев, Этносфера, с.532.

²¹⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С.32.

рост грамотности, урбанизацию, формирование идей о справедливом социальном устройстве и т. п.

Мы же еще раз подчеркнем, что «осевое время» – это, в первую очередь, время зарождения мировых религий: конфуцианства, даосизма, буддизма, зороастризма, иудаизма, в конце концов, раннего христианства.

И хотя К. Ясперс не был расположен акцентировать био- космические предпосылки для такого переворота в мироотношении и, соответственно, в миропонимании людей, мы настаиваем на необходимости учитывать внешние предпосылки подобных культурных трансформаций. Следуя за мыслью Л.Н.Гумилева, попробуем ответить на недоумение К. Ясперса по поводу того, что «осевое время» затронуло только некоторые регионы, а именно – Индию, Китай и Средиземноморье.²¹¹

Как мы отмечали выше, Л. Гумилев писал о «бичах» *космических излучений*, которые, как правило, воздействуют на достаточно узкие территории (примерно 300 км), располагаемые вдоль определенных меридианов или параллелей. Именно космические «удары» высоких энергий приводили к пассионарным «взрывам», и появившиеся пассионарии не просто формировались в определенных областях, но они также развивали схожие идеи, как мы понимаем, соответствующие тем уровням высоких энергий, к которым они непосредственно «подключались». (О религиозной мистике речь впереди, в соответствующей главе о видах мистики.)

Если следовать концепции К. Ясперса об «осевом времени», очевидно, что она может быть яркой иллюстрацией гумилевского этногенеза (хотя сам Л. Гумилев, нужно сказать, весьма критически относился к концепции Е. Ясперса).

«Осевое время» начинается с инновационной деятельности великих создателей новых религий – Заратустры, Будды, Лао-Цзы и Конфуция, т.е. тех, кого Гумилев называл «пассионариями». В созданных великими учителями школах формировались не только жрецы «нового типа», но и религиозные философы.

Для К. Ясперса философ – это человек, непрерывно занятый сиюминутной и непосредственной духовной деятельностью, одержимый «огнем души». По Ясперсу, «...начиная с требования изначального „воспылания“ (от первого обращения к своему первоистоку), он прямо соединяет историко-философский анализ с индивидуальным выстраиванием „независимой философии“...»²¹²

В терминах нашей этно-энергетической концепции культуры, это – как минимум талант. Благодаря деятельности гениев и талантов осевого времени создавался новый культурный ареал инновационной творческой деятельности и единый межэтнический эгрегор, определивший пути развития всей мировой культуры вплоть до настоящего времени.

Пассионарные лидеры новых религий «осевого времени» – от Заратустры до Христа – формировали уже не просто этносы, а сразу – духовные конвексии, суперэтносы и «химеры», достигавшие мировых масштабов.

В мировом культуригенезе речь идет о кардинальной смене мифологических традиций: мифо-магические комплексы поклонения древнейшим этническим первопредкам и культурным героям, по существу, революционным образом заменяются мифо-религиозными разработанными структурами мировых религий.

Не случайно в мифах о происхождении и деятельности лидеров мировых религий подчеркиваются *космические* мотивы (выстраиваются новые *космологические* религиозные мифы), всегда лежащие в основе эгрегоров культурного поля. Космические мотивы в жизнеописаниях родоначальников мировых религий тесно переплетаются с сюжетами об их сверхъестественных

²¹¹ Ясперс, Смысл, с.33.

²¹² Кравченко В. В. К. Ясперс как историк философии // Философия и психопатология: научное наследие К. Ясперса. М.: РГСУ, 2006. С.425.

способностях, которые уже трактуются в рамках соответствующих религиозных догм, отрицая древнюю магию.

Заратустра, согласно религиозной зороастрийской традиции, был сыном Оромазда/Ахурамазды, верховного бога зороастрийцев. При рождении он не заплакал, как все новорожденные, а засмеялся, и его смех убил более 2000 демонов. Он вполне закономерно, с точки зрения нашей концепции, резко выступал против древней ведийской религии (в нашей терминологии – этнической прото-религии древних ариев, кочевых скотоводческих племен). Еще в детстве Заратустра совершал множество чудес и противостоял множеству темных сил... Считается, что Заратустра передал своим ученикам священное откровение Ахурамазды.

Лао Цзы в основанном им даосизме почитается как божество, один из Трех Чистых, т.е. верховных божеств, персонифицирующих различные аспекты и ритмы космического процесса. По легендам, он был зачат без отца от солнечной энергии, аккумулированной в пятицветной жемчужине, проглоченной его матерью,²¹³ пробыл в ее утробе 81 год и затем вышел из левого подреберья. Новорожденный был седым и получил имя, означающее «старый ребенок».

Будда (Пробужденный), Сиддхартха Гаутама из рода Шакьев, по некоторым легендам, прежде чем воплотиться в человеке, прошел огромное количество воплощений в природные объекты, растения, животных. Современный исследователь Эндрю Скилтон подчеркивает, что сам Будда отрицал, что является просто человеком или богом.²¹⁴ В учении Будды переосмыслены основные космологические идеи Вед, брахманизма и индуизма; даны новые интерпретации основных религиозных положений предшествующих этнических и народных религий, в частности, сансара, карма, дхарма, мокша и т. д.

В других мировых религиях мы также обнаруживаем подобные сюжеты, лежащие в основах их догматики.

В развитой религии (каковой является именно мировая религия) человек включается в иерархическую систему универсума, располагаясь на низшей ступеньке и соблюдая четкую субординацию. В отличие от «первобытного», цивилизованный человек избавляется от представления о своей близости к богам. Если в древности только шаманы по-настоящему осознавали непреодолимое различие между высшими существами и людьми, то на определенном историческом этапе понимание иерархичности бытия стало обычным, подкрепляясь социальной дифференциацией и иерархией, все углубляющимся разделением труда (в первую очередь – постепенным осознанием различий между интеллектуальным и физическим трудом), а также формированием жесткой этической системы и права...

О значении религиозной этики речь впереди, в данный момент мы подчеркнем социальный аспект религиозно-нравственного аспекта в развитии эгрегоров.

Религия появляется на определенном историческом этапе, когда естественное и безотчетное приятие мифа сменяется более-менее критическим рациональным отношением человека к себе и окружающему миру. Когда возникает выбор объектов поклонения и формируется личная эмоциональная «привязка» к конкретному богу (богам); когда мифы становятся не только основой коллективных ритуалов, но и сюжетом рассказов о деяниях высших существ, рассказов, вызывающих не транс, а живой эмоциональный отклик и житнетворческий порыв, – тогда и формируются религиозные мифы и создаются религии.

Итак, первобытная/ примитивная религия – это совокупность верований основной массы конкретного этноса, которая, сформировавшись на основе первозданных мифов и магической практики, предполагает регулярную коллективную связь с Высшим миром: вначале посредством деятельности пассионариев, а затем – особой касты жречества. При этом жречество

²¹³ Здесь не можем не заметить, что, с определенной точки зрения, у нашей этно- энергетической концепции обнаруживаются древнейшие истоки...

²¹⁴ Skilton, A. (Sthiramati) *A Concise History of Buddhism*. Birmingham: Windhorse Publications, 2004. P.64—65.

выступает посредниками между мирами не по магическим (или мистическим) способностям, а так сказать, по социальному призыву. Как было показано нами в этногенетической диалектике мифа, жречество выходит на первый план в конце акматической фазы, когда пассионарии первого призыва погибают, а лидеры второго призыва приходят к власти и нуждаются в идеологической, духовной поддержке. Основой социального служения жречества в любой религии является общее убеждение в том, что сами боги избирают своих служителей, хотя в принципе боги так или иначе дают людям каноны поклонения и основы необходимого культа, а жрецы – хранители основных религиозных постулатов и правил культа, можно сказать, религиозные «бюрократы», преданные слуги богов. В отличие от пассионариев, которые могли непосредственно «общаться» с Высшими силами, а потом, после гибели, причислялись к богам или полубогам в памяти своего этноса, жрецы – обычные люди, наделенные ответственными культовыми полномочиями.

Древние религии известны современному человечеству благодаря раскопкам и изучению первых государств на Ближнем и Дальнем Востоке, в Азии и в Северной Африке. Но нужно учитывать, что это уже довольно развитые древние религии, как правило, – это догматизированные и поддерживаемые государством системы обобщающих представлений о мире, сообществе и социальных нормах, удовлетворяющих государственную власть.

Народные религии – это сохранившиеся в веках основные представления, традиции и трансформированные культы примитивных религий нескольких этносов, как правило, основанные на мифо-магических комплексах наиболее мощных в энергетическом плане этносов, определявших складывание древних суперэтносов.

Мировые религии складываются в ключевой для афроевразийской «мир-системы» исторический период кардинального преобразования эгрегоров ведущих суперэтносов. Это период, когда религии «поглощают» историко-культурные наработки мифо-магических комплексов древности и выстраивают эгрегоры суперэтносов с учетом складывающихся экономических, военно-политических, социально-организационных и пр. аспектов развития государств и цивилизаций.

Об этно-энергетических основах формирования религии: ВЕРА как реальный «минимум религии»

Если ты пророк, то предскажи что-нибудь; если апостол, – проповедуй принародно; если апостольский муж, – будь единомушен с апостолами; если ты только христианин, – веруй в то, что передано.

Тертуллиан.

О плоти Христа

Если и можно говорить о необходимом и достаточном минимуме РЕЛИГИИ, то, с нашей точки зрения, это есть искренняя ВЕРА. Как мы упоминали ранее, с точки зрения Э. Тейлора, да и многих современных религиоведов, анимизм, т.е. верования в духов и, шире, – в сверхъестественное есть минимум религии. Мы же настаиваем, что ключевым моментом в религии была и остается вера, как таковая; вера в нечто большее, значительное и непреложное, чем отдельная человеческая жизнь; вера, включающая представления о закономерных результатах земной деятельности, предполагая ту или иную форму воздаяния и, зачастую, бессмертия.

Появление и развитие веры – длительный и сложный культурный процесс, требующий довольно разработанного культурного поля. Попробуем выявить основные этапы этого процесса.

Трансформация культурного поля при переходе от примитивных религий к народным и затем – к мировым религиям, в качественном плане предполагает увеличение роли индивидуальных эмоций, переживаний и чувств. В первую очередь, это смена *доверия* к автори-

тету к этнической мифо- магической традиции – на более-менее осознанные, но обязательно индивидуально прочувствованные *верования*²¹⁵ в богов суперэтнуса (в народной религии); и, наконец, формирование развитой индивидуальной и ответственной *веры* в мировых религиях. Понятно, что уже с позиции веры доверие примитивного человека, а также верования представителя определенного этноса будут представляться «суевериями» и «предрассудками».²¹⁶

В духовной сфере при становлении религии важнейшую роль сыграл факт осознанного признания расколотости целостного бытия на две части – земную и Иную/запредельную, которые перестали представлять собой как бы две стороны одной монеты, а предстали двумя противостоящими реальностями, связанными лишь, по существу, духовными узами. Магия, с ее примитивно-материалистическими представлениями уже не могла восполнить образовавшуюся пропасть между частями бытия, нужны были другие способы их воссоединения, которые вырабатывались в религии, как особом способе миропонимания и мироотношения.

Для прояснения дальнейших проблем мы вынуждены непосредственно обратиться к нашей монографии «Симфония человеческой культуры» и уточнить наше понимание *эмоций* (при этом, психофизиологический аспект рассмотрения эмоций мы трактуем в рамках нашей этно- энергетической концепции).²¹⁷

Мы рассматривали несколько уровней эмоций.

Базовая эмоция – это «автоматическая», бессознательная реакция организма в виде перераспределения энергии на действие рефлекса и инстинкта; это фиксация в биологическом теле человека, как особом сгустке энергии (или определенном микрополе), результатов взаимодействия с другими энергиями (другими микро- и макро-полями самых разнообразных видов). П. Экман выделил следующие *базовые эмоции: страх (опасение), гнев, отвращение, печаль, радость и удивление*. Понятно, что базовые эмоции характерны для всех приматов.

В культурном поле формируются **исходные человеческие эмоции**, как до- сознательные побуждения, возникающие в процессе социализации человека; они проявляются как культурные «автоматизмы», обеспечивая выживание и развитие человека в социо- культурной среде. К ним относятся: *комплиментарность, стыд, жалость, благоговение, любознательность, агрессия*.

В процессе этногенеза, с развитием мышления и усложнением культурных практик развиваются собственно **человеческие** эмоции, как субъективное восприятие человеком собственного инстинктивного процесса, его оценка в аспекте само- понимания. Развитие человеческих эмоций (индивидуализированных, пусть и заемных, но особым образом лично переживаемых) – это процесс отделения организма от природы, появление вариативности и незапрограммированности дальнейшего поведения и самоощущения человека; уход от природного «автоматизма» инстинкта, рефлекса и предсказуемости базовых эмоций. Возникает некая энергетическая самонагрузка сверх заложенной природой «энергосберегающей» инстинктивной и рефлекторной реакции. Человеческие эмоции – это основные энергетические силы культурного поля, как особой среды обитания человека, отличной от природной среды. Человеческие эмоции – это трансформация в человеческом организме энергий базовых эмоций в направлении целостной динамики культурного ареала. Человеческие эмоции **не являются** адаптациями организма к природной среде обитания, наоборот, они позволяют ему дистанцироваться как от собственных природных автоматизмов, так и от внешних природных процессов. Как особый «культурный антиинстинкт» эмоции мотивируют, организуют и направляют восприятие, мышление и действие человека, как человека, в культурном поле.

²¹⁵ Мы используем определения профессионального практического психолога Н.И.Козлова: «Верования – некритически усвоенные и не подверженные критике вербально сформулированные представления о себе, людях и мире». – Козлов, Психологос, с.54

²¹⁶ Козлов: «Проблемные верования о мире обычно называются предрассудками». – Козлов, Психологос, с.55.

²¹⁷ Кравченко, Симфония, с.119–126 (Гл.2, параграф «Эмоции и переживания»).

В этно- энергетическом плане мифо-магический комплекс примитивных человеческих сообществ строился на базовых эмоциях.

Путаница в терминологии мешает оценить смысл известных концепций. Так, идея Л. Фейербаха о том, что первые религии появились из страха людей перед природными стихиями и чувства зависимости от природы, – вполне рабочая (хотя, конечно, далеко не достаточная), если иметь в виду, что страх, как базовая эмоция, действительно, в значительной мере определяет мироотношение дикаря. На основе базовых эмоций формировалась, с нашей точки зрения, только магическая практика, не рассуждающая, а действенно-ответная реакция первобытного человека.

При этом заметим, что базовые эмоции никуда не деваются с развитием общества, они становятся «подосновой» существования культурно развитых людей, прорываясь в экстремальных ситуациях стрессами и аффектами, как бы мгновенно «погружая» культурного человека в стихию первобытных базовых эмоций. Культурное поле напоминает земной «континент», кажущийся устойчивым и надежным, но в действительности плавающий на поверхности вечно раскаленной магмы базовых эмоций.

Первобытные/примитивные этнические религии формировалась на этапе трансформации базовых эмоций в исходные человеческие. Примитивная религия возникает тогда, когда исчезает доверие к мифо- магическому комплексу, как возможности непосредственно связываться с Иным, пусть и в коллективном действе. Когда возникает глубинное осознание бесконечной и непреодолимой инаковости Высшего. Когда на фоне пассионарного заражения происходит индивидуализация обычных членов этноса. В процессе выдающейся деятельности культурных героев постепенно формируется новый культ, осененный запредельными энергиями пассионариев, которые, по представлениям обычных соплеменников, скорее всего могут «достучаться до небес», как никто другой из обычных смертных. И пассионарий (вместе с ближайшим окружением) излагает свою версию понимания Иного и способов связи с ним (иначе говоря, он формирует основы и религиозной догматики и культа), а остальные «организационные» и практические вопросы решает его ближайшее окружение, в идеальном случае – его единомышленники и последователи.

Нужно подчеркнуть, что уровень пассионарности, как таковой, не является непосредственным фактором, определяющим степень религиозности общества.²¹⁸ Пассионарность – это не столько культурное явление, сколько природно-космическое; это уникальный «ответ» уникального человеческого организма на чрезвычайное воздействие окружающей среды. Это способность некоторых людей захватывать (абсорбировать) количество повышенной энергии из окружающей среды. Это поведенческий феномен энергетической природы; дословно: «способность индивида совершать целенаправленную работу по изменению окружения (что требует длительного эмоционального, волевого, интеллектуального и зачастую физического напряжения)...» Как подчеркивал Л.Н.Гумилев, «человек в отличие от животного выдает энергию в виде осмысленных, социально значимых действий».²¹⁹

Как мы предположили, есть все основания считать, что человеческие сообщества испытывали пассионарные толчки задолго до появления даже примитивных религий, в глубокой древности, потому расход пассионарной энергии осуществлялся каждый раз на конкретные цели, например, на разработку мифов и новых культурных и магических практик. Религия,

²¹⁸ Пассионарность представляется непосредственным фактором религиозности, например, в статье: Коптелова Т. И. Методология изучения религиозного сознания в теории этногенеза Л.Н.Гумилева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т.16, вып.4. На с.171 автор статьи отмечает: «Каждой фазе этногенеза соответствует свой уровень пассионарности, определяющий степень религиозности общества, под которой подразумевается вера в сверхъестественное, коллективная устремленность к духовным идеалам: добру, истине, красоте, справедливости». – Понятно, что мы не можем согласиться с этим утверждением сразу по нескольким пунктам.

²¹⁹ Гумилев, Этносфера, с.509—510.

как и художественное творчество, военные походы, экономические реформы, создание новых идеологий и т.д., – все эти возможные направления духовной деятельности пассионария могут быть только конкретными каналами реализации избыточной энергии; но сама природная энергия, как таковая, ни в коей мере не может определять *направление своей культурной реализации!*

В нашей концепции очевидно, что в древности пассионарная энергия реализовалась, главным образом, в базовых и исходных человеческих эмоциях, определявших особенности неразвитого, примитивного культурного поля. Скорее всего, только на этапе достаточного развития социума, в период становления первых цивилизаций имеет смысл говорить о развитии примитивных и затем – о формировании народных религий в суперэтносах.

Становление цивилизаций обычно связывают только с так называемыми «земледельческими (неолитическими) революциями», когда, начиная примерно с десятого тысячелетия до н.э., в определенных регионах целый ряд этносов и суперэтносов перешел от охоты и собирательства – к земледелию и животноводству, а главное – преимущественно к оседлому образу жизни и строительству постоянных поселений, а со временем – городов и государств.

Мы обращаем внимание на то, что с появлением цивилизаций кардинально изменились системы культурных взаимодействий между отдельными людьми, семьями, консорциями, конвиксиями, этносами, суперэтносами... Иначе говоря, резко возросло напряжение прежних этно-культурных полей и началось формирование новых, межэтнических, суперэтнических и химерных культурных полей. Уже довольно развитые люди восходящих цивилизаций, обученные не только земледелию и разведению скота, но и разнообразным ремеслам, различным видам художественного творчества и эстетической деятельности, получившие еще и письменность (как мы видели на примере Шумера), – именно эти цивилизованные люди стали исповедовать уже не примитивные/языческие, а народные религии. И именно у этих людей развились верования, категорически отличавшиеся от первобытного доверия древним мифам.

Опять вынужденно обратимся к основам нашей этно- энергетической концепции. Становление и развитие цивилизаций приводит к интеллектуальному, индивидуально- и социально-психологическому развитию, для которого только эмоций недостаточно. Цивилизованный человек осваивает новый вид духовной деятельности – *переживание*, т.е. процесс перераспределения и дополнительного расхода человеком эмоциональной энергии в собственном энергетическом поле, и в результате происходит самовоздействие человека не только на эмоциональном, но и физическом, и рациональном уровне. Переживание можно считать «*оптимальным*» (используя термин М. Чиксентмихайи²²⁰), когда человек направляет на достижение своих целей больше психической энергии, а главное – получает возможность реального саморазвития, улучшения качества жизни, обретения новых смыслов в личной и социокультурной активности.

В процессе активной социокультурной деятельности, происходящей не только на основе разнообразных эмоций, но и личных переживаний, возникает то, что мы называем *чувством*.

По Н. И. Козлову, **чувства**, – это «не нечто природно-натуральное, а опосредованная знаками культуры высшая психическая функция, продукт культуры и социального научения. Чувства не рождаются вместе с нами: им обучают и их осваивают сами. Чувства воспитывают семья, школа, искусство, культура общества в целом».²²¹ Подчеркнем: чувство – это результат рационального осознания и ментального направления энергии эмоций на любой объект или

²²⁰ Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Альпина Нон-фикшн, 2014. С. 65—80.

²²¹ Козлов Н. И. Психологос, с.133. – Заметим, что понятие «чувство» отсутствует в современных философских словарях, а в психологии по поводу исследования эмоций и чувств существует необозримое множество подходов. Мы используем определения практического психолога, доктора психологических наук Н.И.Козлова, у которого в подходах к указанным проблеме усматриваем некоторое созвучие с нашей концепцией.

другого человека, а также в область какой-либо социо-культурной деятельности (проявление и направление чувства).

В нашем исследовании предлагается классификация членов этноса «по энергиям» (как один из вариантов духовной иерархии в космосе Культуры):

- супер- страстные (пассионарии)
- «страстные» (с меньшей пассионарностью)
- «обычные» (гармоничные)
- «инертные» (субпассионарные).²²²

Для всех энергетических типов людей характерны базовые эмоции, человеческие/культурные эмоции и переживания. Каждому культурному человеку присуща способность не только переживать, но и анализировать, осознавать свои эмоции и чувства, а главное – направлять их в область конкретной деятельности. Однако формирование и функционирование чувств у каждого энерготипа людей кардинально различны, поскольку, во-первых, различна индивидуальная «энергоемкость», а во-вторых, неповторимы социо- культурные условия (в первую очередь, фаза развития этноса), необходимые для реализации жизненной энергии.

С точки зрения энергетической шкалы Дж. Г. Беннетта (см. Приложение), введенные нами энерготипы членов этноса управляются энергиями различного уровня. Супер- страстные пассионарии – космическими энергиями – от E4 и выше. Страстные таланты и гении – от энергии жизни E5 до творческой энергии E3. Обычные (гармоничные люди) – автоматической энергией E6 и редко – чувствительной энергией E5. Инертные люди – сочетанием жизненной энергии E7 и автоматической E6.

Каждый энерготип находится на «пересечении» энергий, что определяет значительное разнообразие индивидуальных психических организаций, жизненных и социокультурных позиций, способов деятельности и т. д. Потому невозможно представить всё возможное разнообразие переживаний и чувств людей, живших в разные исторические эпохи, являвшихся членами различных сообществ, занимавших различные социальные, экономические, политические и т. д. позиции, да еще с учетом их индивидуально-психологической динамики!

Для нас важным моментом является тот бесспорный факт, что в новых эгрегорах супер-этносов и химер, стимулируемых в своем развитии мощными токами мировых религий, оформлялись и развивались новые – универсальные человеческие чувства: **Любовь, Совесть и Вера**. Именно они, явившись высшим достижением культур мирового уровня, уже с эпохи «осевого времени» стали залогом ее космического совершенствования, вплоть до наших дней.

Л.Н.Гумилев, развивая пассионарную теорию, подчеркивал, что у пассионариев ярко выражена *аттрактивность*, как бескорыстное влечение к истине, красоте и справедливости. В психологии аттрактивность – синоним термина «идеальные потребности». ²²³ Именно пассионарии, осененные воздействием высоких космических энергий, формулируют новые идеалы и основы собственной веры, а затем «заражают» ими своих последователей и всё социокультурное окружение. Вообще говоря, пассионарии в принципе вносят в культурное поле новые векторы и доминанты развития, среди которых, как правило, большую роль играют религиозные, мистические, эстетические, идеологические и пр. идеи.

В результате переживания пассионарных идей люди других энерготипов, независимо от их отношения – положительного, отрицательного, нейтрального, – могут обрести веру.

ВЕРА – это кумулятивный эффект ряда особых напряжений индивидуальной психо-эмоциональной энергии в процессе переживаний острого стресса, эмоционального потрясения и т.п., связанных с пересмотром смысложизненных ценностей.

²²² Кравченко, Симфония, с.134.

²²³ Гумилев, Этносфера, с.495.

Вера не появляется в одночасье (хоть иногда так многие думают или так может показаться). Вера всегда – результат напряженной внутренней работы и трансформации миропонимания, как правило, связанного с личностным ростом или кризисом, осознанием непостижимости фундаментальных тайн бытия и поиском духовной опоры.

Родоначальники религий «осевого времени» не случайно проповедовали свое учение *устно*.

(«Бенаресская проповедь» (сутта, обращение) Будды была его первой речью после достижения им Полного Пробуждения, содержащая основные принципы буддизма.

Осталась в веках знаменитая фраза Лао Цзы, обращенная к Конфуцию: «Оставь, о друг, свое высокомерие, разные стремления и мифические планы: всё это не имеет никакой цены для твоего собственного я. Больше мне нечего тебе сказать!» Создание трактата «ДаоДэ цзин» окутано легендами; поначалу, скорее всего, он существовал в форме устных наставлений.

Основным произведением Конфуция считается труд «Лунь юй» («Беседы и суждения»), по существу, это сборник устных *бесед* религиозного философа с учениками, составленный уже после смерти Конфуция.

Нагорная проповедь Иисуса Христа, переданная в Евангелии от Матфея, в отличие от Десяти Заповедей Моисея, не была выбита на скрижалях, она прямо и непосредственно адресовалась сердцам и душам слушателей. Проповеди Спасителя содержали основные идеи христианства. Позже, во всех уголках земли, они развивались и толковались в проповедях его апостолов, несших народам мира, в первую очередь, Слово Божие, а не букву его учения.

Родоначальники мировых религий добивались максимального эмоционального воздействия на слушателей, начала процесса переживания, а затем – формирования истинной веры. Они старались контролировать этот процесс, регулярно проводя беседы и проповеди, внимательно выслушивая все вопросы и подробно отвечая на них. Их ближайшие ученики и сподвижники также проводили беседы, читали проповеди для все большего количества слушателей. Это и был сильнейший эффект эмоционального «заражения», широкой индукции пассионарного напряжения. Составленные учениками и последователями религиозные тексты уже позже, как правило, после ухода великих Учителей, становились основой вероучения, культа и духовного единения верующих.

Итак, основной вопрос развитой религии – это вопрос *веры*, которая изначально основана на той предпосылке, что контакт с Иным в принципе возможен, но он – исключительное явление и свершается только по высшей воле (благодати), а не так, как в магии, когда у мага есть некие возможности принуждать высшие силы к действиям, необходимым смертным, когда сам маг пожелает. Трансформация магии в примитивную религию – это, в первую очередь, переход от магического принятия Иного как неотъемлемой части здешнего мира и уверенности в возможности человека своей волей *влиять* на высших существ посредством ритуалов, – переход к религиозному пониманию того, что Иной мир бесконечно далеко/высоко, но если правильно *просить* высших существ, то они могут услышать и помочь по их собственному желанию.

Вера – основополагающий фактор религии, которую мы определили как одно из важнейших *универсальных* человеческих чувств. Как универсальное чувство, вера ориентируется на опыт эмоционального разума и оптимистически полагается на возможность прямого соединения человеческих и космических энергий.²²⁴ Как мы выяснили в нашей монографии, появление и развитие универсальных чувств (веры, любви, совести и др.) возможно только при определенном психофизиологическом развитии человека, когда, в первую очередь, проявляются особые возможности работы мозга. Также формирование веры обусловлено энергетическими режимами деятельности всего организма; вера, прежде чем стать основой жизненной позиции и путеводной звездой человека, проявляется на эмоциональном подъеме, в соотне-

²²⁴ Кравченко, Симфония, с.361.

сении переживания с базовыми эмоциями, поэтому можно находить биологические «корни» веры и в страхе, и в удивлении, и в радости, и в печали...

Как в любом универсальном чувстве, в вере эмоциональное и рациональное, бессознательное и осознанное находят гармоническое равновесие; противоречия между ними снимаются.

Таким образом, появление собственно религии, с нашей точки зрения, связано с целым рядом причин. Главными из них являются: необходимое развитие культурного поля, в свою очередь, предполагающее интеллектуальное и духовное развитие большинства представителей этноса, в частности, предпосылки появления *веры*; формирование определенных государственно-политических систем организации общества; существенное преобразование магических практик, главным образом, коллективных ритуалов; перестройка социальной иерархии и существенная индивидуализация культурных практик, формирование в социо-культурном поле индивидов, опирающихся в своей духовной жизни не на бездумное доверие традиции, а на более-менее осознанное и даже критическое отношение к миру и обществу, и главное – свое место в них.²²⁵

Религия предполагает наличие искренней веры у представителей религиозной общности, которая уже может не совпадать с этносом. Мировые религии, как правило, изначально формируются в химерах и суперэтносах.

Племя прасунцев – от этнокультурный пример перехода мифо-магического миропонимания — к религии

...быть – а еще вернее, стать – человеком означает быть «религиозным».

Мирча Элиаде.

Ностальгия по истокам

Карл Йеттмар, наблюдая жизнь племен Северного Кафиристана в XX в., специально исследовал их религию, особо выделив племя прасунцев, довольно замкнуто живших в долине Прасун. Этнограф не мог объяснить особое положение этого племени среди других племен.

Более всего прасунцев отличало удивительное миролюбие. Йеттмар приводит свидетельство этнографа XIX в. Робертсона о том, что «...прасунские кафиры имели репутацию людей настолько слабых и трусливых, что окружающие позволяли себе вымогать у них дары и даже заставляли их регулярно платить дань <...> Прасунцы переносили все это терпеливо – днем осторожно и с покорностью, ночами отходя под защиту своих укрепленных селений. Лишь зимой, когда закрывались перевалы, можно было передвигаться по Прасуну без опасений».²²⁶

Выдвигая различные версии о появления такой ситуации, Йеттмар закономерно пришел к выводу о том, что прасунцы – пришлое племя, родословная которого окутана мифами и легендами. Исследователь размышлял: «Общераспространенное пренебрежительное отношение к прасунцам, и возможно, также и ощущение того, что они – люди чуждые и злые, нашли выражение во всевозможных историях об их подозрительном происхождении. Так, например, рассказывают, что они – потомки семи демонов, которых пощадили те, кто по распоряжению богов истребил всю эту нечисть. По другому рассказу, бытующему у кафири-кати долины

²²⁵ Обратим внимание на то, что наши рассуждения о выделении религии как специфического духовного феномена только на определенном этапе развития этноса, вполне солидарны с концепцией «культурно-исторических типов» Н.Я.Данилевского. Правда, он считал, что подлинная религия была характерна для одного, избранного, народа. Н. Данилевский писал: «Религия выделилась как нечто особенное и вместе высшее только в цивилизации еврейской и была всепроницающим ее началом. /.../ Религия эта была беспримесная, а только сама налагала на все свою печать, и все остальные стороны деятельности оставались в пренебрежении...» – Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.С.471.В нашей же концепции подчеркивается тот факт, что на определенном этапе развития любого этноса именно религия становится важнейшим духовным феноменом культурного поля.

²²⁶ Йеттмар К. Религии Гнндукуша. М.: Наука, 1986. С.46.

Башгал, прасунцы ведут свое начало от демона, сотоварищ которого стал родоначальником кати- «рабов».

И далее он недоумевает: «Как объяснить этот удивительный синдром: презрение, сопровождающееся постоянными упреками в трусости, затем представление о связи с демонами и, наконец, роль религиозного центра?».²²⁷

Попробуем предложить свое решение проблемы на основе нашей концепции.

Для нас совершенно очевидно, что племя прасунцев – пришлое, с некой солидной предысторией развития до появления в долине Прасун.

Йеттмар отмечал: «...мужчины- прасунцы, очевидно, занимались земледелием еще до принятия ислама. <...> у них существовала „земля богов“, на которую женщины не смели ступать, а, следовательно, и возделывать ее должны были мужчины. Вероятно, это обстоятельство усилило предубежденное отношение к ним со стороны других племен».²²⁸

Судя по основным признакам нынешнего этнокультурного состояния, прасунцы находятся в мемориальной фазе своего развития: пассивные, существующие в гармонии с природой, поддерживающие традиционный быт, установившие более-менее устойчивые отношения с ближайшими племенами. Если исходить из хронометрических рамок этногенеза средней продолжительности, то племя прасунцев может насчитывать до тысячи лет.

Стареющий этнос прасунцев сохранил жалкие остатки этногенетических мифов: «демоны», от которых они якобы произошли, – явно ассоциируются со сверхъестественными первопредками, которые в незапамятные времена и в другой местности дали «пассионарный толчок» к появлению этого этноса. Судя по остаточным проявлениям того невольного пиетета, который испытывают к прасунцам даже те племена-соседи, которые их, нынешних, презирают и обируют, прасунцы в древности обладали мощными магическими знаниями и практиками.

Характерно, что, рассматривая нынешнее положение прасунцев, Йеттмар замечает: «Можно было бы объяснить это тем, что кафиры являлись религиозной общиной, жрецами которой было племя прасунцев. Известна такая организация у иранцев (где маги считаются одним из шести „кланов“ мидийцев²²⁹) и у индийцев (брахманы). Возможно, этим объясняется и тот факт, что Прасун не подвергался экспансии носителей языка кати».²³⁰

Предположение Йеттмара, которое мы полностью поддерживаем, подтверждается еще и информацией, полученной Будруссом о том, что «... в Прасуне при исполнении религиозных обрядов пользуются секретным „языком богов“». Йеттмар выяснил, что «... упомянутый божественный язык при ближайшем рассмотрении оказался древним и недоступным пониманию языком кати. Это подтверждается также тем, что и в наши дни прасунцы относятся к вторгающемуся к ним исламу серьезнее, чем их собратья- кафиры».²³¹

Итак, в древности предки нынешних прасунцев входили в некий суперэтнос, в котором занимали настолько высокое «духовное» положение, скорее всего, связанное с сакральной жреческой традицией, что даже при социо- культурной трансформации древнего суперэтноса в другой (или в химеру), сохранилось привилегированное положение прасунцев из-за их непосредственной связью с Иным.

Для Йеттмара эта ситуация, по его признанию, необъяснима, но с нашей точки зрения она совершенно ясна: прасунцы обладали тайным магическим знанием, которое было характерно для многих древних племен, непосредственно ведущих свое начало от первопредков (мы видели, что подобный «тайный язык» сохранился до нынешнего времени у жрецов догонов

²²⁷ Йеттмар, Религии Гиндукуша, с 48.

²²⁸ Йеттмар, Религии Гиндукуша, с.46.

²²⁹ См. подробнее о мидийских магах выше, в параграфе 1.2.Магия.

²³⁰ Йеттмар, Религии Гиндукуша, с.48.

²³¹ Йеттмар, Религии Гиндукуша, с.48.

(«сиги-со»); остатки особого языка обнаруживаются у пираха, причем, в отличие от прасунцев, в особых случаях пираха этот язык даже иногда используют).

Таким образом, прасунцы – древнее племя, существующее в состоянии мемориальной фазы этногенеза, сохраняющее смутную память о «земле богов», на которой они, скорее всего, образовались как этнос и в фазе подъема или акме переселились в долину Прасун, волею исторической судьбы объединенные с другими племенами в суперэтнос (или химеру), где доживают свой этнический «век». Магические знания племени в древности, аккумулированные в «божественном языке», сохранялись жрецами. Другие племена признавали прасунских жрецов и даже создали местные мифы (скорее всего, переиначив древние этногенетические прасунские мифы) о происхождении прасунцев от демонов. Жрецы и их неведомая сегодня магия сформировали настолько мощный авторитет этому племени, что с развитием древних религий именно этот регион стал источником более развитых представлений об Ином.

Как свидетельствует Йеттмар, до сих пор «...нет никаких сомнений в том, что Прасун являлся религиозным центром Кафиристана. <...> в прасунском селении Куштеки находился центральный храм Имры, т.е. божества, которое <...> почитали также в Южном Кафиристане. Существует ряд указаний на то, что религиозный авторитет прасунцев был общепризнанным. Именно в долине Прасун бытует огромное количество историй о божествах».²³²

Более того, с развитием местных религий, в частности, культа главного бога Имра (Мару), стали меняться представления о происхождении прасунцев!

Как указывает К. Йеттмар: «...род Казем в Штиве считал своим прародителем бога Имру (Мару) и к этому роду принадлежали все предводители прасунцев. Они и теперь имеют право на получение дани со всех остальных селений. Иногда мы слышим также о том, что кланы являются „почитателями определенных божеств“».²³³

Однако, признавая некоторые умозаключения исследователя о происхождении прасунцев и причинах их особого положения среди других племен, в вопросе о самих истоках бытующих сегодня религий Кафиристана мы бы могли поспорить с К. Йеттмаром.

Он пишет: «Однако, быть может, религия прасунцев первоначально возникла в области Кати, а в Прасуне была лишь глубже воспринята и сохранилась лучше, чем у самих кати?»

«Ни в коем случае нельзя рассматривать религию прасунцев вне связи с религией их соседей кати. Мы имеем дело здесь с двумя комплексами, при изучении которых следует исходить из существования длительного симбиоза между ними. Они ближе друг к другу, чем к религиозным системам Южного Кафиристана».²³⁴

С нашей точки зрения, как мы подчеркивали выше, прасунцы в далекие времена принесли в долину Прасун НЕ РЕЛИГИЮ, а МАГИЮ, и, вероятно, прасунские жрецы обладали очень сильной магией, заслужив авторитет, память о котором распространяется даже на их энергетически пассивных потомков. Остатки древнейших мифов об их «демоническом» происхождении об этом явственно свидетельствуют. А вот «переписывание» древней истории прасунцев и формирование *религиозных* мифов об их происхождении совершенно очевидно свидетельствует уже об отказе самих прасунцев от древней магии и их, скорее всего, принятии местного культа или некоего синтеза местных религий (о создании собственной религии речи быть не может ввиду сильной энтропии этнического культурного поля и явно агрессивного и мощного социального, политического и, конечно, религиозного воздействия более молодых и активно развивающихся местных племен, относящихся к тому суперэтносу/химере, куда были определены прасунцы, причем, вряд ли по своей воле). Серьезное противостояние прасунцев исламу, которое упоминает Йеттмар, связано, по нашему мнению, с тем фактом,

²³² Йеттмар, Религии Гиндукуша, с.47—48.

²³³ Йеттмар, Религии Гиндукуша, с.48.

²³⁴ Йеттмар, Религии Гиндукуша, с.48.

что реликты древней магии и основы местных культов, принятых племенем, скажем, на этапе акме или в пору раннего упадка, являются важнейшими чертами самоидентификации племени, что особенно важно в мемориальной фазе. Войдя в более поздний исламский суперэтнос, прасунцы окончательно потеряют остатки своей этнической идентичности. Хотя, возможно, мощная энергетика ислама, самой молодой мировой религии, могла бы «подзарядить» умирающий этнос новыми культурными токами и обеспечить некую регенерацию этноса; хотя, учитывая особенности ислама, скорее, можно было бы ожидать полной рекультурации²³⁵ прасунцев. Понятно, что под влиянием ислама даже остатки древней прасунской магии полностью исчезнут из этнической памяти.

1.4. Древние философии – от мифа к логосу

*Философия не дает бесценных результатов, но изучение философии дает бесценные результаты.
Тадеуш Котарбиньский*

О начале философии

Как уже подчеркивалось ранее, мы категорически не разделяем утверждения Э.Б.Тейлора о том, что анимизм является сущностью религии, и так же не принимаем его утверждения: «...Анимизм составляет в самом деле основу философии как у дикарей, так и у цивилизованных народов».²³⁶ Во-первых, образ «философа-дикаря» для нас смехотворен и неприемлем, а во-вторых, само представление о философии, как таковой, у нас явно не совпадает с таковым у Э. Тэйлора.

С нашей точки зрения, философии появляются как особые формы осмысления мифов на довольно продвинутом этапе развития культурного поля определенного историко-культурного региона территориях Древней Индии, Древнего Китая, Средиземноморья (или Афровразийского региона).

Необходимыми предпосылками появления и развития философии, как таковой, в общерегиональном эгрегоре культурного поля должны быть выстроенные духовные иерархии основных мифов, так или иначе обоснованы мифо-магические практики, сформированы основы религий и религиозных культов. Здесь же уточним: необходимо учитывать категорическое различие философий, появляющихся в разных культурных полях. Особенности каждой из них будут зависеть от выше обозначенных основ, а также определяться спецификой вклада отдельных этносов, которые стали частью соответствующих конвиксий, консорциев, суперэтносов или химер.

Для **философии** (философских школ и направлений) основой и началом являются **мифы**, но, в отличие от **религии**, философия пытается критически их осмыслить, а главное – в зависимости от характера самого философствования – некоторые мифы развенчать или даже уничтожить, а другие – поставить на службу уже вполне сознательно формируемым социальным, государственным и религиозно-государственным целям и задачам, а также зарождающемуся «научному» познанию окружающего мира. Стихия народных и фольклорных мифов продолжает развиваться, обыденные мифы превращаются в приметы, поверья и суеверия; мифологические устные сказания, легенды, баллады, эпосы превращаются в литературные

²³⁵ Рекультурация – это усиленное социально-культурное воздействие со стороны доминирующего (более молодого или энергетически мощного) этноса на представителей другого этноса, ассимилирующегося в непривычном для него культурном поле (перевоспитание, переобучение, адаптация).

²³⁶ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С.211.

памятники; семейные и этнические мифы становятся базовыми для этнического менталитета и основой формирования духовных эгрегоров конкретных этносов.

В предыдущей подглавке мы уже обращались к концепции К. Ясперса об «осевом времени», которое, в первую очередь, для средиземноморского культурного ареала стало временем зарождения мировых религий и философии. Обычно исследователи учения К. Ясперса подчеркивают его мысль о смене мифологического мировоззрения на рациональное и философское, приведшее к современному миропониманию. Однако само понятие «философии» в древности было далеко не однозначным.

Обратим внимание на древнегреческую культуру, которая заслуженно считается основой того средиземноморского мировоззрения, которое можно назвать «парадигмальным» для всей последующей европейской культуры. Однако не все «ростки» будущих философий получили одинаковое развитие.

Одно из важнейших направлений древнегреческой философии было связано с *религиозно-мистическим поклонением богу Аполлону*.

Плутарх вкладывает соответствующую сентенцию в уста философа Аммония Саккоса: «... дорогой нам Аполлон излечивает и разрешает трудности, касающихся жизненных обстоятельств, посредством прорицаний, которые он дает людям, вопрошающим оракул; но трудности, разрешаемые только посредством размышления, он как будто бы сам посылает философу, возбуждая у него аппетит, зовущий того к поиску истины...»²³⁷ Заметим, что именно Аммоний Саккос (175—242) считается основателем александрийской школы неоплатонизма и, забегаая вперед, напомним – одним из признанных гениальных мистиков древности

Как показывает далее Плутарх, эти положения не вызвали никаких возражений среди слушателей Аммония. Уважаемый древний автор пишет: «Относительно того, что бог не в меньшей степени является философом, чем прорицателем, всем показались правильными объяснения Аммония; он раскрыл значение каждого имени бога; «Пифиец» – бог для начинающих учиться и исследовать, «Делиец» и «Фанес» – для тех, перед кем уже частично раскрывается истина, «Исмений» – перед обладающим знанием и «Лесхинорий» – для людей, которые уже набрались опыта и извлекают пользу из споров и философских бесед друг с другом. («Пифиец» Аммоний производит от греч. «спрашивать»; «Делиец» от греч. «ясный»; «Фанес» от греч. «светить»; «Исмений» от греч. «знать»; «Лесхинорий» («покровительствующий беседе») от греч. «место бесед»».²³⁸

Итак, начало философии для древнегреческих мыслителей – божественно; она *не наукоподобное знание, а данное свыше умение рассуждать и толковать по поводу данных от того же бога сложных заданий*. Аполлон привлекает к философии и начинающих, и обладающих знанием, и всех тех, кто стремится свой опыт применить и обменяться им в философских беседах. (Вспомним, что древнегреческое «филео» – обозначает «стремление», а не какую-то «любовь» к мудрости!)

Прорицания и их толкования в Дельфийском храме Аполлона – важнейшая составляющая часть жизни древних греков, как отдельных граждан, так и целых полисов. Истинность или ложность оракулов, заключенных в туманные определения, действительно, требовала значительных мыслительных усилий и игры воображения. Аммоний, по сообщению Плутарха, продолжал: «Так как начало философии, – сказал он, – это поиск истины, а начало поиска – удивление и затруднение, то естественно, что многое, касающееся божественных дел, кажется сплошными загадками и настоятельно требует вопроса „почему?“ и исследования причины».²³⁹

²³⁷ Плутарх, О «Е» в Дельфах, с.3.

²³⁸ Плутарх, О «Е» в Дельфах, с.3.

²³⁹ Плутарх, О «Е» в Дельфах, с.3.

Судя по всему, пытливый греческий ум в поисках ответа на многочисленные вопросы, в том числе, о соотношении человеческого и божественного знания, видел *наущицу необходимость в том, чтобы постоянно «сверять» данное богом и постигнутое человеком*. И именно это называли *философией*. Можно ли назвать такую философию наукой? Конечно, если и саму науку сверять не по данным человеческих рассуждений и созданным людьми приборам, а по тем «посланиям», которые человечество получает «извне».

Как это отличается от современного понимания и науки, и философии! Но это нормальная ситуация для древнегреческого эгрегора, и более адекватное рассмотрение соотношения разных по времени и мировоззренческим основам культурных полей. Европейская традиция слишком прямолинейно и простодушно обозначила некие традиции преемственности от древнегреческой философии – к новоевропейской. Если говорить об аристотелизме, как основе европейского философствования, то здесь нет необходимости слишком возражать.²⁴⁰ Но если говорить о доклассической древнегреческой традиции, понятие философии и ее связь с аполлонической мистикой (через пифий и оракулов, конечно), для самих греков была безусловной (о пифийской мистике см. подробнее в главе «Виды мистики»).

²⁴⁰ Чествование Аристотеля по случаю его 2400-летней годовщины мировым философским сообществом показало действительную роль идей Стагирита и его последователей в становлении и развитии новоевропейской философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.